

СОВЕТСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

СОВЕТСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 4

(600)

СОВЕТСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ

Сборник

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

Составитель заслуженный мастер спорта,
заслуженный тренер СССР,
двукратная олимпийская чемпионка,
чемпионка мира и Европы А. СЕРЕДИНА

Советские олимпийцы: Сборник/Сост. А. Середина; Предисл. А. Колесова. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 256 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 4 (600)).

1 р. 30 к., 150 000 экз.

Книга рассказывает о жизни и деятельности выдающихся советских спортсменов Арсена Мекокишвили, Федора Терентьева, Всеволода Боброва, Владимира Куца, Махмуда Умарова, Валерия Попенченко, Юлии Рябчинской. Выход сборника приурочен к началу Олимпийских игр в Москве.

ББК 75.4(2)
7А.02С

С 70302—070 266—80. 4700000000
078(02)—80

АРСЕН МЕКОКИШВИЛИ

ФЕДОР ТЕРЕНТЬЕВ

ВСЕВОЛОД БОБРОВ ,

ВЛАДИМИР КУЦ

МАХМУД УМАРОВ

ВАЛЕРИЙ ПОПЕНЧЕНКО

ЮЛИЯ РЯБЧИНСКАЯ

Олимпийские игры... В этих словах для спортсменов, их наставников и многочисленных болельщиков заключено очень многое. Олимпийские игры не только крупнейшие соревнования нашего времени, в кото-

рых участвуют сильнейшие атлеты всех континентов, это многочисленные встречи, деловые контакты, это праздник мира, молодости и здоровья.

Об Олимпиаде-80 советские люди говорят: «наша Олимпиада». Впервые столица социалистического государства станет местом проведения столь грандиозного спортивного форума. XXII игры в Москве явятся важным вкладом в дело укрепления сотрудничества между странами, разрядки международной напряженности, конкретным воплощением духа Хельсинки.

С 1951 года СССР участвует в олимпийском движении. Уже первые выступления представителей Страны Советов на олимпийской арене произвели огромное впечатление.

чатление на зрителей и специалистов. «Русские — настоящие олимпийцы, — заявил, например, известный в мире спортивной науки нобелевский лауреат Филипп Ноэль Бейкер. — Они вкладывают в борьбу высокую спортивность, для них победа приобретает особый смысл потому, что — по всему видно — она нужна не только тому или иному участнику, который находится на дистанции, но прежде всего нужна стране, его народу». С того времени авторитет нашего спорта значительно укрепился. Этому способствовали успешные выступления советских атлетов на Олимпиадах и других представительных международных соревнованиях.

С гордостью произносим мы имена тех, кто завоевывал олимпийские медали, кто с честью пронес спортивный флаг Отчизны на играх в Хельсинки и Кортина д'Ампеццо, Мельбурне и Риме, Токио и Мюнхене... Арсен Мекокишвили, Федор Терентьев, Всеволод Бобров, Владимир Куц, Махмуд Умаров, Валерий Попенченко, Юлия Рябчинская — герои этой книги. Их победы — это пример высокого мастерства, самоотдачи, собранности, веры в свои силы и, конечно же, ответственности перед Родиной, перед Коммунистической партией, которая повседневно заботится о духовном и физическом совершенствовании советских людей. Спортсмены, пережившие трудности военного и послевоенного времени, были коллективистами в самом высоком значении этого слова. Главным в их жизненной позиции было служение своему Отечеству.

Каждый из героев этого сборника не только талантливый спортсмен, но и яркая, сильная личность. История описанных в книге спортивных побед — это история самоотверженной борьбы — борьбы с сильным соперником, с неблагоприятными обстоятельствами, с самим собой, наконец. Именно в такой постоянной и нередко драматичной борьбе человек может наиболее полно проявить свои способности, реализовать свой духов-

ный, физический и нравственный потенциал. Не это ли одна из причин поистине всенародной популярности выдающихся спортсменов?

В очерках, составляющих сборник, рассказывается об участии наших атлетов в олимпийских поединках и других крупных соревнованиях. Это живые, волнующие страницы истории нашего спорта, зовущие нынешнее поколение советских спортсменов и, в частности, тех, кто будет защищать честь нашей Родины на Московской олимпиаде, к новым замечательным победам.

*А. КОЛЕСОВ,
олимпийский чемпион,
заслуженный мастер спорта,
заместитель председателя Комитета
по физической культуре
и спорту при Совете Министров СССР*

14 июля 1952 года специальный поезд увозил из Выборга советских олимпийцев. До Хельсинки, где через несколько дней открывались XV Олимпийские игры, всего несколько часов езды. Но каким долгим, каким трудным был путь на первую в истории советского

АРСЕН МЕКОКИШВИЛИ

спорта Олимпиаду для каждого из наших спортсменов, для всей команды в целом.

Вопрос об участии Советского Союза в олимпийском движении стоял уже давно. Международный олимпийский комитет хотел видеть советских спортсменов еще на предыдущей Олимпиаде 1948 года. Однако тогда приглашение пришло слишком поздно — всего за несколько месяцев до начала игр. И так как времени на подготовку оставалось чрезвычайно мало, от участия в Лондонской олимпиаде пришлось отказаться.

Дебют в Олимпийских играх — серьезный и ответственный шаг. И здесь, как говорят в народе, «поспешать нужно не торопясь».

В апреле 1951 года был создан Олимпийский комитет СССР, который спустя всего месяц получил признание Международного олимпийского комитета.

Так советские спортсмены стали полноправными участниками Хельсинкской олимпиады.

Кандидатов на поездку в Хельсинки во всех номерах олимпийской программы было несколько. По три-пять

человек в каждой весовой категории готовились и в команде наших борцов, вернее сказать, в командах наших борцов. Ведь предстояло участвовать в соревнованиях и по классической и по вольной борьбе. «Классики» и «вольники» чувствовали себя одним коллективом. Все хорошо знали друг друга, долгие годы соперничали на ковре, дружили в жизни.

В ту пору вольная борьба числилась у нас «новичком», недавно появившимся видом спорта, и неудивительно, что борцы классического стиля стали пионерами вольной борьбы. В первые послевоенные годы среди борцов не существовало четкого разделения на представителей того или другого стиля. Многие атлеты с успехом выступали в соревнованиях и по классической, и по вольной борьбе, и по борьбе самбо.

...Постепенно круг кандидатов в олимпийцы сужался. За две недели до отъезда в Хельсинки тренерский совет сборной команды Советского Союза по вольной борьбе, в который входили такие известные деятели этого вида спорта, как А. А. Сенаторов, В. М. Кухианидзе, А. С. Карапетян, Э. К. Пуусепп и Н. М. Галковский, сделал выбор. Во всех весовых категориях фигурировали по два атлета, и лишь в тяжелом весе значилась одна фамилия — Мекокишвили.

Этот высокий, слегка седеющий богатырь имел репутацию доброго, незлобивого человека. При общении с товарищами лицо его часто озаряла чуть застенчивая улыбка. Усы не придавали ему суровости — две черные жесткие щеточки скорее смягчали очертания.

Но на ковре Арсен Мекокишвили становился неузнаваем: когда он видел перед собой соперника, вся его застенчивость ментально улетучивалась: воля, натиск, невероятная сила — все было направлено на достижение победы.

Тренеры считали, что по классу, по опыту, наконец, по силе духа никто из других советских атлетов-тяжеловесов голямого стиля не мог быть поставлен рядом с Мекокишвили; сам же Арсен прекрасно понимал, что если у него нет равных соперников дома, то это отнюдь не значит, что их нет в других странах. В 1947 году он был запасным в команде на чемпионате Европы по классической борьбе в Праге. Он радовался, когда три его товарища Н. Белов, К. Коберидзе и И. Коткас в последний день соревнований поднялись на высшую ступень пьедестала почета и

получили золотые медали. Его старый друг и соперник эстонский тяжеловес Иоганнес Коткас, принимая поздравления, говорил: «Ничего, Арсен, подожди немного, скоро и ты выйдешь на международную арену — посмотри, как «пошла» у нас вольная борьба!» Действительно, популярность нового вида спорта росла в нашей стране год от года.

Лидерами нового вида борьбы стали спортсмены, воспитанные в республиках на народных видах борьбы, таких, как грузинская чигаоба, армянская кох, азербайджанская гюлеш, молдавская трынта, якутская хапсагай и т. д. Важнейшими здесь являются приемы, проводимые с помощью ног. В классической же борьбе захватывать соперника можно только выше пояса и только руками. Вот и получалось, что многие юноши, получившие хорошую школу в национальной борьбе, как-то терялись, не уживались в борьбе классической. А когда в стране стала культивироваться борьба вольная, они почувствовали себя в ней более уверенно. Арсен Мекокишвили был одним из тех атлетов, кому вольный стиль пришелся по душе.

На первых порах руководство нашего спорта считало, что не стоит спешить с ответственными международными встречами: надо сначала создать свою оригинальную школу вольной борьбы, тогда и мериться силами с лучшими зарубежными атлетами. И такая школа была создана в очень короткий период. Но когда встал вопрос об участии сборной команды СССР по вольной борьбе в Олимпийских играх, выяснилось, что единственное, чего не хватает советским мастерам ковра, так это опыта международных встреч. В период подготовки к Олимпиаде в Хельсинки наши борцы провели только три контрольных матча со сборными Венгрии, ГДР и Финляндии, что, конечно, было недостаточно. Лучшие зарубежные команды имели в этом смысле неоспоримое преимущество. Ведь вольная борьба входила в программу Олимпийских игр с 1908 года.

По данным наших тренеров, у Арсена Мекокишвили был всего один серьезный соперник. Один, но зато какой! Имя «северного гиганта», как окрестила западная пресса шведского тяжеловеса Бертила Антонссона, в те годы гремело по спортивным залам многих стран мира. Чемпион Европы 1949-го и чемпион мира 1951 года, он являлся, по мнению западных специалистов, единственным кандидатом на золотую олимпийскую медаль. «Она у него в

кармане», — писали буржуазные газеты. Но Арсен Мекокишвили тоже очень хотел стать чемпионом.

Нет, он не отмахивался от предостережений и наставлений опытных тренеров, помнил, как отлично боролся Бертил Антонссон на чемпионате Европы 1947 года по классической борьбе, и, ясно понимая, с кем предстоит помериться силой, исподволь готовился к самому главному в жизни поединку.

...Быстро промелькнули километры пути по родной земле, и вот уже граница. А потом все замелькало как в калейдоскопе. Торжественная встреча на перроне в Хельсинки: музыка, цветы, дружеские рукопожатия, улыбки, приветствия представителей Олимпийского комитета, финского рабочего спортивного союза, короткий митинг. А затем опять в путь — на этот раз в олимпийскую деревню в Отаниеми.

2

И вот наступил день торжественного открытия Олимпийских игр. Утром 19 июля, несмотря на моросящий дождь, тысячи зрителей потянулись на олимпийский стадион.

Парад начался в полдень. В торжественном марше прошли посланцы 70 государств Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии.

Всеобщее оживление вызвало на стадионе появление делегации Советского Союза.

Праздник на стадионе продолжался несколько часов, но Арсен Мекокишвили ничего этого не видел. Вместе с другими борцами вольного стиля ему пришлось остаться в олимпийской деревне. Ведь завтра старт, и накануне, конечно же, необходим полноценный отдых.

А утром следующего дня тренеры подняли богатырей чуть свет. Автобус быстро домчал нашу команду в зал «Мессухалли», где через несколько часов начинались олимпийские поединки.

Сначала предстояло взвешивание. Ожидая очереди к судейским весам, Арсен Мекокишвили приглядывался к конкурентам. Вот как спортсмен вспоминал об этом: «На взвешивании я увидел всех соперников. Двоих я знал в лицо: широкоплечего добродушного итальянца Векки, участника чемпионата Европы 1947 года, и Антонссона. За эти несколько лет швед заметно возмужал, набрал вес, «оснастился» великолепными мышцами. Рыжеволосый бо-

гатырь стоял в кругу своих почитателей и не спеша раздевался, успевая весьма живо поддерживать разговор сразу с несколькими собеседниками. Казалось, «северного гиганта» интересует этот разговор больше всего на свете: в момент активного словесного пикирования он переставал раздеваться, и его тренеру приходилось легким толчком в локоть поторапливать его. Неожиданно разговорчивым оказался и турок Атан: на чистейшем грузинском языке он осведомился у меня, выступают ли в советской команде грузины.

Один за другим вставали на весы спортсмены. Я своими «скромными» 116 килограммами лишь подчеркнул поистине циклопический вес американца Керслика (135 килограммов)».

Первыми 20 июля начинали соревноваться представители вольного стиля. После взвешивания выяснилось, что на ковер выйдут 143 борца из 30 стран. Эти цифры были рекордными. К примеру, в чемпионате мира 1951 года участвовало всего 58 атлетов из 12 стран.

Главными претендентами на награды считались богатыри Турции, Швеции, Ирана, Венгрии, США, Финляндии, наших же спортсменов в расчет не брали.

Прежде чем перейти к событиям олимпийского турнира, нужно сказать несколько слов об условиях соревнований и о судействе.

Конечно, со времен Олимпиады в Хельсинки уровень судейства несравненно вырос, в то же время судить стали проще и объективнее. Теперь судят открыто. Это значит, что после каждого выполненного приема арбитр на ковре, облаченный в белую рубашку с красным и синим рукавами, вскидывает вверх руку, соответствующую цвету костюма борца, и показывает на пальцах, во сколько очков оценивается прием. Одновременно боковой судья поднимает дощечку, на которой тоже обозначена соответствующая цифра. И тут же оценка в баллах появляется на табло против фамилии борца, выполнившего прием. Если один из соперников не положит другого на лопатки, то по истечении времени схватки, взглянув на табло, не составляет труда определить, кто одержал верх — тот, у кого сумма выигранных баллов больше.

Совсем иначе было в начале 50-х годов. Результат встречи определяли трое боковых судей, им вменялось вести записи, куда каждый на свое усмотрение вносил оценки. Арбитр на ковре публично не оценивал приемы. Полу-

чалось, что все судейство, вплоть до финального свистка, осуществлялось, что называется, втемную.

Нередко судьи по-разному оценивали действия борцов — кто-то засчитывал прием, а кто-то нет. А иногда и просто не успевали увидеть молниеносно выполненный бросок. Бывало немало случаев, когда некоторые «жрецы» борцовской Фемиды, пользуясь несовершенством правил, умышленно судили необъективно.

В общем, на практике мнения судей по определению победителя частенько расходились: например, двое определяли победителем одного спортсмена, а третий — другого. Тогда в судебных протоколах фиксировалась победа с соотношением голосов 2 : 1. Победитель получал в итоге одно штрафное очко, а побежденный — два. При единоголосном мнении судейской тройки в случае победы по очкам победителю тоже давалось одно штрафное очко, а проигравшему — три. Наиболее ценилась и ценится доньше, естественно, чистая победа, или, как еще ее иногда называют, победа «на туше» — когда один борец положит другого на лопатки. Победитель при таком исходе встречи штрафного очка не получает, а потерпевшему поражение записывают в протокол все те же три штрафных очка.

Регламент Олимпиады в Хельсинки предусматривал, что борцы, набравшие пять штрафных очков, выбывают из соревнования. Это означало, что даже единственное поражение почти закрывало спортсмену дорогу к золотой медали. На многих соревнованиях случалось и так: атлеты, проиграв первую схватку и победив по очкам в двух последующих, выбывали из турнира.

3

Однако вернемся в «Мессухалли» на олимпийский турнир борцов вольного стиля. Дворец спорта, вмещавший 8 тысяч зрителей, полон, несмотря на то, что цены на билеты были по тем временам астрономические. В зале стоит ровный гул. Два ковра, уложенные на помосте в центре зала, пока пусты. Но вот судьи вызывают первую пару борцов, и шум мгновенно стихает. По традиции состязания открывают борцы самого легкого веса — «мухачи», чей вес не превышает 52 килограммов. На их плечи ложится огромное бремя ответственности. От их успеха или неудачи во многом зависит настроение, а следовательно, и состояние духа всей команды.

Первым в сборной СССР предстояло стартовать маленькому черноволосому бакинцу Георгию Саядову. Его соперником стал финский борец Сигиран. Публика при его появлении разразилась неистовыми аплодисментами. Борцы долго пританцовывают друг против друга, никак не решаясь начать активные действия. Вот Саядов решительно идет на сближение. Руки его касаются плеч финна, но тот стремительно сбрасывает их вниз. Саядов словно ждал этого: продолжая движение рук вниз, он ныряет в ноги сопернику и, обхватив их, делает мощный рывок вверх. Сигиран, пытаясь спастись, плюхается на живот. Есть первый прием, есть первое очко! Но остается еще немало времени, и надо, не давая сопернику опомниться, наступать и наступать.

К концу встречи изрядно уставший финн почти безвольно топчется на краю ковра. И когда раздался удар гонга, возвещающий о конце поединка, судья взметнул вверх руку советского борца.

На ковер выходит другая пара. Не успели смолкнуть слова диктора-информатора, объявившего, что зрители увидят сейчас борьбу призера прошлогоднего чемпионата мира в легчайшем весе иранца Якуби, как все было кончено. Его противник бакинец Рашид Мамедбеков, не тратя времени на разведку, провел прием, и Якуби оказался на лопатках. Потребовалось на это советскому спортсмену всего полминуты.

А на другом ковре сражались полулегковесы. Среди победителей здесь значился советский спортсмен Ибрагим Дадашев.

И вдруг несколько поражений. Араму Ялтыряну по жребью достался самый сильный противник — чемпион мира 1950 года по классической борьбе и чемпион мира 1951 года по вольной борьбе швед Олле Андерберг. По классу шведский и советский богатыри были равны. Увы, Ялтырян позволил себе на последней минуте на какой-то момент расслабиться, потерять бдительность, и швед, захватив ногу нашего борца, положил его на лопатки.

Так же не повезло и советскому полусредневесу Василию Рыбалко. Не настроившись, он провел бесцветную, бессодержательную схватку и уступил победу по очкам.

В схватке Давида Цимакуридзе и шведа Б. Линдблада двое судей называли Б. Линдблада победителем.

Лежа на массажной кушетке, Мекокишвили то и дело

спрашивал у входящих в комнату спортсменов, не борется ли полутяжеловес Август Энглас.

А эстонец Август Энглас тем временем уже вел на ковре жаркий спор с турком Атаном. Турецкие борцы с предыдущей Лондонской олимпиады 1948 года увезли домой половину чемпионских наград. Но Август выдержал экзамен: в труднейшей схватке, которая продолжалась все отведенные на нее 15 минут, судьи единогласно назвали победителем советского атлета.

Заканчивая соревнования первого дня, спортсмены постепенно покидали Дворец спорта «Мессухалли». Автобусы и машины увозили их в олимпийскую деревню — подальше от шума и суеты. Но публика не спешила уходить из зала. Ведь всем известно, что самое интересное зрелище — это соревнование самых сильных и могучих атлетов — тяжеловесов. Не случайно тяжелый вес во всех странах и у всех народов считается, если так можно сказать, наиболее престижным. Победа тяжеловеса смягчает иногда горечь поражения целой команды.

В Хельсинки в турнире борцов вольного стиля было заявлено 13 тяжеловесов. Разумеется, не все они имели равные возможности, но, безусловно, каждый из них надеялся на медаль.

Первым соперником, с которым предстояло бороться Мекокишвили, был невысокий, но крепко сбитый и быстрый венгр Ковач. Арсен хорошо знал его манеру вести схватку — он уже однажды соревновался с ним в Будапеште и поэтому наметил определенный план.

Тогда в Будапеште Ковачу то и дело приходилось спасаться от подсечки — излюбленного приема Мекокишвили. Видимо, он больше всего опасался его и в олимпийской схватке. Внимательно следя за ногами Арсена, он надеялся, очевидно, что прошлое не повторится. Но Мекокишвили положил его на лопатки на седьмой минуте, правда совсем другим приемом. Захватив выставленную вперед ногу Ковача, он взметнул его над собой и, развернув спиной к ковра, бросил вниз.

Сойдя с помоста, огорченный поражением соперник говорил Арсену, что прием был очень внезапным, — он не успел даже сообразить, что произошло...

Осечка трех спортсменов в первом круге ставила советскую команду в весьма трудное положение. Ведь для того чтобы выйти в финал, неудачникам нужно теперь одерживать только победы, и по возможности чистые.

Внимательно проанализировав поражения, тренеры отметили успех трех «мухачей», похвалили Энгласа и Мекокишвили. Впрочем, что касается Арсена, то иного исхода его первой схватки никто и не ожидал.

4

Олимпийский турнир борцов вольного стиля вступал в решающую фазу. Спортсмены сражались не только за медали и высокие места в личном зачете, но и вели непримиримый командный спор.

Один за другим, набрав определенное количество штрафных очков, выбывали из соревнований борцы разных стран. Первым в нашей сборной эта участь постигла Василия Рыбалко. Не вошел в шестерку сильнейших и Ибрагим Дадашев. Значительный отсев произошел в преддверии финальных соревнований. Георгий Саядов, Арам Ялтырян и Август Энглас остались за чертой призеров, заняв четвертые места.

Сложная ситуация у Давида Цимакуридзе: с тремя штрафными очками он должен был добиваться только чистых побед. Но что значит положить на лопатки, к примеру, американца Д. Ходжа, у которого и по очкам-то выиграть любой атлет почел бы за большую удачу. И Давид делает, казалось бы, невозможное. За 5 минут 58 секунд он одерживает победу над спортсменом США.

А в следующем круге такая же участь постигает египтянина М. Хуссейна. Для этого Цимакуридзе понадобилось еще меньше времени — всего 4 минуты 56 секунд.

Уверенно приближался к финишу и Рашид Мамедбеков. Во втором круге не явился на схватку с ним спортсмен из Швейцарии. В третьем Рашид заставил капитулировать на 11-й минуте самоуверенного американца Бордерса, а в четвертом, хотя и проиграл по баллам напористому венгру Бенце, запаса прочности ему хватило, чтобы выйти в финал.

Ну а Арсен Мекокишвили?

Коротая в раздевалке время и готовясь ко второму поединку, на этот раз с тучным немцем Вальтнером из Западной Германии, который был едва ли не вдвое моложе его, наш олимпиец внимательно осматривал свою борцовскую амуницию. Проверил, хорошо ли держатся подошвы на его огромных борцовских ботинках, попробовал крепость шнурков... Арсен Мекокишвили, потомственный

крестьянин, все привык делать обстоятельно. Тренеры и товарищи по спорту и любили его за эту обстоятельность, немногословие, исключительную добросовестность. И боролся Арсен Мекокишвили уверенно, как бы не торопясь. Но медлительность эта была обманчивой. Когда возникал выгодный момент, Арсен, что называется, взрывался, и противник его, не успев опомниться, оказывался в воздухе.

После стремительного, часто даже неуловимого для зрителей приема, соперник грузинского тяжеловеса летел на ковер, словно из катапульты. Товарищи, аплодируя его мастерству, смеялись: «Опять Арсен Спиридонович устраивает день авиации».

Вальтнер, выйдя на схватку с Мекокишвили, поначалу держался молодцом. Но надолго его не хватило. Наш боец применил тот же прием, что и в схватке с венгром Ковачем. Казалось, лежать на лопатках и немцу, но он как-то невероятно изогнулся в воздухе, успел встать на «мост» и благодаря исключительной пластичности все же вывернулся.

Пришлось Мекокишвили обрабатывать Вальтнера в партере. Придавив могучим плечом, выхватывал его руку «на ключ», брал шею на «нельсон» и «двойной нельсон», но Вальтнер никак не хотел сдаваться. Гибкость его была поразительной.

Положить Вальтнера Мекокишвили так и не удалось, но зато он так его измучил, что немец после этой схватки не смог продолжать соревнование.

Третий противник советского тяжеловеса — англичанин Кен Ричмонд. Чемпион Великобритании был статен и широк, его сверкающая улыбка излучала уверенность. На первых минутах англичанин работал руками, словно ветряная мельница. Не желая уступать нашему атлету ни пяди ковра, он мощно шел вперед. Но Мекокишвили сумел извлечь из активности партнера пользу для себя. В один из моментов, когда Ричмонд азартно, но нерасчетливо дернулся вперед, Мекокишвили, словно продолжая это движение, обхватив предплечье и шею соперника, резко повернулся к нему и провел бросок через спину. Описав в воздухе дугу, англичанин встал на «мост», но по ходу, успев перетащить нашего атлета через «подумост», оказался сверху. Арбитр спокойно взирал, как Ричмонд, забегая то справа, то слева от невозмутимо стоящего в партере Мекокишвили, пытался хоть что-нибудь с ним

сделать. Не сразу разгадав замысел англичанина, арбитр дал ему еще какое-то время изображать «активную» борьбу и поднял атлетов в стойку.

Арсен расовирепел, он был зол на соперника за то, что тот, не желая, видимо, потерять сомнительного преимущества, явно перестал бороться и начал ловко уклоняться от поединка. Мекокишвили был готов смять соперника, но Ричмонд, то и дело бросая взгляд на секундомер, уходил за ковер, пытаясь получить хоть маленькую передышку, делал вид, что у него развязался шнурок на ботинке.

К концу схватки чемпион Великобритании еле держался на ногах. Но, очевидно, симпатизируя ему, а может быть, и из других соображений один из трех боковых судей отдал предпочтение англичанину, и победа была присуждена Арсену Мекокишвили большинством голосов.

Идя с нашим тяжеловесом параллельным курсом, Бертил Антонссон тоже с успехом прокладывал себе путь к финалу. Швед имел те же результаты, что и наш борец.

...Поредели олимпийские шеренги богатырей, протоколы с составами пар, едва умещавшиеся в первый день на огромном стенде, теперь занимали всего две странички. Остались только сильнейшие.

...В тренерской комнате шло очередное совещание. Обложившись протоколами с результатами схваток, наставники наших олимпийцев прикидывали все возможные варианты: получалось, что если борцы наши как следует постараются, то праздник, то бишь командная победа, будет на нашей улице.

Жизнь шла своим чередом. Некоторые спортсмены, как, например, наши девушки-дискболки, уже сделали свое дело и, налюбовавшись медалями, со спокойной душой отправились вечером в клуб послушать знаменитый джаз-оркестр Вебера, поговорить с новыми знакомыми из других стран, потанцевать... Ну а те, кому еще предстояло выйти на олимпийское ристалище, настраивались, готовились...

Готовился к последнему олимпийскому дню, может быть самому ответственному в жизни, и Арсен Мекокишвили. Он прекрасно понимал, что у двадцатилетних все еще впереди. Будет еще Олимпиада, возможно, и не одна. А у него вряд ли.

Он порой и сам удивлялся, что попал на Олимпиаду: шутка ли, сорокалетнему человеку доверили соревноваться с молодыми мастерами ковра.

Арсен Мекокишвили родился в 1912 году в грузинском селе Георгицминда, расположенном неподалеку от Тбилиси, на склонах холма, спускающегося в живописную, сплошь покрытую виноградниками долину горной речки Иори. Его отец — потомственный пастух и виноградарь Спиридон Мекокишвили, или, как все его звали, Фидо, в будни, пожалуй, мало чем выделялся среди односельчан. Зато в праздники его имя было у всех на устах.

Какой праздник в Кахетии обходился раньше без борьбы? С утра на площади возле церкви толпился народ. Зрители с нетерпением ждали выступления борцов — мочидове. Вездесущие мальчишки старались занять места поближе к центру, но их скоро вытесняли взрослые.

Образовав большой круг, в первых рядах которого восседали мудрые старики-судьи и музыканты, все с нетерпением ждали выхода первой пары. Народ все подходил и подходил, и в круге становилось тесновато.

Тогда, дабы дать борцам достаточный простор, несколько добровольных помощников судей брали в руки длинные палки и, размахивая ими в воздухе около земли, теснили зрителей подальше. Если кому-то под общий смех и попадало по ногам, то обид не было.

Но вот дробь барабана становилась чаще, звонче пела зурна и в круг, танцуя, выходили борцы. Одеты они были в прочные, из домотканого материала куртки без рукавов — чохи, которые обнажали грудь богатырей и заправлялись за пояс. Дополняли форму шаровары. Боролись босиком или в чустах — домашней грузинской обуви, похожей на тапочки.

Выделявая под звуки лезгинки замысловатые движения, борцы несколько минут предавались танцу — проводили своеобразную разминку.

Ритм музыки меняется снова. Он приглашает соревнующихся начать единоборство. Под дробь барабана и выкрики зрителей борцы, осторожно выставив вперед руки, как бы подкрадываясь друг к другу, наконец решаются войти в захват. Крепко вцепившись в чохи, они пытаются с помощью разнообразных приемов вывести соперника из равновесия и заставить коснуться спиной земли.

Борьба ведется только стоя, и, если борцы упадут на бок или на живот, судья немедленно дает команду подняться.

Много приемов накопилось в народной грузинской борьбе чидаоба. В каждом ауле, в каждом селе существовали свои правила. Но любимые, самые действенные приемы, с помощью которых можно повергнуть на спину любого соперника, были везде одни и те же. Это подножки, подсечки, броски через спину и через себя и, конечно, главный прием всех истинных грузинских мочидове — «проход в ноги».

Выполняется он внешне просто. Улучив момент, когда борец потеряет контроль и выставит ногу слишком далеко вперед, его соперник, пригнувшись, делает вперед стремительный выпад и, обхватив эту ногу под коленом, рывком вверх прижимает ее к груди. Одновременно своей ногой он подсекает в сторону вторую ногу противника. Существует немало разновидностей этого приема. В совершенстве владеть ими издавна считалось привилегией грузинских борцов. Частенько пользовался этим приемом и Фидо Мекокишвили.

Огромного роста, с необъятной спиной, он прекрасно владел всеми премудростями чидаобы, обладал к тому же быстрой реакцией, и редко кому удавалось устоять против него отведенные правилами пять минут.

Когда осенью после сбора винограда во время праздника святого Георгия в селе проводились самые крупные соревнования, глава династии Мекокишвили дед Иосиф, пасший месяцами высоко в горах отары овец, спускался в долину и приводил с собой красавцев сыновей: Георгия, Нико, Соломона, Михаила и Фидо. Усевшись на почетное место, седой пастух одобрительно щурился и покручивал усы. Особенно радовал его обычно Фидо. Во всей округе не было равных ему в чидаобе, и он давно считался непревзойденным палавани (чемпионом).

Арсен не помнил борцовских подвигов отца, умершего, когда ему было всего пять лет.

После смерти отца мать Сона и старшая сестра с утра до ночи с удвоенной энергией хлопотали по хозяйству. Отсутствие крепких мужских рук сразу почувствовалось в доме. Стремясь хоть как-то облегчить труд женщин, маленький Арсен помогал чем мог. С шести лет с более взрослыми ребятами уже пас домашний скот. Однажды осенью, во время сбора урожая, выпросил у взрослых, чтобы ему доверили перевозить на общинной лошади мешки с початками кукурузы и корзины с виноградом.

Мальчик гордился, что получил такое важное задание,

и старался изо всех сил. Стремясь не отставать от старших, он хотел сделать как можно больше ездов. Спускаясь с горы за новой поклажей, он хлестнул лошадь, чтобы она прибавила ходу, но та дернула, и малыш оказался под колесами арбы.

Его отнесли к местному лекару, тот сокрушенно покачал головой и сказал, что это еще счастье, что арба была пустая. Долго болел Арсен.

Постепенно здоровье возвращалось к мальчику. Но выглядел он среди сверстников заморышем. Ребята, неохотно принимая Арсена в свои игры, обычно отводили ему самые последние роли.

...Однажды, когда ласковое весеннее солнце вышло из-за горы и озарило золотым светом раскинувшиеся вокруг виноградники, к старому дому с покосившимся плетнем, возле которого сидел пригревшийся на завалинке тщедушный Арсен, незаметно подошел странник. По его запыленной одежде, по музыкальному инструменту ствири, похожему на огромную длинную дудку, было видно, что гость — бродячий импровизатор — мествире. Словно зачарованный, глядел мальчик, как сверкают, переливаясь всеми цветами радуги, разноцветные камешки, украшавшие ствири.

Пришелец, узнав, чей он сын и как его зовут, запел песню. В ней желал он мальчику здоровья и счастья. Слагая в такт простой мелодии нехитрые, но довольно складные и звучные слова, пел о том, что жизненная дорога горца трудна и полна лишений, и, если у путника крепкая воля и горячее сердце, все трудности останутся позади. А в конце предсказывал, что Арсен будет сильным и здоровым, что ждет его небывалая слава борца.

Трудно утверждать, так ли уж верил мествире в свою вдохновенную песню. Скорее всего старый мудрый человек хотел подбодрить мальчика, вселить в него веру в жизнь, в то, что он сможет превозмочь слабость.

Арсен Мекокишвили впоследствии считал, что встреча с бродячим сказителем вряд ли резко повлияла на его судьбу. И все-таки, как бы то ни было, мальчик почувствовал себя смелее, через несколько месяцев (а в ту пору ему уже минуло семь лет) начал присматриваться к схваткам взрослых борцов. Он старался запомнить их приемы. Но сам бороться долго не решался. Подобное предложение его одногодки наверняка встретили бы смехом.

Как-то раз Арсен встретил на пастбище такого же, как и он, маленького подпaska и, набравшись смелости, предложил ему побороться. Мальчуган сначала оторопел от дерзкого вызова, однако согласился. В той самой первой схватке Арсен был на грани поражения, но вывернулся и, когда силы, казалось, покидали его, сам сумел провести прием. К великой радости юного Мекокишвили, соперник очутился на лопатках.

После этого случая паренек почувствовал уверенность. Недаром говорят, что «смелость силу ломит». Теперь он без страха ввязывался в драку, если кто-нибудь хотел его обидеть.

Осенью, когда по всей Георгицминде разносился душистый аромат спелого винограда, дружная семья Мекокишвили отправлялась в марани — каменный сарайчик, служивший одновременно винохранилищем и винодельней. Здесь, в давилльне, работали только мужчины. Труд их был совсем не из легких. Тщательно вымыв ноги и стоя по щиколотки в чавкающей виноградной жижe, дядья Арсена; Нико, Соломон и Михаил во главе с дедом заготавливали молодое вино.

Мерно переступая ногами, держась за шесты, они тянули в такт движениям песню. Дед приобщал к этой работе и Арсена. Правда, ему не доверяли пока давить виноград. Вместе с женщинами он подносил его, а в конце работы утрамбовывал ногами глиняную корочку на больших, покрытых плитняком кувшинах с виноградным соком.

В воздухе носились одурманивающие винные пары, и мать, заботясь, чтобы у Арсена не закружилась голова, старалась вызволить сына из винодельни.

«Перестань мучить ребенка, — обращалась она к деду, — разве ты не видишь, у него уже посинели ноги?» Но дед, ухмыляясь, говорил: «Пусть идет, если хочет, чтобы его ноги были слабыми, если хочет, чтобы каждый сопляк клал его на лопатки!»

Арсен, конечно, ни на шаг не отходил от деда. И дед, как мог, опекал его, по-своему заботился о здоровье мальчика, стремился, чтобы он вырос хорошим, добрым человеком. Он брал его в горы на пастбища, приучал ко всякой работе. Ночуя в шалаше, мальчик дышал чистым горным воздухом, бегал босой рано утром по мокрому лугу. От былой хвори не осталось и следа. Арсен заметно вытянулся, окреп.

В школе Арсен был одним из лучших борцов. Победы давались ему не слишком трудно, и его старший двоюродный брат Георгий, принявший эстафету лучшего борца семьи Мекокишвили, внимательно присматривался к Арсену.

Георгий в отличие от богатыря Фидо был обычного вида человеком. Не обладая ни большим весом, ни богатырской силой, он добывал победы благодаря искусной тактике и знанию приемов чидаобы.

«Когда ты легко побеждаешь, — наставлял старший брат Арсена, — это значит, твой противник плохо, неправильно борется. Сегодня он ошибся, а завтра может тебя победить. Поэтому не успокаивайся, а тренируйся, отработывай приемы». И Георгий с удовольствием раскрывал брату, да и всем мальчишкам хитрости чидаобы.

Однако в душе Арсен все же считал, что к нему несправедливы. Разве есть среди юношей Георгицминды такой, кто может на равных соперничать с ним? Однажды он напрямик спросил об этом брата. И тот обещал ему найти достойного мочидове. Им оказался будущий кузнец Шалико Гзиришвили из соседнего села Сагареджо. Было тогда будущему олимпийцу, как и его сопернику, 12 лет. На большом празднике, предвеля выступление взрослых мочидове, оба мальчугана впервые в жизни вышли тогда при народе в круг. Сражались они иступленно, но схватка, к взаимному удовольствию болельщиков обоих сел, закончилась вничью. Уже позднее, встречаясь спустя много лет, друзья без улыбки не могли вспоминать запомнившийся на всю жизнь поединок.

Ничейный результат схватки словно подхлестнул усердие самолюбивого Арсена. Он понял, что есть люди и посильнее его. А силы — он это почувствовал — как раз ему и не хватало. Вот почему Арсен не чурался браться за самую трудную работу: таскал тяжеленные, скользкие от раздавленных ягод корзины с виноградом, грузил на подводы многопудовые сацала — большие из сурового полотна простыни, завязанные крест-накрест узлом, в которых переносили зерно. Бывало, у Арсена под такой тяжестью подкашивались ноги. Но разве мог юноша показать, что ноша не по нем? Он терпел и, сбросив сацала на подводу, отправлялся за следующим.

В те годы под руководством Георгия он освоил и от-

работал броски через спину, которыми восхищались потом многие специалисты по спортивной борьбе.

Прошел год, и снова на празднике урожая встретились лучшие борцы Георгицминды и Сагареджо. У Арсена Мекокишвили был тот же самый противник — Шалва Гзиришвили. Но на этот раз он победил его чистым броском.

Отличался Арсен Мекокишвили и в труде. Семнадцатилетним он одним из первых вступил в колхоз «Самури цховреба», что означает «Счастливая жизнь». Односельчане, ценя доброту и трудолюбие Арсена, избрали его в 1932 году бригадиром виноградарей. Работа эта весьма ответственная, а Арсену было тогда всего двадцать лет. Степенный, обстоятельный, он в отличие от многословных, шумных сверстников даже традиционные грузинские тосты говорил коротко. Многие девушки заглядывались на молодого красавца богатыря. Но сердце его уже давно принадлежало маленькой хрупкой Русудан. Они приглянулись друг другу, когда еще учились в школе. Задумав пожениться, решили, что сначала Арсен должен стать на ноги, подзаработать немного, чтобы потом они смогли сообща вести самостоятельную жизнь...

Проработав два года бригадиром, Арсен Мекокишвили, как полагается, сделал Русудан предложение, и летом 1934 года все село Георгицминда праздновало их свадьбу. На одном из самых почетных мест сидел друг Арсена — первый мочидове Сагареджо могучий кузнец Шалва Гзиришвили. Поднимая тост за жениха, он напомнил всем, как Арсен три года назад в Марткопи положил на лопатки 12 лучших борцов восьми окрестных селений. «Не пора ли, — сказал Шалико, — встретиться Арсену в Тбилиси с самим Вахтангом Чичинадзе?» Арсен и сам давно уже хотел отправиться в Тбилиси на поиски новых сильных соперников.

В ту пору к местному тренеру, известному в прошлом мочидове Михо Курхули, приехали в гости два его старых товарища, бывшие цирковые борцы Александр Канделаки и Кула Глданели. Собравшись вечером, три друга долго сидели за кувшином вина, вспоминая старые годы, когда вместе ездили по миру и боролись в цирках с Иваном Поддубным, Климентием Булем, Константином Майсурадзе и Темир-Булат Кануковым, выступавшим под псевдонимом Казбек-гора.

Пришли послушать и посмотреть на легендарных чем-

пионов и юные мочидове Георгицминды и Сагареджо во главе с Арсеном и Шалвой. Собственно, они не сами пришли, а их пригласили. Старые богатыри пожелали посмотреть, какая у них растет смена. Больше всех понравился гостям Арсен Мекокишвили. Похвала знаменитых борцов ободрила молодого мочидове. После этой встречи у него уже не было сомнений, что нужно ехать в Тбилиси.

Приехав в столицу, он выступил в цирке на чемпионате Грузии по национальной борьбе. И надо же так случиться, что первым соперником жребий назначил ему любимца тбилисской публики, сильного и благородного Вахтанга Чичинадзе.

Не слишком опасаясь новичка, о котором раньше ничего не слышал, Вахтанг недооценил его возможности и просчитался.

Поздравляя молодого соперника с победой, он сказал, что не видит никого, кто помешал бы Арсену занять в турнире первое место. Так оно и случилось: победив еще трех спортсменов, Арсен Мекокишвили впервые стал чемпионом Грузии.

7

У Арсена Мекокишвили за долгую жизнь на ковре было немало учителей. С нежностью и благодарностью он не раз вспоминал уроки двоюродного брата Георгия. Но первыми настоящими профессиональными учителями считал двух старых борцов-ветеранов Акакия Адеишвили и Ило Томашвили.

После неожиданной для всех победы в Тбилисском цирке Адеишвили предложил Арсену свою помощь, и тот с радостью ее принял.

Теперь каждую субботу спешил Мекокишвили в маленький зал техникума физкультуры. Главное внимание Акакий Адеишвили обращал на технику.

Часто на тренировки приходил и старый друг Акакия Ило Томашвили, бывший цирковой борец, выступавший под псевдонимом Ило Сванели. Не отрицая значения техники борьбы, он на первое место ставил все же быстроту. «Прием может сделать каждый, — объяснял он Арсену, — а побеждает тот, кто выполнит его быстрее. Скорость, резкость — вот что главное».

И Мекокишвили, понимая, что правы оба его учителя, соглашался и с тем и с другим. Может быть, именно опи

воспитали в нем умение блестяще владеть всеми секретами техники борьбы.

В 1936 году Арсена Мекокишвили направили в Телави на двухгодичные курсы председателей колхозов. Учеба шла хорошо, и после ее окончания Мекокишвили оставили работать в городе. Не последнюю роль при этом, очевидно, сыграли его спортивные достижения. Каждый год, совершая короткий вояж в Тбилиси, он вновь возвращался непобедимым чемпионом республики.

Но однажды Арсену пришлось туго. В цирке, где гастролировала группа известных борцов, ему предложили попробовать силы в неведомой ему классической, или французской, как ее тогда называли, борьбе. С любопытством разглядывал он на арене своего противника Григория Загоруйко. Костюм его был необычен: ни куртки, ни шароваров. «За что же брать захват? — думал Мекокишвили. — К тому же нельзя даже дотрагиваться до ног соперника. Что за борьба?»

Как ни старался мастер чудаобы повергнуть соперника на ковер, ничего у него не получилось. После этой встречи Мекокишвили, узнавший, что в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах есть прекрасные тяжеломеры, с которыми он может помериться силой, решил обязательно с ними встретиться и познакомиться поближе с французской борьбой. И эта возможность ему вскоре представилась.

В июне 1939 года вместе с другими лучшими спортсменами Грузии он едет в Москву на праздник, посвященный Дню физкультурника. На стадионе «Динамо» был организован и турнир по классической борьбе, в котором участвовали только тяжеломеры. Арсен Мекокишвили понимал, что победить с первого раза вряд ли сможет: ведь знаний и опыта в этом виде спортивной борьбы у него не было. Однако он, любивший борьбу беспредельно, не хотел упускать ни одного случая выйти на ковер.

Первым соперником оказался мощный силач из Киева Арон Гонжа. Будучи приверженцем старого, скорее циркового, а не спортивного стиля борьбы, он уповал главным образом на силу. Медлительный, не слишком поворотливый киевлянин хотел попросту сломать новичка. Арсен этого не боялся. Одной силой его не возьмешь. Правда, и сам он, не знавший толком в классической борьбе ни одного приема, оказался безопасным для Гонжи. Схватка закончилась вничью.

Второй выход на ковер грузинский тяжеловес ознаменовал победой. Встречаясь с мастером спорта Владимиром Плясулей, он чувствовал себя уже увереннее. В один из моментов, когда соперник, не подготовив как следует приема, хотел выполнить бросок через спину, Мекокишвили спокойно перевел его в партер. Новичок из Грузии, сумевший продержаться против Гонжи и выигравший у Плясули, вызвал к себе повышенный интерес, и его «наказали» — две следующие схватки Мекокишвили проиграл.

Обратная дорога до Тбилиси прошла в раздумьях. Вспоминая минуты, проведенные в Москве на динамовском ковре, он пришел к выводу, что новая борьба ему нравится. А раз нравится, надо ее изучать. Таково было его твердое решение.

По приезду в Телави его ждала новость — предложение работать по хозяйственной части в Народном комиссариате внутренних дел республики. Он согласился и вскоре переехал в Тбилиси.

В семье Мекокишвили тогда родился сын Георгий, и, посоветовавшись с Русудан, Арсен решил, что мальчику в большом городе будет лучше. Да и он сам теперь к большому спорту будет поближе. Не забыв решения, принятого в поезде, обратился с просьбой научить его классической борьбе к молодому, но уже опытному тренеру Вахтангу Кухианидзе. Тот счел за честь взять к себе в ученики известного всей Грузии борца.

Арсен брал уроки и у Ираклия Кончели. Много дал ему и известный в те времена Леонид Дзеконский.

Все уверенней чувствовал себя борец в новом для него виде спорта. Но не забывал он и свою первую любовь — чидаобу.

Поездка в Москву в 1940 году особенно запомнилась Арсену. На стадионе «Динамо» проводился праздник борцов.

«Народу на нем, — рассказывает один из старейших советских чемпионов, заслуженный мастер спорта Василий Алексеевич Люляков, — собралось великое множество. Зрителей, наверное, было тысяч двадцать, никак не меньше. За всю жизнь я ни разу потом не видел столько публики. Ковер, окруженный почему-то как боксерский ринг канатами, положили прямо около одной из трибун, и спортсмены соревновались под открытым небом.

Проводились выступления по многим видам борьбы,

в том числе и по грузинской национальной борьбе чидаоба. Она была тогда диковинкой для нас, москвичей. Но всем очень понравилась. Эмоциональная, интересная. Помню, увидел я тогда статного черноволосого парня из Грузии — Арсена Мекокишвили. Выходил он бороться, танцуя под звуки лезгинки, дробь барабана. Через несколько лет мы познакомились с Арсеном поближе и подружились».

Тогда же на матче в Москве Арсен Мекокишвили впервые увидел еще один вид борьбы — самбо. Этот новый вид спорта, зародившийся в 30-х годах в Советском Союзе, по-настоящему только еще входил тогда в жизнь. В принципе он немного походил на чидаобу. Борцы соревновались в таких же куртках, только с рукавами, пользовались многими схожими приемами — подсечками, подножками, бросками через спину. Но были и значительные отличия. В чидаобе, например, борются только стоя, а в самбо единоборство шло и в партере. Использовались в нем и неизвестные Мекокишвили болевые приемы. По-другому, нежели в чидаобе, определялся победитель. Если бросишь соперника на спину, а сам останешься стоять, тебе присуждается чистая победа. То же самое — если противник сдается от болевого приема. В остальных же случаях победа присуждалась по очкам.

И снова Мекокишвили обращается к своему старому тренеру Ило Томашвили. На этот раз с просьбой научить приемам самбо.

Но как возник у нас этот вид спорта?

У каждой национальности нашей страны есть свои виды борьбы. А нельзя ли на их основе создать один такой, в котором были бы использованы все приемы, накопленные веками?

И вот группа энтузиастов-тренеров создает такую борьбу. В 1939 году в Ленинграде состоялся первый чемпионат страны по самбо. А во втором, проходившем осенью следующего года в Москве, дебютировал Арсен Мекокишвили. Чидаоба сослужила ему хорошую службу, он быстро освоился в самбо.

Успешнее всех начал чемпионат украинец Фома Бездоля. Мастер спорта по классической борьбе победил болевым приемом земляка Мекокишвили — высокого, чуть сутуловатого Шота Эсебуа. Во втором круге Арсен остановил продвижение Бездоли вперед. Судья поднял вверх руку в знак победы Мекокишвили и в его следую-

щем поединке с Эсебуа. Оставался один, пожалуй, наиболее опасный конкурент — прошлогодний чемпион страны ленинградский студент Григорий Иванов. Выглядел он грозно. Немалого роста, мешковатый, с ногами словно бревна.

Иванов плохо выступил в начале состязаний и, видимо, жаждал отыграться. Он решил сбить грузинского борца в партер и заставить сдаться болевым приемом. В задуманном был резон: Мекокишвили тогда еще плохо знал этот раздел техники борьбы самбо. Поначалу казалось, что план удастся ленинградцу. Он долго «волтузил» Арсена в партере, стремясь вытянуть против сустава его руку. Но ничего не получилось. Обессилев, Иванов поднялся в стойку, и здесь уже полным хозяином оказался Мекокишвили. Прибавив темп, он «замотал» соперника и, усыпив его бдительность, сразил молниеносной подсечкой.

Прошлогодний чемпион уходил с ковра, понуро опустив голову, а его сияющий победитель попал в объятия друзей и тренеров. Они поздравляли Арсена Мекокишвили со званием чемпиона страны.

В том памятном для него предвоенном году произошло и еще одно важное в его жизни событие — Арсен стал коммунистом.

8

А потом грянул 41-й год. Многие спортсмены уходили на фронт. Арсен Мекокишвили получил приказ оставаться работать в Тбилиси.

Однажды поздним вечером, когда Мекокишвили уставший возвращался с работы домой, на него в подъезде с целью завладеть оружием напали трое бандитов. Двое схватили его за руки, а третий потянулся к кобуре. Отшвырнув тех, кто его держал, Арсен успел перехватить руку бандита, выхватывавшего уже его пистолет. Он так сильно сжал ее, что нападавший взвыл от боли, но все же успел выстрелить. Не обращая внимания на полученное ранение, Арсен быстро расправился со всеми троими.

Подоспевший на звук выстрела патруль помог обезвредить преступников. А у Арсена Мекокишвили в память о том времени осталась метка — простреленная кисть правой руки.

...Когда враг был уже сломлен и жизнь начала по-

степенно возвращаться в свои берега, стали понемногу возобновляться и спортивные встречи.

Товарищи по службе уже поговаривали, что пора Арсену извлечь из чулана борцовскую форму и вновь появиться на ковре. Как-то Мекокишвили получил письмо, в котором сообщалось, что в ноябре 1943 года в Горьком состоится розыгрыш звания абсолютного чемпиона страны по классической борьбе и что его, Арсена Мекокишвили, приглашают на этот турнир. Несколько тренировок, и он отправляется в дорогу.

В Горьком Арсен встретил старого соперника эстонца Иоганнеса Коткаса. Познакомился он с ним еще в 1940 году, когда сборная команда борцов Эстонии приезжала в грузинскую столицу налаживать спортивные связи. Эстония только что вступила тогда в братскую семью наших республик, и эта поездка была, по существу, одной из первых в ее спортивных контактах.

Еще до приезда эстонских борцов всезнающие тбилисские любители спорта разнесли по городу весть: в команде гостей такие известные в Европе мастера, как Эдгар Пуусепп и Иоганнес Кауби (немного позднее они стали чемпионами страны). Но, конечно же, среди всех выделялся тяжеловес Иоганнес Коткас.

Верные болельщики доложили Арсену Мекокишвили, что его будущий соперник из мастеровых людей — работал кузнецом, слесарем, что в прошлом году второй раз стал чемпионом Европы, что двадцатипятилетний спортсмен в расцвете сил, прекрасно владеет техникой, гибок, подвижен, напорист.

Встреча их, конечно, была в центре внимания. Переполненный цирк гудел. Все ждали победы своего любимца, и поначалу Мекокишвили оправдывал надежды болельщиков. Коткас, попав в непривычную для себя обстановку, видно, переволновался. На первых минутах он, пытаясь проводить приемы, все время оказывался в партере. Удачно сбивая гостя из стойки вниз, Мекокишвили настолько осмелел, что отважился даже на излюбленный бросок через спину. В общем, когда кончилась первая половина схватки — положенные десять минут, у хозяина ковра было заметное преимущество в очках.

«Как хотите дальше бороться, — обратились к Мекокишвили судьи, — в стойке или в партере?» И Арсен выбрал партер. Это означало, что оба соперника должны попеременно бороться по три минуты снизу.

Сначала по жребью досталось опуститься на ковер Коткасу. Партер — его родная стихия. И неудивительно, что чемпион Эстонии стоял как вкопанный. Болельщики, которые сначала позволяли себе веселые выкрики, вроде «Арсен! Пощекочи его усами», приумолкли. Теперь уже им было не до шуток. Все атаки их земляка разбивались о могучую силу гостя.

Истекли три минуты, и атлеты поменялись местами. Теперь уже напал Коткас. Спокойно, как бы не торопясь, он обхватывал геркулесовыми руками туловище соперника и мощным рывком переворачивал Мекокишвили через «полумост».

А когда судьи подняли спортсменов в стойку, от бывшего преимущества Мекокишвили не осталось и следа. Тут Арсену настроиться бы, собраться, но этого не дал сделать Коткас. Он вновь бросился в атаку. Словно и не было долгой изнурительной борьбы. Действуя как таран, Коткас шел и шел на соперника. Закрепляя победу, он стремился подавить его не столько физической силой, сколько уверенностью в своем превосходстве. Ударил гонг. Кто победитель, всем было ясно.

Уже в раздевалке Мекокишвили, взглянув на бывшего соперника, увидел, как невероятно тот устал. По лицу и по всему телу его текли струйки пота. Борцовское трико было насквозь мокрым. Тяжело дыша, Коткас упал в кресло и закрыл глаза. Он отдал себя борьбе всего без остатка. И тут Арсену стало стыдно. Он мысленно сравнил себя с Коткасом и понял, что боролся бездарно. Точнее — безвольно, не проявив характера. Мекокишвили сделал из поражения Коткасу несколько выводов. И самое главное — он осознал, что совершил грубую тактическую ошибку, когда избрал продолжение борьбы в партере. Ведь партер — наиболее уязвимое место его подготовки. Борись он в стойке и дальше — все могло бы сложиться иначе. Коткас преподал урок невиданной в тяжелом весе техники, умной тактики и стойкости.

Немного придя в себя, чемпион Европы улыбнулся и сказал Арсену, что никогда еще не видел такого сильного борца. По открытой дружеской улыбке, по прямому взгляду Иоганнеса Мекокишвили понял, что это не обычный дежурный комплимент. Но звучал он все же с подтекстом и укоризной: «Имея силу, прежде всего нужно заботиться о технике».

Иоганнес Коткас еще не раз потом поражал воображе-

ние Мекокишвили, да и не его одного, а всех, кто любит спорт и знает в нем толк. В том же 1940 году Коткас стал абсолютным чемпионом СССР, показав в Московском цирке выдающийся результат, — выиграл у всех одиннадцати соперников, причем шестерых из них положил на лопатки.

Изумительный пример мужества, негибимой воли, ответственности перед товарищами по сборной команде страны проявил Иоганнес Коткас на чемпионате Европы в Праге в 1947 году.

Повергая одного за другим всех претендентов на золотую медаль, он сломал в предфинальной схватке ребро. Другой спортсмен немедленно отказался бы от продолжения поединка. Коткас же, почувствовав острую, нестерпимую боль и поняв, что произошло, не подал даже вида. Он мужественно довел схватку до победного конца.

Никому не сказав о полученном переломе, туго перемотав в гостинице грудь эластичным бинтом, он всю ночь боролся с болью. А утром, придя на соревнование, снял бинт и снова вышел на ковер. Вышел на последний бой и победил! Это был спортивный подвиг, о котором потом писала вся мировая пресса.

Но вернемся к соревнованиям на звание абсолютного чемпиона страны 1943 года. В спортивном отношении этот турнир сложился для грузинского борца неудачно. Он занял лишь пятое место. Но Арсен познакомился в Горьком с еще одним удивительным человеком — борцом Александром Мазуром.

Судьба сводила Мекокишвили со многими прекрасными людьми, дарила немало запоминающихся и поучительных встреч. Вот и на турнире, борясь с Мазуром, Арсен, хотя и проиграл ему чисто на одиннадцатой минуте, в обиде на него не был. Мазур поразил его удивительным хладнокровием. Ни прежде, ни потом он не видел спортсменов, которые могли бы так держать в узде свои нервы.

Четырежды 120-килограммовый гигант становился чемпионом Советского Союза по классической борьбе — в 1944, 1945, 1947 и 1949 годах. А наиболее весомой и памятной победы Александр Мазур добился на закате спортивной карьеры, когда в возрасте 42 лет стал чемпионом мира.

Эстонец Иоганнес Коткас, украинец Александр Мазур, грузин Арсен Мекокишвили! Какие громкие имена,

какие замечательные спортсмены! Таких трех богатырей, настоящих тяжеловесов не было в те времена (да и сейчас нет) ни в одной стране мира. Разные по характеру, темпераменту, манере соревноваться, они в то же время в чем-то дополняли друг друга. Эти трое явились основателями среди тяжеловесов нового, современного стиля борьбы — скоростного, техничного, атакующего.

В 1944 году Арсена Мекокишвили в числе других грузинских спортсменов переводят в Москву. Переехав с женой и сыном на новое место жительства, он по-прежнему, сложив после работы в маленький чемоданчик борцовское трико, ботинки, полотенце и мыло, направлялся почти каждый вечер на стадион «Динамо». Здесь провел он в маленьком борцовском зале немало часов. Много дали ему в тот период тренировки с земляком Константином Коберидзе — прекрасным и быстрым атлетом, который завоевал в 1939 году звание первого абсолютного чемпиона СССР, а в следующем — сделал беспримерный дубль, выиграв первенство в двух весовых категориях: полутяжелой и тяжелой. Помня о прошлогоднем поражении Мазуру, Мекокишвили готовился к реваншу и добился его.

На абсолютном чемпионате страны 1944 года, который проходил в его родном Тбилиси, Арсен, одолев-таки Мазура в двадцатиминутной схватке, впервые вышел вслед за Коткасом на второе место. Теперь с полным правом можно было думать и о чемпионском звании в классической борьбе. Казалось, этот вид целиком завладеет теперь Арсеном Мекокишвили. Но в 1945 году в Ленинграде впервые проводился чемпионат страны по вольной борьбе, и жадный до возможности посоревноваться, испытать себя на новом спортивном поприще грузинский богатырь решил попробовать. Попробовал — и с первой попытки стал чемпионом СССР. Мекокишвили сразу понял, что вольная борьба — это его стихия. Пригодилось все: и чидаоба, и самбо, и классическая борьба, и даже уроки, полученные в поединках с цирковыми атлетами. Правда, несколько лет он еще по привычке выступал в трех видах борьбы: в классической, вольной и самбо. В те времена такое было возможно. Разносторонняя подготовка позволяла использовать элементы одного вида в другом.

Применительно к борьбе период 1945—1948 годов характерен тем, что спортсмены должны были все-таки

сделать выбор — какой вид им избрать. Интересно, что Иоганнес Коткас в 1946 году, не желая, видимо, прекращать спор на ковре с Арсеном Мекокишвили, тоже выступает в чемпионате страны по вольной борьбе, где занимает второе место.

На следующий год чемпионат «вольников» проводится в Эстонии. Здесь золотую медаль завоевывает Коткас. Спустя год опять первый — Мекокишвили, второй — Коткас.

Три года — достаточный срок, и прославленный эстонский спортсмен делает правильный вывод: вторые роли в вольной борьбе не его удел, и принимает решение сосредоточить в будущем все усилия на классической борьбе. Тем более что начиная с 1949 года выступать одновременно в классической и вольной борьбе стало просто невозможно: Всесоюзный комитет по физической культуре и спорту постановил проводить состязания по этим видам в одни и те же сроки в разных городах страны.

Отныне Мекокишвили и Коткас, разделив «сферы влияния», шли уже каждый своим путем. Друзья посылали друг другу телеграммы, поздравляя с очередным успехом. Мекокишвили стал признанным лидером мастеров вольного стиля, собрав уникальную коллекцию из десяти золотых медалей, а Коткас, отбивая яростные атаки на чемпионское звание Александра Мазура, вместе с ним вел за собой новую когорту подрастающих мастеров классического стиля.

Мекокишвили, однако, не смог распротиться с самбо. Он увеличивал список чемпионских званий и в этом виде спорта. По самбо Арсен Мекокишвили становился чемпионом страны семь раз.

В 1951 году Арсену Мекокишвили было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

9

...Настало утро последнего дня Олимпиады.

Арсен Мекокишвили, к своему удовлетворению, обнаружил, что прекрасно выспался. Волнение и неуверенность, которые мучили в такие дни всех без исключения спортсменов, куда-то сами собой исчезли. Он был спокоен. Голова его была свежа, а тело ощущало легкость, какая свойственна молодым и очень сильным людям.

Разминаясь, Арсен и оглянуться не успел, как его при-

гласили на ковер. Предстояло провести еще одну, предпоследнюю встречу перед главным единоборством с Бертилом Антонссоном. Соперника — Наталле Векки, добродушного итальянца, совсем непохожего на говорливых и шустрых своих соплеменников, Арсен, по правде говоря, не боялся. Он помнил его еще по выступлениям на чемпионате Европы в 1947 году. Внимательно пригляделся тогда к нему и решил, что с таким он мог бы сладить без особого труда.

Так оно и получилось. Размявшись, Мекокишвили на пятой минуте знаменитой подсечкой бросил Наталле Векки на лопатки. После этого должен был решиться главный вопрос: кто же будет олимпийским чемпионом в тяжелом весе?

Правда, тренеров и руководителей нашей сборной волновало и другое — финальные поединки Рашида Мамедбекова и Давида Цимакуридзе. И не вина Рашида Мамедбекова, что его соперник, великолепный мастер из Японии, Иссии, оказался сильнее. Второе место для юного новичка большого спорта — отличный результат. А затем настала очередь Давида Цимакуридзе. Он, как говорят между собой борцы, просто «съел» обоих соперников — и венгра Гирича, и иранца Тахти. Давид Цимакуридзе стал олимпийским чемпионом.

Арсен Мекокишвили тем временем ждал своей очереди. Ни на секунду не отлучаясь из зала, он терпеливо сидел на скамеечке, укутавшись в махровый халат. Чтобы не томить борца, наши тренеры пошли узнать в судейскую коллегию, когда будут бороться тяжеловесы. «Вечером», — ответил главный секретарь. Значит, можно отдохнуть несколько часов, собраться с силами. Александр Сенаторов перед тем, как отправить Арсена Мекокишвили домой, в олимпийскую деревню, на всякий случай переспросил об этом еще и главного судью. Тот тоже подтвердил: «Да, финал вечером».

И вот, когда Арсен Мекокишвили уже покинул зал, раздался голос диктора: «На ковер для финального поединка приглашаются борцы тяжелого веса: Мекокишвили — Советский Союз и Антонссон — Швеция».

Объявление означало, что, если Мекокишвили не выйдет на ковер через три минуты после приглашения, ему будет засчитано поражение. Таковы правила, и никакие отговорки и оправдания не принимаются. Подобные казусы уже случались на Олимпиаде.

Трудно передать состояние руководителей советской сборной. Стремглав бросились все на улицу, и, о счастье, Мекокишвили почему-то замешкался и только еще сажился в машину. Буквально схватив его, они кинулись обратно во Дворец спорта. Раздеваясь на ходу, Арсен Мекокишвили не имел ни одной лишней секунды. О разминке и думать не приходилось. Лишь бы не опоздать. И он не опоздал. Перед ним стоял Бертил Антонссон. И его нужно победить.

Антонссон находился в самом расцвете сил. Ему шел тридцать первый год, он был уже удостоен званий, о каких можно только мечтать: многократный чемпион Швеции, чемпион северных стран, чемпион Европы и мира по классической борьбе, чемпион Европы и мира по вольной борьбе. Единственно, чего ему не хватало, — золотой олимпийской медали. Четыре года назад он уже был близок к ней, но занял лишь второе место. И вот Антонссону предстоит новая, вполне реальная попытка взойти на вершину Олимпа.

Мекокишвили международного опыта почти не имели и в этом являлся полной противоположностью своему более молодому сопернику. Естественно, никаких международных наград у четырнадцатикратного чемпиона СССР по вольной борьбе и самбо не было. Возможность стать олимпийским чемпионом, как он понимал, представлялась для него в первый и последний раз.

...Готовые начать бой, борцы стояли по углам ковра.

Оба соперника не слышали, что творилось в это время в переполненном публикой «Мессухалли». Болельщиков у шведа было несравненно больше. Свидетелями его победы хотели стать и шведские любители спорта, и пришедшие «болеть» за «своего, северного» финны и норвежцы. Ведь борьба в этих странах считалась в то время любимым видом спорта. наших зрителей на трибунах хотя и оказалось поменьше, зато они «болели», как говорится, не числом, а умением.

Началась схватка. Бертил пошел в бой без разведки. Руки, касаясь шеи и плеч Арсена Мекокишвили, мелькали в воздухе то справа, то слева. Они искали брешь в защите нашего борца и никак не могли ее найти.

Мекокишвили же больше следил за ногами соперника.

Антонссон, видимо, недоучел, что перед ним прирожденный «вольник», и не среагировал на прием. Провел

его Арсен неожиданно и стремительно. В один из моментов, когда швед, дернув Мекокишвили за шею, сделал шаг вперед, ноги его перекрестились, он на мгновение потерял устойчивость и после подсечки, которая, если бы ее записать на кинограмму, могла бы украсить любое руководство по борьбе, полетел на ковер. Нет, на спину он не упал, но, приняв положение партера, понял, что проиграл Арсену очко.

Не забыв науку Коткаса, Мекокишвили дал подняться Антонссону в стойку. Не успел шведский чемпион опомниться, как судьи записали в протокол еще одно очко. На этот раз Мекокишвили приземлил соперника подножкой. Поднявшись в третий раз в стойку, швед стал уже осмотрительнее. Он вцепился глазами в ноги Мекокишвили и уже не упускал их из виду. Он даже сумел немного отыграться. После шести минут схватки был брошен жребий, кому первому бороться сверху. Подброшенный арбитром в воздух двухцветный фанерный кружок упал вверх синей стороной. Это значило, что первым сверху бороться выпало Антонссону.

Мекокишвили опускается вниз, широко расставляет руки, грудью прижимается к коврику — готовится к нападению Антонссона. Тот не заставляет ждать: «поймав» свисток судьи, разрешающий продолжить поединок, бросается на соперника. У Антонссона длинные и сильные руки, и не один мастер ковра испытал горечь поражения, попавшись на его знаменитые «нельсоны» и «двойные нельсоны». Пропустив руки из-под плеч, он соединил их на шее Арсена и, упираясь всем телом, начал медленно давить вниз. Мекокишвили стоял как гранитная скала. И Антонссон не выдержал. Он распустил захват и, встряхнув затекшие мышцы рук, собирался было начать новый прием. Но тут ударил гонг — пора меняться местами. Теперь уже Антонссону предстояло отстоять снизу три минуты. Отстоять-то он отстоял, но попался все-таки еще на один прием Мекокишвили. Наш борец потом и сам удивлялся: как это он, не любивший бороться в партере, провел-таки прием, да еще с самим Бертилом Антонссоном.

А выполнить его, как говорили потом наблюдавшие встречу борцы, удалось исключительно за счет силы воли. Обхватив соперника за туловище, он прижал его к груди и, опустившись на бок, пытался перебросить через себя. Антонссон высылся словно изваяние. Сдвинуть его с

места, казалось, нет никакой возможности. Тогда Мекокишвили, собрав последние силы, вложил их в мощный рывок, и Антонссон перелетел через «полумост». «Накат», как называют этот прием борцы, уже окончательно склонил чашу преимущества в сторону советского атлета. Последние три минуты смертельно уставшие борцы, несмотря на обоюдные попытки, ничего не могли сделать. Раздался финальный свисток, и после небольшой паузы, вызванной необходимым в таких случаях совещанием судей, в притихшем и замороженном красивейшем поединком зале, прогремел голос диктора: «Победу, а вместе с ней золотую олимпийскую медаль завоевал Арсен Мекокишвили — Советский Союз!»

Товарищи на руках унесли его из зала. А еще через несколько минут он стоял на вершине пьедестала почета. Гордо смотрел, как плавно под звуки величавой мелодии советского гимна поднимается вверх алый стяг Родины. Слезы радости и счастья катились по его лицу.

Радовались все борцы нашей команды. Победа Мекокишвили позволила советской сборной на одно очко обойти шведов. Советские спортсмены набрали 28 очков, шведы — 27, а победители предыдущей Олимпиады, турецкие борцы, — 25 очков.

Вся мировая пресса на другой день отмечала исключительно удачный дебют советских борцов.

А потом настала очередь выступить борцам классического стиля. Ведомые в бой Иоганнесом Коткасом, они буквально смяли все команды. Борис Гуревич, Яков Пункин, Шахам Сафин и Иоганнес Коткас получили золотые медали. Шалва Чихладзе завоевал серебряную, Артем Терян и Николай Белов — бронзовые медали.

И снова в газетах многих стран мира замелькали экстренные сообщения из Хельсинки. Например, шведская «Свенска дагбладет» писала: «Советский Союз является наилучшей нацией в борьбе по всем категориям. Русские борются изумительно!» Итальянская «Гадзетта делла спорт» вторила ей: «Русские явились в Хельсинки с невиданной до сих пор командой атлетов. Они сумели завоевать первенство, оставив остальных далеко позади». Обзоратель стокгольмской газеты «Моргон тиднинген» высказался еще более категорично: «Я даже не верю, что команда борцов, в которую вошли бы сильнейшие спортсмены таких стран, как Швеция, Финляндия, Турция, Венгрия и США, могла бы победить русских».

Возвратившись домой в Москву и съездив на несколько дней в родное село, Арсен Мекокишвили снова принялся за тренировки.

Вспомнилось, как в 30-е годы знаменитый наш чемпион чемпионов Иван Максимович Поддубный совершил турне по Соединенным Штатам Америки и положил на лопатки несколько десятков сильнейших американских борцов. А ведь ему тогда было 55 лет. «Вот с кого надо брать пример», — думал Арсен Мекокишвили. Он готовился в динамовском борцовском зале к новым сражениям на ковре.

В конце того же 1952 года Арсен Мекокишвили в ранге уже олимпийского чемпиона едет в Баку отстаивать звание чемпиона страны.

«Боролся он, как всегда, отменно... — рассказывает кандидат педагогических наук, мастер спорта А. П. Купцов. — Помню, как шумел переполненный зал Бакинского цирка, приветствуя ставшего легендарным чемпиона. Билетов на борьбу не было и в помине — все раскупили еще за много дней до финала. Мальчишки, чтобы хоть краешком глаза взглянуть на схватки прославленных мастеров, залезли на стеклянный купол крыши цирка и оттуда, сверху, смотрели соревнования. Когда их набралось слишком много, металлический каркас в одном месте немного прогнулся, расширился, и на головы борцов посыпались стекла.

К счастью, все обошлось: и сверху никто не свалился, и внизу на ковре никто не пострадал. А в это время как раз боролся Арсен Мекокишвили. Стекла, упавшие рядом с борцами, убрали, и встреча продолжалась. Уже потом, после схватки, вспомнив происшествие, я сказал Арсену Спиридоновичу, что стекло, упавшее с многометровой высоты, могло бы убить или ранить. На это Мекокишвили ответил: «Да, могло бы. И тогда я не мог бы продолжать схватку».

Эти слова запомнились мне на всю жизнь. Борца заботило не то, что он мог бы получить травму, а то, что не смог бы бороться! Никогда за всю жизнь я не видел более преданных борьбе людей, чем Арсен Мекокишвили».

В быту это был обаятельный, компанейский человек. Все окружающие, ценя его за веселый, спокойный нрав, тянулись к нему. В те годы Мекокишвили часто приходи-

лось встречаться на ковре с одноклубником Михаилом Герасимовым. Этот борец с фигурой античного атлета хотя и слыл известным мастером, но Арсену Мекокишвили всегда проигрывал. И того, видимо, даже немного мучила совесть, что всегда как бы перебегает дорогу Герасимову. Ведь старается человек, а первенство завоевать не может. Как-то после очередной победы над Герасимовым Мекокишвили подошел в раздевалке к сопернику, обнял его: «Ты не сердись на меня, Миша. Ну, что я могу сделать?..» Чтобы хоть как-то утешить друга, протянул ему свои любимые запонки: «На вот, возьми! Пусть у тебя будет о Мекокишвили хорошая память!»

Чемпионат страны следующего, 1953 года проходил в Тбилиси. Конечно, тбилисские болельщики жаждали вновь увидеть своего кумира. И опять на всесоюзном ковре выявилось его полное превосходство над всеми. Шесть встреч — шесть побед! Любопытно, что троих соперников грузинский богатырь положил на лопатки в партере «нельсоном» — приемом, который некогда ему самому доставлял немало хлопот. Давно уже прошли те времена, когда он плохо боролся в партере. Итоги соревнований еще раз подтвердили: теперь для него не было уже тайн в технике вольной борьбы.

Однако Арсен Мекокишвили не обольщался легкими победами. О том, что есть в мире достойные соперники, ему напомнило сообщение из Неаполя. На закончившихся там соревнованиях по классической борьбе шведский тяжеловес Бертил Антонссон, победив Йоганнеса Коткаса, вновь стал чемпионом мира. Далее говорилось, что блестяще выступили на чемпионате советские борцы. Они завоевали пять золотых медалей из восьми и наголову разбили все другие команды. Порадовавшись за товарищей, Арсен Мекокишвили вновь задумался. Ох уж этот Антонссон! Видно, спор с ним еще не окончен. В следующем году в Японии должен был проводиться чемпионат мира по вольной борьбе, и наша команда собиралась в нем участвовать.

1954 год сборная команда СССР начала серией международных встреч. Сначала путь лежал на север, в Швецию. Здесь, в стране, славившейся в те времена самыми сильными мастерами вольной борьбы, намечалась серия двусторонних матчей. В канун чемпионата мира главная задача состояла в том, чтобы проверить в трудном бою спортсменов и определить составы. Поэтому, меняя участников, обе стороны договорились провести несколько

встреч в разных городах: в Стокгольме, Гетеборге, Мальме, Кальберге, Кируне.

В нашей сборной было тогда два тяжеловеса — Коткас и Мекокишвили. Первый из них вновь выступал в интересах команды по вольной борьбе, но соревновался явно неудачно. Он проиграл несколько схваток, в том числе дважды подряд Бертилу Антонссону. Шведский атлет и на этот раз подошел к соревнованиям в великолепной форме. Поддерживаемый соотечественниками, он твердо намеревался взять реванш у себя дома, в Стокгольме, у непобедимого Мекокишвили.

Их схватка, по существу, стала центральной в главном стокгольмском матче, она проходила почти по «сценарию» их первого поединка в Хельсинки.

Как и на Олимпиаде, Бертил сразу бросился в наступление. Он все еще лелеял надежду, что сможет победить советского мастера за счет темпа. Однако и на этот раз его маневр не удался. Мекокишвили, приняв вызов, к исходу шестой минуты оказался свежее соперника. В партере у Антонссона уже не хватало сил, чтобы сделать что-нибудь со стоящим, как гора, Арсеном Мекокишвили. Обменявшись через три минуты со шведом местами в партере, наш борец бросил его через «полумост». Последние три минуты Антонссон, борясь в стойке, в основном защищался и схватку в итоге проиграл.

Не надеясь, видимо, что Антонссон сможет победить Мекокишвили в повторной встрече, шведские тренеры приняли решение дать возможность проэкзаменоваться у советского чемпиона другим лучшим тяжеловесам из молодых. Но все они: и Бенгт Фальквист, и Адле Нордстрем, и Олле Беркин — не смогли продержаться против Мекокишвили.

Через две недели наш чемпион отличился и во встрече со сборной Норвегии. Команды соревновались в Осло дважды. Общий счет этих поединков 16 : 1 в пользу СССР. Почему 16 : 1? Ведь весовых категорий всего восемь? Значит, в двух матчах должно быть всего 16 схваток? Верно. Но, дважды положив на лопатки чемпиона Норвегии Э. Горгенсена, Арсен Мекокишвили попросил дать ему еще одного соперника, который тоже, увы, простоял на ковре всего несколько секунд.

Всего в преддверии чемпионата мира Арсен Мекокишвили провел более десяти международных встреч с борцами высшего класса и у всех выиграл.

А завершил он эту победную серию прекрасной схваткой на турнире в Будапеште с двухметровым чешским гигантом Иозефом Ружичкой, вес которого превышал 130 килограммов. Мекокишвили просто замучил Ружичку подсечками, набрал много баллов и, когда чешский колосс уверовал уже в «почетный» проигрыш по очкам, положил его за 16 секунд до конца встречи на лопатки. Мекокишвили никогда не изменял своему правилу — бороться до последней секунды.

11

Таяли листки календаря, все меньше оставалось дней до дебюта советских спортсменов в чемпионате мира по вольной борьбе. И вот наконец майским погожим утром 1954 года команда вылетела в Японию.

...Первая ознакомительная тренировка во Дворце спорта Мейдзи, где должен был проходить чемпионат, вызвала живейший интерес болельщиков. Каким-то образом те проведали, что можно посмотреть на русских борцов. Было видно, что борьбу в Японии любят. Значит, с хозяевами ковра придется особенно туго — болельщики наверняка окажут «шумовое» воздействие на судей. Немалую опасность представляли также команды Швеции, Турции, Ирана. Да и кто может предсказать, какие сюрпризы и от кого подстерегают атлетов на чемпионате мира?

А эти неприятные неожиданности не заставили себя ждать. В предварительных встречах спортсмены сборной СССР потерпели поражения в двух весовых категориях.

Впрочем, казалось, что и усилий оставшихся шестерых участников вполне достаточно, чтобы завоевать командное первенство. Ведь другие дружины понесли потери куда более ощутимые: в турецкой команде осталось пятеро спортсменов, у японцев — четверо, а у шведов и иранцев всего по трое. Но в финале пошла какая-то полоса необъяснимых неудач. Миран Цалкаламанидзе, увлекшись, сам коснулся лопатками ковра в схватке с турецким борцом Акбасом; проиграл оба поединка слишком осторожный Николай Музашвили; выбыл из борьбы сначала за «золото», а затем и за «серебро» Сергей Габараев. Осечки пятых наших борцов не позволили советской сборной закрепиться на первом месте в командном споре.

Зато великолепно выступили трое других наших атлетов. И, как всегда, показывая пример, вел товарищей за собой Арсен Мекокишвили.

Когда на параде открытия чемпионата диктор представлял зрителям десятерых тяжеловесов, в центре внимания, конечно же, оказались двое — олимпийский чемпион Арсен Мекокишвили и чемпион мира Бертил Антонссон.

Да, шведский богатырь вновь решил попытать счастья в единоборстве с советским борцом. Бертилу Антонссону, сделавшему блестящую карьеру в спорте, не хотелось уходить побежденным. Но и в коллекции спортивных наград Арсена не хватало еще одной важной медали — медали чемпиона мира. К тому времени авторитет нашего борца на международном ковре стал непререкаемым.

Арсену Мекокишвили в момент его дебюта на чемпионате мира в Токио шел уже сорок третий год. Против него, олимпийского чемпиона, боролись с особым старанием. Победа над ним открыла бы любому спортсмену путь «в высшее общество» мастеров вольной борьбы.

Арсен Мекокишвили по-прежнему выступал уверенно. В первом круге, сражаясь до конца, одержал верх над чемпионом Финляндии Таисто Кангасниemi. Случилось это за несколько секунд до конца поединка. Время истекло, и все уже не сомневались, что исход встречи будет определен по баллам. Но Мекокишвили перед ударом гонга словно «выстреливает» свою знаменитую подсечку, и арбитр фиксирует чистую победу.

Что и говорить, начало было хорошим.

Успешным оно было и для Бертила Антонссона, который тоже положил на лопатки соперника, знакомого ему еще по Олимпиаде в Хельсинки, американского супертяжеловеса Керслайка.

Казалось, единоборство советского и шведского богатырей и решит в финале спор, кому из них быть чемпионом. Однако слепой жребий свел двух самых главных претендентов на золотую медаль уже во втором круге.

Антонссон никак не хотел менять тактики во встречах с Мекокишвили. Он почти не изменил план поединка. Правда, швед теперь более пристально следил за ногами грузинского мастера, и тому, несмотря на все попытки, ни разу не удалось пустить в ход грозное оружие — подсечки. Как и в первых двух поединках, шесть минут закончились вничью. И опять (надо же такому случиться!) шведскому атлету в третьей схватке подряд выпало начинать борьбу сверху. И снова Арсен возвышался словно неприступный утес, о который разбивались все атаки шведа. А когда поменялись местами и Мекокишвили, мощно

обхватив соперника за ноги, намеревался его перевернуть, тот пополз за ковер. Это стало переломным моментом схватки. Антонссон психологически уже проиграл и желал теперь только одного, чтобы скорее кончились эти бесконечные 15 минут. Из последних сил шведский мастер сдерживал непрерывные атаки Мекокишвили, пытался с ковра, бессильно вис на сопернике.

Победа в этой третьей, последней встрече с Бертилом Антонссоном выглядела намного ярче и убедительнее, чем в двух предыдущих. Все решилось еще до финала — Мекокишвили и Антонссон разгромили всех остальных соперников и стали в последний день на пьедестале рядом. Советский богатырь на верхней ступеньке, а шведский — чуть пониже, на «серебряном» возвышении.

В Москву возвращались три чемпиона мира: Вахтанг Балавадзе, Август Энглас и Арсен Мекокишвили.

Они были первыми советскими чемпионами мира по вольной борьбе.

12

Следующий, 1955 год сложился неудачно для Арсена Мекокишвили. Беда подкралась неожиданно и, как часто бывает, с той стороны, откуда ее меньше всего ждали. Могучего атлета «сразил» заурадный радикулит. Его товарищи готовились к чемпионату страны, к чемпионату мира, а он лежал в госпитале прикованный к кровати.

Врачи советовали забыть о спорте, но чемпион, здоровье которого понемногу шло на поправку, конечно же, не помышлял расставаться с любимым делом.

Поправившись, Мекокишвили с завидной энергией приступил к тренировкам. Он не щадил себя и работал намного больше, чем его молодые конкуренты.

И вот в мае 1956 года олимпийский чемпион и чемпион мира едет в Турцию, чтобы принять участие в первом розыгрыше Кубка мира. Конечно, годовой перерыв в выступлениях сказался: форма нашего борца оставляла желать лучшего, но тренеры, зная несокрушимую волю Мекокишвили, вновь доверили ему защищать честь нашей сборной. Советский атлет сокрушал одного соперника за другим. В финале ему предстоял последний поединок со всеобщим любимцем стамбульской публики — молодым турецким чемпионом Хамидом Капланом.

Зрители, переполнившие стамбульский стадион, не

сомневались в победе соотечественника. Сам же Каплан побаивался Мекокишвили. Это стало ясно всем судьям уже в первые секунды поединка. Турецкий борец, не решаясь идти на открытую схватку, предпочитал убежать с ковра. Шесть минут не выявили преимущества ни одного из борцов. Не изменилось соотношение сил и после борьбы в партере. И вот, когда стрелке секундомера оставалось совершить последний круг, Арсен Мекокишвили мощнейшим рывком сбивает соперника на ковер. Каплан тут же вскакивает и, поняв, что проиграл, кидается на советского борца в последний яростный штурм. Но... поздно. Звучит финальный свисток, и вверх поднимается рука Арсена Мекокишвили. Победа!

Просто невозможно передать, что творилось на стадионе, когда судьи «обидели» их всеобщего любимца. Многотысячные трибуны грохотали, ревели, исторгали угрозы и проклятия. И судьи, смалодушничав, сдались. Посоветовавшись, они изменили решение и назвали нового победителя — Хамида Каплана.

Конечно, у всех специалистов вольной борьбы не было никаких сомнений в том, кто истинный чемпион. Но, увы, официально Арсен Мекокишвили впервые в жизни был объявлен на международном ковре вторым. Это была первая и последняя «проигранная» им схватка зарубежному спортсмену.

А через несколько месяцев Арсен Мекокишвили вновь доказал, что он по-прежнему остается у нас лучшим борцом тяжелого веса. В августе на первой Спартакиаде народов СССР, встречаясь с талантливыми представителями плеяды молодых мастеров вольной борьбы, он всех их заставил признать себя побежденными. Эти поединки на Спартакиаде оказались для него последними. В соревнованиях XVI Олимпийских игр прославленный борец не участвовал.

А когда вся страна отмечала блестящую победу наших олимпийцев в далеком Мельбурне, не забыли и Арсена Мекокишвили. Его наградили орденом Трудового Красного Знамени. Это было радостное событие. Однако к удовлетворению примешивалась грусть — отныне он никогда не выйдет на ковер как борец.

Но жизнь не потеряла смысл для Арсена Мекокишвили. Он по-прежнему в ее гуще, по-прежнему в строю. Едет в родную Грузию, выступает там перед земляками, читает лекции. В издательстве «Физкультура и спорт» в 1959 го-

ду выходит его книга «В строю богатырей». Арсен Спиридонович часто появляется в борцовском зале, делится с молодыми спортсменами секретами мастерства.

Вот что рассказывает об отце кандидат сельскохозяйственных наук, доцент Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Георгий Мекокишвили:

«По совету врачей отец уехал в родное село Георгицминду. Помогал односельчанам, работая с ними на виноградниках, встречался с молодежью.

Борьба была для отца делом всей его жизни, и он чрезвычайно серьезно, я бы сказал, свято относился ко всему, что с ней связано. На редкость добрый в жизни, на ковре он был беспощадным к соперникам.

Вспоминается такой случай. В конце 60-х годов я приехал в отпуск в родное село. Отец был уже немолод. Как-то, когда он работал в саду, я подошел к нему, обнял его сзади: «Старый ты стал, папка! Дай я тебя проверю», — и взял его в захват. И тут отец, который очень любил меня, единственного сына, моментально преобразился, и я с размаху полетел на землю. Прием был выполнен зло, по всем правилам борцовской науки. Я даже не успел среагировать. А ведь считался неплохим спортсменом — был мастером спорта, чемпионом Москвы и Всесоюзного совета общества «Динамо» в полутяжелом весе.

Надо сказать, что, когда я начал заниматься вольной борьбой, отец не слишком поощрял меня в этом, но, правда, и не препятствовал. Он считал, что каждый должен сам выбирать свой путь. Удивительно, что, несмотря на мои приглашения, он ни разу за все годы не захотел посмотреть, как борется на соревнованиях его сын. Может быть, боялся стать свидетелем моих поражений?

Но все-таки я услышал от него слова одобрения. Отец лежал в госпитале, и я пришел ему сообщить, что победил всех соперников на всесоюзном динамовском ковре и стал чемпионом. Он обрадовался, прослезился: «Молодец, молодец, сынок... настоящим стал мужчиной!»

И в пожилом возрасте Арсен Спиридонович все еще оставался атлетом. Однажды он снова, как в юные годы, заставил говорить о себе всю Георгицминду.

...Из Тбилиси в Кахетию направлялся экскурсионный автобус. Когда проезжали мимо небольшого ответвления дороги с указателем «Село Георгицминда», шофер объявил, что здесь неподалеку живет знаменитый борец, олимпийский чемпион Арсен Мекокишвили.

— Да, знаком мне Арсен Спиридонович, — неожиданно отозвался один из пассажиров. — Давно, наверное, лет десять с хвостиком тому назад, я, совсем еще юный, двадцатилетний мастер спорта, боролся с ним на соревнованиях и, конечно же, проиграл. Мекокишвили положил меня тогда на лопатки.

Потом, усмехнувшись, добавил, видимо, для красного словца:

— Но вот теперь я бы наверняка смог отыгаться. Чемпион-то уже старый.

Услышав это, шофер, пожилой грузин, от неожиданности остановил машину:

— Да ты понимаешь, что говоришь?! — горячился он. — Нет еще такого человека, который победил бы нашего Арсена. Он тебя больной и старый положит. Хвастун ты, больше ничего! Поедем сейчас же в Георгицминду, и ты покажешь, какой ты молодец.

Через несколько минут автобус подкатил к дому Арсена Мекокишвили. Заметно погрузневший богатырь работал в это время в саду. Выйдя навстречу гостям и выслушав их, он молча снял рабочую куртку. Потом взглянул на того, кто хотел положить его на лопатки, принял боевую стойку и через несколько секунд, к всеобщей радости сбежавшихся отовсюду односельчан, вмял соперника спиной в землю. Сконфуженно улыбаясь и отряхиваясь, тот поспешил ретироваться.

А вечером к Мекокишвили пожаловали все старики Георгицминды. Снимая шапки, они кланялись низко ему в пояс:

— Молодец, Арсен! Не посрамил ты чести нашего края, проучил хвастуна!

Умер Арсен Мекокишвили 7 марта 1972 года, не дожив до шестидесяти немногим больше месяца — попал в автомобильную катастрофу.

Друзья выполнили его волю — похоронили недалеко от родного села на сельском кладбище, где лежат все предки знаменитого спортсмена. На краю Георгицминды, на фоне гор высится гранитный памятник. Из огромной монолитной скалы выходит эпический богатырь Арсен Мекокишвили. Могучая грудь и плечи его обнажены. Лицо полно воли и спокойствия. Он смотрит на родное село, на юную, цветущую жизнь...

В. ГАНЧУК

ФЕДОР ТЕРЕНТЬЕВ

В тот вечер Федор долго не мог заснуть. Кажется, такого с ним не случилось за все годы спортивной жизни — он приучил себя засыпать и просыпаться точно в нужное время. Правда, уходящий день, 4 февраля 1956 года, был особым — впервые выступая на зимних Олимпийских играх, советские лыжники победили в

эстафетной гонке. И успех команды в решающей степени обеспечил именно он, Федор Терентьев. В этот день ему исполнился тридцать один год. Золотая олимпийская медаль — может ли быть для спортсмена лучший подарок?

Снова и снова перед его взором, как в бесконечно повторяющихся кинокадрах, возникла разноцветная цепочка стартующих гонщиков, тот самый злополучный мостик, который едва не подвел нашу команду, затем затяжной подъем, где Федор обходил одного за другим соперников, наконец, четвертый километр дистанции, где он возглавил гонку...

Теперь можно немного расслабиться, подумать о чем-то другом. Как обрадуются, когда узнают о его победе, братья, сестры и, конечно, мама, Евдокия Федоровна. Правда, вслух она об этом не скажет — не принято в семье Терентьевых шумно выражать свои чувства, хотя украдкой, может, и смахнет нечаянную слезу радости. И как жаль, что не дожил до этого дня отец...

Карелия. Край дремучих вековых лесов, непроходимых топей. Названия мест, от которых веет древними былинами и легендами: Онего, Калевала, Кереть... Край строгой суровой северной красоты. Одно из самых крупных карельских озер — Сегозеро. На его западном берегу раскинулось большое село Паданы. В шести километрах от него среди гор, густо поросших лесом, затерялась деревушка — всего двадцать восемь изб — с уныло-печальным названием Погост. Там 4 февраля 1925 года в большой крестьянской семье Терентьевых родился сын, которого назвали Федором.

Нелегко труд крестьянина в этих краях. И не только потому, что земля не очень плодородная. Ее ведь еще надо отвоевать у леса, очистить от валунов и камней, которых здесь великое множество. И все же люди издавна сеяли здесь рожь и ячмень, хотя эти культуры не всегда успевали вызревать за короткое северное лето, сажали картошку. Помогали прожить леса и озера — зверя и рыбы было в достатке, летом заготавливали грибы и ягоды.

Отец Федора — Михаил Михайлович — брался за любую работу, почти каждую зиму уходил на лесозаготовки, возил на лошади грузы — каждый рубль в такой большой семье лишним никогда не был. Когда создали колхоз, Михаил Михайлович работал бригадиром, после войны — конюхом.

Сколько Федор помнил маму, праздной он никогда ее не видел. Работала Евдокия Федоровна дояркой на ферме, вставала до рассвета, много хлопотала по дому. С самых малых лет Евдокия Федоровна и ребят своих к труду приучала. И полы мыть, и сено косить, и пахать, и дрова заготавливать — все умели делать дети Терентьевых. Старшая сестра Мария за малышами приглядывала. «Яслей и детского сада у нас ведь не было, — вспоминает Мария Михайловна. — Наши младшие — Коля, Федя, Паня и Феня, — можно сказать, у меня на руках выросли. А как чуть постарше стали, то вместе рыбачить отправлялись. Это для нас всегда было праздником. Однажды летом из деревни много рыбаков на озеро вышло — погода стояла теплая, и рыба хорошо ловилась. Решили отправиться и мы, Коля, Федя и я. Лодка у нас была крепкая, с двумя парами весел. Я могла грести сразу

двумя, а Федя и Коля по одному веслу взяли. Рыбы наловили много, вечером спать улеглись, а когда проснулись, оказалось, что все уехали (мы в стороне ночевать устроились). Только тронулись домой — задул встречный ветер, да все сильнее, волны крутые пошли. А до дома примерно шесть километров. Я тогда сильно напугалась, а Федя говорит: «Ничего, Маша, выберемся». До крови тогда руки стерли, но выгребли к берегу, а потом вдоль него и домой добрались. Не испугались мои ребята, а ведь совсем еще маленькие были...»

А в мае отправлялись в лес лето встречать. Евдокия Федоровна приготовит тесто, даст немного масла, вот ребята и пекут блины на костре.

Зимой все вставали на лыжи. Школа на другом берегу озера, в обход идти далеко. Поэтому как только озеро застывало, так шли на лыжах напрямик. И в магазин на лыжах, и в клуб, даже санки с ушатом воды и то на лыжах возили. Лыжи были самодельные — дедушка их вырезал.

Очень любили братья Терентьевы кататься на лыжах с гор — их много кругом, и все они самой разной высоты. Набив поначалу немало синяков и шишек, научились лихо съезжать вниз по крутым склонам, особенно Федор и Николай. А за братьями, глядишь, и Паня карабкается на вершину. Сначала прогоняли ее братья — не девчоночье это дело, но потом убедились, что не так уж она им уступает. Не думал тогда Федор Терентьев, разрисовывая горные склоны следами лыж, что это умение очень ему пригодится в будущем.

Летом на смену лыжам приходил велосипед. Правда, в доме он был всего один. И пользовались им строго по очереди. А уж берегли как!

Выносливость, сила, решительность — все это у Федора Терентьева с детских лет. А когда подрос, пошел подручным кузнеца работать, еще крепче стал.

...Девять детей выросли в дружной и трудолюбивой семье карельского крестьянина. Три старших брата сражались на фронтах Великой Отечественной войны, двое из них — Константин и Иван — не вернулись. Самый старший, Василий Михайлович, работал и на Дальнем Востоке, и у себя в родных краях, в Паданах, в сплавной конторе, а затем в леспромхозе. В молодости увлекался легкой атлетикой — неплохо метал диск и копье. Мария Михайловна окончила Ленинградский сельскохозяйствен-

ный институт, трудилась в Сибири, потом вернулась в Карелию и двадцать один год работала на Кондопожской птицеферме начальником отделения и главным экономистом. В институте, а еще раньше в Петрозаводском сельскохозяйственном техникуме, выступала в лыжных гонках.

Очень перспективной спортсменкой-лыжницей была Анна Михайловна, по профессии медицинская сестра. Во время войны в Сибири, участвуя в молодежных соревнованиях, она не раз побеждала, была даже призером всесоюзных соревнований сельской молодежи.

Николай Михайлович живет в Паданах, работает слесарем в леспромхозе. Раньше он занимался толканием ядра и метанием диска. В родном селе осталась и Прасковья Михайловна, продавец местного магазина. В свое время она также была отличной спортсменкой — в 1947 году стала абсолютной чемпионкой Народного лыжного праздника Карелии среди девушек. Наконец, младшая сестра Федосья Михайловна, медицинская сестра, выступала на республиканских соревнованиях по лыжам, прыгала в длину, метала гранату.

...В 1944 году Николая призвали в армию. Тогда же Федор обратился к отцу и матери:

— Я тоже пойду вместе с Колей. Добровольцем.

На следующий день Федор Терентьев подал заявление в военкомат. Служить его направили в Заполярье. Там, в Мурманске, он впервые встретился с настоящим спортом. Встретился, чтобы уже не расставаться до конца жизни.

...Один за другим уходили со старта бойцы — шло первенство соединения по лыжам. Здесь были свои признанные фавориты, уже несколько лет занимавшиеся лыжным спортом, выигравшие не одну гонку. Но лучшее время показал никому не известный Федор Терентьев. А дальше — больше: попав на окружные соревнования, Терентьев и там занял первое место в лыжных гонках, а потом выиграл и гонку велосипедную...

В 1945 году его направили в Свердловск на сборы сильнейших армейских лыжников.

2

Здесь Федор Терентьев встретился с Андреем Алексеевичем Карповым...

Многие годы Карпов входил в десятку сильнейших гон-

щиков страны. За спортивные успехи ему присвоено звание заслуженного мастера спорта. А за достижения в области тренерско-педагогической деятельности он одним из первых в стране был удостоен звания заслуженного тренера СССР, награжден несколькими орденами и медалями.

— Вы обратили внимание, как бежит вот тот здоровяк? — спросил кто-то в группе тренеров, стоявших у финиша. Карпов молча кивнул головой: он давно присматривался к рослому плечистому парню, к его своеобразному стилю.

— У Терентьева был мягкий, эластичный ход, — рассказывает Андрей Алексеевич, — близкий к финской манере бега. В то время у нас так не бежали. В последующие годы по стилю к Терентьеву, пожалуй, был наиболее близок Вячеслав Веденин. И кроме того, в Федоре сразу угадывалась огромная сила воли.

В 1947 году Терентьева перевели служить в Москву и включили в команду велогонщиков ВВС. Осенью он вошел в состав команды лыжников-армейцев, его тренером стал Карпов.

...Был в подмосковном городе Бабушкине, ставшем теперь одним из районов Москвы, аккуратный одноэтажный домик с небольшим садом. Этот дом хорошо знали все армейские лыжники: в нем жила семья Карпова.

— Андрея Алексеевича мы считали своим вторым отцом, — вспоминает неоднократный в прошлом чемпион СССР мастер спорта Геннадий Ваганов. — Ребята месяцами там жили. Ведь все мы были надолго оторваны от своих родных, а там, в семье Карпова, находили сердечное тепло и домашний уют. И больше всех «прижился» там Федор Терентьев.

— И мы считали Федю своим сыном, — говорит Валентина Ефимовна Карпова. — До чего же он был трудолюбив. Минуты без дела посидеть не мог. То встанет раньше всех — а мы и так поднимались очень рано, прямо как в деревне — и, глядишь, уже что-то подправил, починил. Помню, как-то пригласили мы мастера крышу перекрыть. Долго он возился, и все у него не получалось с раскройкой железа. Тут Федор приехал, походил, посмотрел, взялся за дело, и вдвоем они за час управились. Сети любил плести для рыбалки. Все умел делать, золотые были у него руки.

Наверное, многие москвичи — любители спорта старшего поколения — помнят, что в центре столичного парка Сокольники был стадион ЦДКА. В общем-то он не был рассчитан на большие соревнования. Только в 1944 году, когда разыгрывался чемпионат Москвы по футболу, здесь было проведено несколько матчей.

Удивительно домашним и уютным был этот стадион. Именно там начинали свою предсезонную тренировку армейские лыжники.

— Построились! Напра-во! — звучала команда Карпова. — Бегом, марш!

...Их было человек пятьдесят. Федор Терентьев, впервые пришедший на лыжную тренировку, бежал последним. Спортсмены цепочкой пересекли парк, выбежали на широкую лесную тропу.

— А теперь прибавим! — это снова голос Карпова. Бег ускорился, новая команда: — Еще быстрее!

Для Федора все было необычно. Он не боялся кроссов, больше того, за время службы на Севере привык приходить первым. И лыжником себя он считал опытным — не раз выигрывал соревнования в Петрозаводске, да и сам по себе первый разряд тоже что-то значит. И казалось ему: «Ну, подумаешь, темп!»

Давно позади осталась Москва.

— Теперь спокойней! — донеслось спереди. В легком размеренном ритме прошли километра два. И вдруг: — Ускорение! — Вот тут-то и почувствовал Федор, что, несмотря на всю свою выносливость, дыхание начинает сбиваться. А остальные, как будто железные, бегут себе и бегут.

— Ну, новичок, давай знакомиться, — сказал как ни в чем не бывало Карпов, когда группа наконец остановилась в небольшой деревушке. — Как себя чувствуешь? Знаешь, сколько мы прошли? На этот раз немного — всего пятнадцать километров. Деревня эта называется Абрамцево, отдохнем немного и обратно, в Сокольники.

Федор оторопел, когда тренер начал знакомить его со спортсменами, бежавшими впереди: Булочкин, Протасов, Николаев, Володин... Георгий Иванович Булочкин, носивший уже тогда звание заслуженного мастера спорта, гремел еще до войны. Очень известным гонщиком был и Михаил Алексеевич Протасов. Даже в глухую карельскую деревню доходили вести об их победах.

Среди более молодых Терентьев еще на стадионе за-приметил рослого парня.

— А вы ведь почти земляки, — сказал Карпов. Так состоялась встреча Терентьева и Оляшева — спортсменов, которым в будущем суждено было стать большими друзьями в жизни и непримиримыми соперниками на лыжне.

Владимир Оляшев был родом из Архангельской области. Служил на флоте, воевал в сорок пятом на Дальнем Востоке. И здорово воевал — орден Красного Знамени и боевые медали за так не дают. А в детстве тоже на лыжах бегал. Спортом настоящим на флоте стал заниматься. В общем проникся Терентьев к Владимиру глубоким уважением и решил тянуться за новым другом.

Так и пошло — идут по лыжне два крепко сбитых спортсмена: Оляшев — впереди, Терентьев — сзади. Пройдут километров двадцать.

— Теперь ты лидируй, — скажет другу Владимир.

— Да ладно, Володя, — по-карельски окая, ответит Федор. — Ты же сильнее меня, вот и веди...

— Ничего, ничего, Федя, ты тоже должен научиться быть первым, давай выходи вперед.

Короток в те годы был лыжный сезон — растаял снег, и суши лыжи. Конечно, будут другие виды тренировок, но это все не то, вроде бы спортсмены обезножены... А вот у Терентьева было другое «то» — пришла весна, и уже ждет его велосипед. Он ведь член команды ВВС. Укатывал в апреле на юг, на сборы, на соревнования. И снова появлялся в лыжной дружине армейцев уже в октябре.

В чемпионате страны 1948 года Федор был восьмым во всех гонках — на 18 (до пятьдесят шестого года у нас лыжники бежали именно эту дистанцию, а не 15, как потом), 30 и 50 километров. Оляшев выиграл тридцатку и был вторым на восемнадцати.

То же повторилось и на следующий год — Федору удалось занять 8-е место в гонке на 18 километров, а Оляшев в ней победил, и проиграл ему Терентьев около четырех минут.

В пятидесятом году начали говорить об «эре Оляшева» в лыжном спорте — Владимир выиграл и 30 и 50 километров. Федор снова был восьмым в гонке на 18 и пятым на 30-километровой дистанции.

— Что же, Федя, все правильно, — сказал ему Карпов, когда в команде подводились итоги чемпионата. — Сейчас ты слабее Володи. И мне думается, прежде всего

потому, что двумя видами спорта одновременно заниматься на высшем уровне нельзя.

И Терентьев решил окончательно расстаться с велосипедом. Теперь он уже и летом вместе с товарищами готовился к зимнему сезону. Карпов любил проводить разнообразные тренировки. Кроссы — это обязательная часть программы подготовки.

В самый разгар лета москвичи с удивлением видели, как на Ленинских горах спортсмены в легких тренировочных костюмах бегут, отталкиваясь лыжными палками. А потом вниз, к Москве-реке, там была водная база ЦДКА. Садятся в скифы-восьмерки и часа два вверх-вниз по течению. На стадионе в баскетбол играли, правда, не в обычный, а в свой, «лыжный». Разрешалось и пробежки делать, и вести мяч двумя руками, и, обхватив соперника за пояс, уложить на землю.

Или сядут на велосипеды и махнут за 120 километров в Александров, где тогда жили родители Андрея Алексеевича. Там всегда их встречали гостеприимно: накормят, уложат спать, а утром назад, в Москву.

Атмосфера дружбы, взаимной помощи сплачивала коллектив, помогала спортсменам осознать, что выступают они не только за себя, но прежде всего за армейскую команду. И еще говорил Карпов, что «не спортом единым жив человек». Да, времени мало — служба, тренировки, соревнования. И все же выдастся свободный час — почитай новую книгу, сходи в театр, музей. Все вместе они ходили в Третьяковскую галерею, в Музей Советской Армии. А бывали в Ленинграде, обязательно в Эрмитаж, Русский музей, Петродворец.

Конечно, эти походы, беседы на спортивные результаты напрямую не влияли, но они формировали характер, личность, расширяли кругозор. И наверное, все это сыграло не последнюю роль в том, что все ведущие армейские лыжники того времени, завершив выступления на больших соревнованиях, получили образование, стали тренерами, спортивными работниками, специалистами высокой квалификации.

С 1957 года стали регулярно проводиться соревнования в гонке патрулей между лыжниками Советской Армии и Оборонительных сил Финляндии. В одном году у нас (чаще всего в Мурманске), в следующем — у финских

друзей. Что такое гонка патрулей? В каждую команду входят «офицер», «сержант» и двое «рядовых». У «офицера» — пистолет, у остальных — винтовки. Кроме того, на каждую команду дается 24 килограмма груза в рюкзаках (обычно в них насыпают песок). Дистанция 25 километров, где-то на семнадцатом-восемнадцатом километре установлены щиты с пятью мишенями на каждом. По пять выстрелов делают «сержант» и «солдаты». За каждый промах добавляются две минуты. Разрешается оказывать помощь друг другу, а вот лыжи не заменяются, так что нужно быть осторожным — поломка грозит поражением команды.

Мурманскую трассу легкой не назовешь: лыжня проходит по сильно пересеченной местности, то взбираясь на холмы, поросшие кустарником, то ныряя в глубокие лощины. Да и ветры здесь сильные, а любой лыжник знает, что такое идти при встречном морозном ветре, который слепит, сбивает дыхание, обжигает.

...Терентьев, он «офицер» и возглавляет команду, внимательно осмотрел снаряжение своих товарищей. Все опытные гонщики, мастера спорта — Виктор Бутаков, Константин Кувыркин и Валентин Пшеницын (он стал впоследствии известным биатлонистом, заслуженным мастером спорта).

— Вот что, ребята, — сказал Федор. — Я возьму восемь килограммов. У вас большого опыта в патрульных гонках нет, а знаете, это ведь совсем другое дело — идти с грузом. Да, на пятнадцатом километре есть такой противный тягун. Рассчитайте силы. Если его пройдем хорошо, дальше будет легче. Ведь вам еще стрелять надо.

...Четверка лыжников растянулась на трассе. Впереди широким шагом, накатисто идет Терентьев. Он задает темп. Можно было бы прибавить скорость, да выдержат ли ребята?

Пока все благополучно — прошли два крутых спуска. Вот уже и половина дистанции позади. Но как раз впереди тот злополучный тягун. И как только они приблизились к нему, налетел снежный вихрь. Даже могучему Терентьеву идти стало тяжело. На середине подъема Федор оглянулся. Сзади, жадно хватая ртом воздух, шел Бутаков, за ним Пшеницын, видно было, что силы у них на пределе.

— Остановитесь! — крикнул Федор. Лыжники обесси-

ленно замерли, опираясь на палки. — Снимайте винтовки! Я понесу! — Ребята молча протянули ему оружие.

Казалось, что такое никому не под силу. Терентьев смог. Он шел и шел, словно не ощущая тяжести, не ведая усталости.

— У нас слов не нашлось, чтобы выразить ему благодарность, да в тот момент и не до того было. Он буквально тащил нас за собой, — рассказывает Валентин Николаевич Пшеницын. — И мы не отстали. Просто не могли, не имели права отстать. И выиграли у финнов гонку благодаря мужеству Федора Михайловича. Это был великий спортсмен и в то же время очень чуткий и отзывчивый человек, всегда готовый помочь. Когда я пришел в армейскую команду, Терентьев был уже знаменитым. Но как же он возился с нами, с «зелеными»! Показывал, как ставить крепления, учил смазывать лыжи. И воспитывал, да, да, воспитывал нас собственным примером — чувством высокой ответственности за команду, неукротимой волей к победе. Он недолюбливал отборочные соревнования, прикидки. Но зато к главным, решающим стартам подходил в прекрасной форме.

3

Итак, Терентьев сделал окончательный выбор. Лыжная специализация, усиленные тренировки начали сказываться на результатах.

В 1951 году Федор становится третьим в гонках на 18 и 30 километров, а когда два года спустя в виде эксперимента для мужчин-лыжников была введена дистанция 10 километров, он неожиданно для всех стал победителем. Неожиданно потому, что, как считалось, его коронными дистанциями были стайерские. Так впервые Терентьев стал чемпионом страны. Однако его «звездный» час наступил в следующем сезоне.

Зима 1954 года для советских лыжников была особой — впервые они принимали участие в первенстве мира, которое проводилось в феврале в шведском городе Фалуне. Вместе с товарищами по сборной страны — В. Кузиным, П. Колчиным, А. Кузнецовым, В. Оляшевым, А. Бороным, А. Шелюхиным, В. Ерошиным — к стартам чемпионата готовился и Федор Терентьев. В тот год ему исполнилось 29 лет. Он чувствовал себя, как никогда, в хорошей форме. Все было: и тактический опыт, и отточен-

ная техника, и сила, и выносливость. И все-таки не получилось: 9-е место в гонке на 30 километров, 6-е — на 50. А героем первенства мира стал Владимир Кузин, обыгравший на этих дистанциях мировых знаменитостей — финских гонщиков В. Хакулиненна, М. Лауталу, А. Винтанена и других.

Кузин отличился и в эстафете 4×10 километров. Тогда на первом этапе советский лыжник Н. Козлов и известный финский гонщик А. Киуру, славившийся хорошими выступлениями именно в эстафете, прошли первый этап рядом — Козлов проиграл финскому спортсмену всего одну секунду. На финише второго этапа Терентьев и финн Т. Мякеля были, что называется, «лыжа в лыжу». А вот на третьем нашей команде не повезло — упал А. Кузнецов, и не только финны ушли вперед, но и норвежцы нас обогнали. На последнем этапе знаменитый Вейко Хакулинен был уже недосыгаем. Да и за норвежскую команду шел не менее известный Халлгейр Бренден, олимпийский чемпион 1952 года, который всегда отличался на спринтерских дистанциях. И все же Владимир Кузин отчаянным броском сумел достать и обойти норвежского гонщика. Советская команда буквально вырвала серебряные медали.

Всего через три недели в уральском городе Златоусте разыгрывался чемпионат страны. Это место было выбрано не случайно — в марте здесь, как правило, бывает отличный снежный покров, местность пересеченная, так что дистанцию можно выбрать любой сложности. Соревнования были весьма представительными: 450 лыжников от 22 спортивных обществ страны.

Дистанция 18 километров. Лыжня, огражденная цветными флажками, то уходит в густую чащу, то, вырвавшись из лесного плена, внезапно круто устремляется вниз, то отлого ползет вверх. Федор сразу взял высокий темп. Прошел лесную часть трассы и, не снижая скорости, помчался со склона. Вот оно, умение «стоять как гвоздь» (так говорят лыжники) на крутых спусках. Этот участок стал роковым для многих спортсменов, пытаясь тормозить «плугом», то есть составленными вместе палками, многие падали. Этой участи не избежал даже такой опытный спортсмен, как Владимир Оляшев. А Федор отрывался от соперников с каждым пройденным километром.

Как радуются все, кто зимой встает на лыжи, чтобы

пройтись по лесу или заснеженному полю, подышать чистым воздухом, когда выпадает погожий, солнечный денек. А вот для спортсмена солнце опасно — начнет снег подтаивать, и скольжение меняется, нужна другая смазка для лыж. Так и получилось на второй половине дистанции — появилась «отдача», то есть при толчке лыжи стали проскальзывать назад. Но к этому моменту Терентьев уже приближался к финишу. Его время оказалось лучшим.

Утро следующего дня, когда разыгрывалось первенство на дистанции 30 километров, было морозным и солнечным. Такая погода насторожила и спортсменов и тренеров, ведь 30 километров лыжники проходят в среднем за два часа, а в общем соревновании растянутся часа на три-четыре. За это время на открытых участках снег подтает, а в лесу он останется жестким. Вот и ломай голову, какую мазь применить: то ли рассчитывая на мороз, то ли на оттепель. Терентьев, стартовавший в 22-й паре, решил «сделать ставку» на оттепель.

Одна за другой уходят со старта пары гонщиков, скрываясь вскоре в лесу. После пяти километров судьи сообщают, что лучшее время у Владимира Оляшева, Терентьев проигрывает ему всего пять секунд. Оба лыжника идут очень сильно, особенно заметно их преимущество на подъемах. Снег там рыхлый, скольжение неважное, нужна большая физическая сила, и оба мощных армейца одного за другим обходят соперников.

Пятнадцатый километр. Крутой склон, который снова становится для многих камнем преткновения. Ломает лыжу Павел Колчин, пока заменяет, время потеряно вместе с шансами на призовое место. И снова не везет Оляшеву — перед ним падают сразу двое гонщиков, он врежется в них, получает травму и выбывает из соревнований. Скорость гонки настолько высока, что, не выдержав темпа, сходят с дистанции маститые лыжники Борин, Смирнов, Павлов.

Прекрасно идет к финишу Терентьев. По его бегу незаметно, что позади три десятка трудных километров пути с подъемами, спусками, поворотами. Его шаг внешне так же легок, как в начале дистанции. Вторая золотая медаль!

И вот наступил последний день соревнований, лыжный марафон — 50 километров. Федор стартовал в 24-й паре. Он решил сразу взять максимальную скорость и через 10 километров уже опережал ближайших конкурентов

более чем на 3 минуты. Кто-то, стоящий у лыжни, даже крикнул ему: «Слишком быстро идешь!»

Нет, Федор чувствовал, что сегодня такой темп ему подвластен, сегодня в нем как бы включились резервные мощности, накопленные за долгие годы тренировок. И дышится как-то особенно легко, и скольжение прекрасное.

Хорошо идут и его товарищи по команде — П. Морозов, В. Бутаков, Н. Видинеев, В. Ерошин.

Вот опять крутой склон, который в предыдущих гонках принес столько неприятностей спортсменам. Увы, и на этот раз история повторилась. Выбывает очень сильный лыжник Анатолий Шелухин — у него сломаны обе лыжи, а правила разрешают заменять только одну. Ломают лыжи Василий Ерошин и Виктор Баранов, но они продолжают гонку. Терентьев пролетает вниз, словно заправский горнолыжник. К середине дистанции он обошел всех, кто стартовал раньше его, и по-прежнему не снижает темпа. На финиш он приходит первым. В третий раз Федор становится чемпионом! До Терентьева ни одному гонщику не удавалось выиграть на чемпионатах СССР все три дистанции. Не удалось этого сделать никому и после него до сегодняшнего дня. Кстати, и время, показанное им в гонке на 50 километров, — 2 часа 56 минут 47 секунд — было лучшим за всю предыдущую историю советского лыжного спорта.

...Когда Терентьева спросили, как ему удалось так блестяще пройти последнюю дистанцию, Федор улыбнулся и сказал: «Победа нужна была не только мне, она была нужна команде». Лыжники Советской Армии заняли тогда 1-е место.

4

В 1956 году на VII зимние Олимпийские игры, проводившиеся в итальянском городе Кортина д'Ампеццо, отправилась большая группа наших спортсменов — лыжников, горнолыжников, конькобежцев, хоккеистов, фигуристов.

Кортина д'Ампеццо — крохотный городок, затерявшийся в Доломитовых Альпах. В том олимпийском году он насчитывал шесть тысяч жителей, один кинотеатр, церковь с красивой башней, напоминающей миниатюрный небоскреб, и... пятьдесят один отель. Кортина д'Ампеццо — один из самых фешенебельных европейских курор-

тов. Здесь и в обычные зимние месяцы много туристов из самых разных стран. К их услугам лыжные трассы на горных склонах, подъемники, бары и рестораны.

В конце января пятьдесят шестого года население города увеличилось на 24 тысячи человек. Все отели были переполнены, мест не хватало.

«Еще никогда игры не вызывали такого увлечения во всех странах, где регулярно занимаются спортом... Скандинавы, чувствуя угрозу, идущую из Москвы, удваивали усилия, чтобы зимние виды спорта оставались их «семейным делом». Эти строки из бельгийской газеты «Ле спор» показывают, с каким интересом ожидалось выступление нашей команды. Ведь это была ее первая зимняя Олимпиада!

26 января VII зимние Олимпийские игры были торжественно открыты, а уже на следующий день лыжники вышли на старт 30-километровой гонки.

Снежный стадион раскинулся в широкой ложине между гор. У старта сооружены две трибуны. Сейчас они заполнены пестро одетыми любителями лыжного спорта. В этом месте каждый гонщик появится несколько раз, переходя из одной петли дистанции на другую. Кстати, одной из главных проблем для хозяев Олимпиады было отсутствие... снега. Потом-то он выпал в изобилии, а перед открытием игр альпийские стрелки на грузовиках привозили снег и высыпали его на лыжные трассы.

...Жеребьевка для наших ребят была неудачной: у Шелюхина — 7-й номер, у Колчина — 18-й, у Терентьева — 23-й, у Кузина — 45-й. Основные соперники — швед Ериберг, финн Хакулинен, норвежец Бренден — шли сзади и легко могли рассчитывать свои силы, зная, с каким временем проходят дистанцию советские лыжники.

Старт дается в девять часов утра. Погода хоть и солнечная, но морозная. И все же перепад температур на трассе велик: на снежном стадионе минус пять, а в горах минус пятнадцать! Да еще и резкий холодный ветер.

Лыжники уходят парами с интервалом в 30 секунд. После десятого километра Вейко Хакулинен, олимпийский чемпион 1952 года в гонке на 50 километров, настигает другого олимпийского чемпиона (18 километров), норвежца Халлгейра Брендена. А ведь финский спортсмен стартовал минутой позже. Но вот на огромном световом табло около трибуны появляются цифры, и оказывается, что первую треть дистанции лучше всех прошел Сикстен

Ернберг, у Хакулиненна — второй результат, а третьим идет Анатолий Шелюхин. Колчин пока седьмой, а сразу за ним Кузин и Терентьев. Видимо, не подошла мазь у Брендена, норвежский гонщик, шаг которого обычно очень легкий, идет тяжело. Его давно уже обогнал Хакулинен, и, видимо, поняв, что на успех рассчитывать он не может, норвежец сбавил темп.

Когда гонщики прошли перед трибунами второй раз, то лидерство уже прочно захватил Хакулинен. Финский гонщик идет мощно, лыжи у него скользят прекрасно. Ернберг теперь второй, и, к радости наших болельщиков, на 3-м месте — Колчин. Далее Шелюхин и Терентьев. Что ж, совсем неплохо!

Первым финиширует швед Ленарт Ларссон — он ушел со старта под 3-м номером. Вскоре на последнем перед стадионом склоне показывается Шелюхин. У него время лучше, чем у молодого шведского гонщика. Легко и быстро идет Колчин — он секунду выигрывает у Шелюхина. Федор Терентьев и Владимир Кузин не сумели улучшить время своих товарищей. Теперь все зависит от лидеров. Сразу за Кузиным к финишу рвется Ернберг. Пересекает финишную линию и, тяжело дыша, сразу смотрит на большой секундомер: его время 1 час 44 минуты 30 секунд. Если Хакулинен финиширует раньше, чем пройдут две минуты, разделявшие их на старте, то он победитель. Финский гонщик стремительно накатывается на финишную линию уже через 96 секунд. И если на двадцатом километре он выигрывал у шведа всего 5 секунд, то на последней трети пути прибавил к ним еще 19! Хакулинен вновь завоевал олимпийское золото. У Колчина бронзовая медаль, 4, 5 и 6-е места заняли Шелюхин, Кузин и Терентьев.

«СССР может гордиться своими результатами в этой гонке», — писала французская газета «Экип».

В соревнованиях на 15 километров Федор не участвовал. Утром 30 января он был на старте и «болел» за своих товарищей — от нашей команды выступали Колчин, Кузин и Аникин. Посмотрел, как взяли старт, и пошел к первому длинному подъему, там обосновались многие зрители — с высокого места весь Снежный стадион виден как на ладони. А пройти метров двести — и снова выходишь к лыжне, это примерно девятый километр трассы.

Оттуда и до финиша недалеко. Словом, всю гонку можно видеть.

После неудачи на тридцатке (14-е место) мало кто верил в Брендена. Поговаривали, что он долго болел, почти не выступал и сейчас не в лучшей форме. Однако в этот день норвежец доказал, что со счетов его сбрасывать рано. Уже после пяти километров Бренден опережает Кузину, на этом отрезке у него лучший результат. Его бег очень легок и элегантен. Сегодня, видно, мазь подобрана удачно — скольжение отличное. Кузин, стартовавший вслед за Хакулиненом, решает догнать олимпийского чемпиона. К восьмому километру ему это удастся, но сколько сил отдано погоне! А финский гонщик, в свою очередь, делает рывок и на отметке десять километров проигрывает Кузину уже всего четыре секунды.

Прекрасно проходит подъем Колчин, сумевший очень точно построить бег. Он переходит на 2-е место. Правда, всего девять секунд отделяют его от грозного Ернберга, который по времени идет третьим.

Все решилось на последних пяти километрах. Бренден взвинчивает темп и проходит этот отрезок быстрее всех — за 14 минут 11 секунд. На 34 секунды быстрее, чем первую пятикилометровку! Результат в итоге отличный: 49 минут 39 секунд.

Досадный случай не позволил Колчину выиграть серебряную медаль. Очень хорошо пройдя подъем, на спуске он развил большую скорость, и, когда начал обходить шедшего впереди лыжника, тот нечаянно своей палкой угодил в кольцо и выбил палку у Колчина. Что делать? Остановиться и подобрать? Но это большая потеря времени. С другой стороны, с одной палкой «не повоюешь». Колчин продолжал спуск. На повороте один из зрителей (как оказалось, это был польский турист) кинул ему свою. Была она слишком длинная, работать ею было неудобно, но что делать? И финишировал Павел, проиграв Ернбергу всего три секунды!

При жеребьевке в последней гонке на 50 километров Терентьеву достался 2-й номер. У Колчина — 8-й номер, у Шелюхина — 20-й, у Баранова — 30-й. А основные соперники сзади.

День 2 февраля выдался морозным — минус 18. Трасса на этот раз была не то что сложной, а необычной — гонщикам предстояло пройти дважды две десятикилометровые и одну пятикилометровую петли.

...С первых шагов Терентьев развивает высокую скорость.

Прошло немногим более получаса. К Снежному стадиону приближается мощная фигура лыжника в красном свитере. Терентьев проходит десять километров за 34.17. Это значит, что он идет быстрее, чем шел тот же отрезок победитель гонки на 15 километров Бренден! И все же лучшие результаты у Ернберга — 33.29, Хакулинен — 33.44 и Шелюхина — 33.52. В десятке 42-летний финский гонщик Колехмайнен, Колчин, сильные финские лыжники Континен и Сивонен, швед Гран и Барапов.

И вот Терентьев снова на стадионе, это значит, позади еще одна десятка. Идет он легко, спокойно, накатиисто. Как же это трудно — идти, не зная, что происходит сзади. Конечно, ему сообщают результаты соперников, но сообщают примерно через 15 минут, а за это время всякое может случиться.

К середине дистанции Сикстен Ернберг опережает Хакулинен на 35 секунд. На 3-м месте — Шелюхин. Федор — четвертый по времени, однако через пять километров он уже третий, темп еще более возрос. Сорок километров он проходит за 2.16.41. Он еще не знает, что почти «достал» Хакулинен — время финского гонщика всего на одну секунду лучше!

Последние десять километров. Они самые тяжелые, а тут еще почти перед самым финишем километровый подъем. Сюда и собрались многочисленные болельщики, понимающие, что этот участок может решить многое.

Первым к подъему выходит Терентьев. Чувствуется, что лидерство дается ему тяжело, шаг потерял легкость. И тем не менее последние метры подъема он не проходит, а пробегает. Там дальше уже легче — всего-то километр трассы остался, да и на пологом спуске.

Финский ветеран Колехмайнен поражает всех своим неуязвимым мастерством — весь подъем он проходит бегом! Ясно, что он претендент на одно из призовых мест.

Хакулинен, славящийся отличным финишем, взвинчивает темп. Подъем он проходит легко и устремляется к финишу. А что же Ернберг? Он стартовал на две с половиной минуты позже финна, но проходит чуть более минуты, и вот уже шведский гонщик идет в гору. Идет в своеобразной манере — мелким шагом, раскачиваясь из стороны в сторону. И шведские болельщики ликуют:

всем уже ясно, что он станет победителем гонки. Время Ернберга 2 часа 50 минут 27 секунд. Хакулинен — на 2-м месте, а бронзовая медаль досталась Федору Терентьеву.

Успешно закончили бег и другие наши лыжники: Шелюхин был пятым, шестым и седьмым — Колчин и Баранов.

Впервые в истории международных соревнований в пятидесятикилометровой гонке было показано время меньше трех часов. Да не одним, а сразу шестью спортсменами!

4 февраля спортсмены соревновались в эстафетных гонках. Морозное, ясное утро. На первом этапе от нашей команды выступает Федор Терентьев. Накануне в отеле, когда тренеры и спортсмены «проигрывали» гонку, то есть обсуждали тактические ходы, распределяли, кто из тренеров на каких участках будет находиться во время соревнований, к Федору подошел Павел Колчин, которому предстояло идти на втором этапе:

— Ты уж, Федя, постарайся, сделай отрыв, чтобы спокойно идти можно было.

— Не беспокойся, сделаю, — ответил Терентьев. Он был уверен в себе.

Четырнадцать лыжников замерли на старте. За финскую команду выступает Август Киуру, опытный гонщик, не раз открывавший эстафету. Они с Федором давно знают друг друга, вот и только что Киуру подъехал к Терентьеву (тот свободно владел финским языком), о чем-то они поговорили, а потом заняли свои места. От норвежской команды идет Хакон Брусveen, от шведской — восходящая звезда Ленарт Ларссон. Выстрел стартового пистолета, и все бросаются вперед. Федор, резко отталкиваясь палками, старается занять головное место.

Метрах в трехстах от старта через незамерзающую горную речку проложен довольно узкий мостик. Федор задолго до начала гонки опасался, что здесь может быть затор — ведь на трехстах метрах особенно-то не вырвешься. Так и случилось. У шедшего впереди гонщика палка попала в щель. Пока он ее выдергивал, в него врезался Терентьев, а, в свою очередь, в Федора еще несколько человек. Кто-то наехал ему па лыжу, кто-то,

стараясь сохранить равновесие, взмахнул рукой и рукавицей попал ему в глаз. «И был момент, — рассказывал потом Терентьев, — когда я чуть не выронил свою паяку в воду. Даже в глазах от ужаса потемнело. Стою я, прижатый к перилам, они трещат, вот-вот обломятся, а мимо меня лавина несется — скрежет, стук, топот, яростные лица, открытые рты. Ну и зрелище! Пришлось пропустить первый поток».

Вообще-то задержка длилась всего несколько секунд, но Федору они показались часами. Сразу же за мостиком начинался подъем, и он вышел к нему двенадцатым. Двенадцатым из четырнадцати!

Он перешел на вторую лыжню и одного за другим на подъеме стал обходить соперников. Нет, это не были лидеры, но к третьему километру он догнал головную группу. Вот обойдены швед, норвежец, впереди только Киуру. Федор идет вплотную за ним. Финский гонщик предлагает уступить лыжню, Федор отказывается — рано. Но вот на четвертом километре он делает рывок и начинает уходить все дальше. Киуру делает отчаянную попытку «зацепиться», но такая скорость ему не по силам. А Федор идет все быстрее и быстрее!

На втором этапе приготовились Павел Колчин и финский лыжник Картелайнен. Вдали показался красный свитер — Терентьев идет, он все ближе и ближе.

Терентьев прошел свой этап с отличным временем: 33 минуты 25 секунд — и опередил финского гонщика на полторы минуты!

Еще быстрее пробежал Колчин — на 20 секунд лучше, чем Федор. Советская команда после второго этапа оторвалась на 2 минуты 46 секунд!

При таком большом преимуществе Николаю Аникину, несмотря на то, что его соперники были очень сильные — финн Арво Винтанен и швед Пер-Эрик Ларссон, тренеры строго наказали идти свободно, сильно не начинать и, главное — не сломать лыжи. Наверняка Аникин мог бы пройти этап быстрее, но он выполнил задание. И хотя Винтанен выиграл у него около 50 секунд, сомнений в победе нашей команды не было — на последнем этапе шел опытный Владимир Кузин.

«Главной гонкой игр» назвал эстафету один из крупнейших спортивных журналов. И она завершилась блестящей победой нашей команды, вызвавшей многочисленные отклики и комментарии в зарубежной прессе.

Нельзя не сказать и о том, что на VII Белой Олимпиаде отлично выступили наши девушки-лыжницы: олимпийской чемпионкой в гонке на десять километров стала Любовь Козырева, 2-е место заняла Радья Ерошина, Алевтина Колчина была четвертой. Серебряные медали достались нашим лыжницам в эстафете 3×5 километров.

Великолепных результатов добились советские конькобежцы и хоккеисты. А всего советские спортсмены набрали 103 очка в неофициальном командном зачете — почти столько же, сколько занявшие 2-е и 3-е места Австрия и Финляндия, вместе взятые. Такого успеха «новичка» Белые Олимпиады еще не знали.

...Они стояли на пьедестале почета, радостно улыбаясь. Они были счастливы, став чемпионами, они были горды своей победой, высоко поднявшей спортивное знамя нашей страны.

Прямо на Снежном стадионе им вручили «Золотые снежинки» — медали чемпионов мира (зимние Олимпийские игры являются одновременно и мировыми чемпионатами), а вечером в зале Ледового стадиона — золотые медали олимпийских чемпионов.

В тот же день Федор Терентьев, Павел Колчин и Николай Аникин стали заслуженными мастерами спорта. Владимир Кузин это звание уже имел.

5

Время после замечательной победы на Белой Олимпиаде не было для Терентьева особенно удачным. Конечно, он по-прежнему много тренируется, по-прежнему входит в сборную страны. Более того, он, самый старший по возрасту в сборной команде, продолжает выигрывать у многих молодых гонщиков. В 1957 году он второй на дистанции 30 километров, а на первенстве страны в следующем сезоне Терентьев занимает 5-е место на дистанции 15 километров и 6-е — на 50.

Терентьев усиленно готовился к VIII зимним Олимпийским играм в американском городе Скво-Вэлли. Для того чтобы отстоять место в сборной, ему нужно было тренироваться больше, чем другим, — ведь в 1960 году ему исполнилось тридцать пять лет. Терентьев работает очень много: в программе его тренировок легкоатлетические кроссы, гребля, велосипед. А с первым сне-

гом — гонки, гонки, гонки. И все же на Олимпиаду его не взяли.

Федор тяжело переживал это решение. Одно время даже мелькнула мысль: а не пора ли расстаться с лыжами? Нет, он не может, просто не представляет себе, как он будет вне спорта. Его лебединая песня еще не спета...

...В ночь перед заключительной гонкой (50 километров) I зимней Спартакиады народов СССР (1962 г.) выпал свежий снег, утро выдалось морозным и солнечным. А до этого спортсменов замучила оттепель. Судейская коллегия решила начать соревнования раньше, чем обычно, — в девять часов утра.

Вместе стартовали Иван Утробин и Геннадий Ваганов, в предыдущие дни завоевавшие золотые медали спартакиады в гонках на 30 и 15 километров. А вот начали лыжный марафон тоже очень сильные и опытные гонщики, призеры 30-километровой гонки Евгений Рудковский и Владимир Иерусалимский. Федор Терентьев шел в паре с ленинградским лыжником Иваном Любимовым.

Первые пять километров. Утробин показывает время 19 минут 50 секунд. Всего 5 секунд проигрывают ему Ваганов и Аникин. Но что это? Первая сенсация — молодой гонщик из Башкирии Баязит Гизатуллин проходит этот отрезок быстрее всех: 19.25.

Впрочем, поначалу «возмутителя спокойствия» никто всерьез не воспринял: горячится мальчик, сил не рассчитывает, а 50 километров — это не 15. Однако на «десятке» Гизатуллин опережает идущего вторым Ваганова уже на целую минуту. Примерно в одно время с Вагановым идет целая группа — Аникин, Утробин, Алексей Кузнецов, Станислав Тихомолов, Рудковский.

Пройдены еще пять километров. Красиво идет Ваганов. На глазах у зрителей, стоящих у места старта, он обходит одного из гонщиков и легко уходит на подъем. Однако парень из Башкирии и не думает снижать темпа, теперь его отделяет от преследователей уже больше минуты. Такой же разрыв он сохраняет и после 20-го и после 30-го километра! Рядом идут Любимов и Терентьев, но пока они значительно отстают от лидеров.

И на 40-м километре Гизатуллин первый. Теперь все уже начинают прочить его в чемпионы, а опытные марафонцы Тихомолов и Кузнецов входят в первую пятер-

ку. «Дуэт» Терентьев — Любимов перемещается на 6—7-е места.

Решающими стали последние пять километров. Мощный рывок делает Кузнецов и выходит на 2-е место. И тут не выдерживает Гизатуллин — все-таки как это трудно правильно распределить свои силы на такой длинной дистанции! В итоге, лидируя 45 километров, он оказался четвертым.

Первым к финишу приходит Тихомолов. Видно, как нелегко ему достаются эти последние метры. А сзади показывается Кузнецов. Его время на 25 секунд лучше. Значит, он стал чемпионом? Нет, оказалось — поздравлять горьковчанина рано, главные события были впереди. После 45-го километра Терентьев стремительно уходит от Любимова. Его скорость становится просто фантастической, но не поздно ли? Нет, Федор рассчитал все точно. Его финиш был удивительным, он шел мощно, с какой-то яростной одержимостью. Так идут в последний бой. Уже в финишном створе он обошел лыжника, который ему безнадежно проигрывал. Время Терентьева оказалось лучшим. В тридцать семь лет он вновь доказал, что он сильнейший! Совершенно справедливо эту победу называли спортивным подвигом.

...Весной того же года они сидели в маленьком саду у Карпова под яблонями и вишнями, одетыми в белый наряд.

— Послушай, Федя, — сказал Андрей Алексеевич, — ты сколько еще выступать собираешься?

— Кажется, в Уктусе я доказал, что есть еще порох в пороховницах, — обиженно проворчал Терентьев.

— Что и говорить, доказал ты всем свою силу. Только вперед надо смотреть. Знаю, ты думаешь об Олимпиаде в Инсбруке. Но давай-ка заглянем правде в глаза: это нереально. Я не сомневаюсь — ты можешь выиграть две, три, ну четыре крупные гонки. А потом что? Будешь сползать на 9—10-е места? Много есть лыжников, для которых войти в десятку предел мечтаний. Но ты-то Терентьев! Это не для тебя, ты просто не имеешь права ронять свое имя. Ты же многого достиг: пришел первоурядником, а сейчас заслуженный мастер, был солдатом, а стал офицером. Я считаю, что твоя последняя победа не меньше, чем золотая олимпийская медаль.

Я верю, ты станешь хорошим тренером — голова у тебя светлая, а уж об опыте и говорить не надо. Но учиться необходимо.

Долго раздумывал Федор над словами своего тренера. Конечно, он понимал, что рано или поздно придется расставаться с большим спортом. И прав Карпов: выход один — перейти на тренерскую работу. Осенью шестьдесят второго года старшего лейтенанта Терентьева зачислили на военный факультет Ленинградского института физической культуры имени П. Лесгафта.

Совсем это не просто после очень долгого перерыва засесть за учебники. До поздней ночи порой приходилось Терентьеву штудировать физику, химию, историю физической культуры, педагогику, анатомию и другие науки. Но недаром Федор Михайлович славился упорством — первую экзаменационную сессию он сдал успешно.

20 января 1963 года имя Федора Терентьева еще раз прозвучало по радио — диктор на соревнованиях в Кавголове объявил, что знаменитый лыжник стал победителем в гонке на 30 километров. А вечером того же дня Терентьева уже не было в живых, он трагически погиб в результате несчастного случая. Похоронили его в родных местах, которые он так любил, а через несколько месяцев рядом с ним в землю положили и Евдокию Федоровну, которая не смогла пережить смерть младшего сына.

С тех пор многое изменилось в лыжном спорте. Стали другими скорости, заблистали имена новых гонщиков. Но в истории советского спорта навсегда останутся имена тех, кто прокладывал путь к сегодняшним достижениям, кто впервые добывал олимпийское золото. И среди них одно из самых почетных мест принадлежит Федору Михайловичу Терентьеву. Он был настоящим спортивным бойцом, а бойцы остаются в строю навсегда.

О. РЯЖСКИЙ

...Стремительно ворвавшись в нашу жизнь, он стал олицетворением озорпой, неугомонной вдохновенности, своеобразным воплощением неудержимой мощи и непоколебимости духа нашего народа -- народа-победителя. Русский удалец с небрежно откинутым

ВСЕВОЛОД БОБРОВ

вихром на мгновение застыл в ожидании подходящего момента, чтобы рвануться, спикировать на штрафную площадку и, разметая защиту, нанести кинжальный удар — таким Бобров навсегда останется в памяти многочисленных болельщиков. Долго считалось, что ему везло, что он счастливчик. Бобров не любил этих разговоров: уж он-то знал, что стоят ему эти голы. Но люди с восторгом подхватывали легенду: им хотелось видеть именно удачливость, светлую, огневую, как чудо, словно ниспосланную судьбой.

Всеволод Бобров был признан не только болельщиками и журналистами. Его спортивные и человеческие качества высоко оценивали и коллеги-футболисты. Вот, например, отзыв прославленного ленинградского вратаря Леонида Иванова: «Смешно, конечно, утверждать, что нынешние футболисты слабее прежних, но по всему комплексу футбольных качеств — умению забить мяч в, казалось бы, невероятной ситуации, видению поля, взрывной реакции, искусству рывка и дриблинга — такого игрока, как Всеволод Бобров, в советском футболе

больше не было». Значение таланта Боброва лишь возрастает от того, что он не был одинокой звездой на сером фоне. Надо было обладать особыми свойствами, чтобы выделяться на фоне Константина Бескова, Бориса Пайчадзе, Александра Пономарева, Сергея Сальникова.

Борис Андреевич Аркадьев, тренер, которого Бобров боготворил, рассказывал: «Я сразу же понял, что встретился с великим футболистом. Ну и талантище это был. Если бы к спорту было применимо слово «гений», то к Всеволоду оно бы, бесспорно, подходило. Это был «спортивно-игровой гений». Ведь он был лучшим и в футболе, и в хоккее с мячом, и в хоккее с шайбой. У него был поразительный метод усваивать технику подражанием. Ему не надо было повторять упражнения по тысяче раз, он усваивал чужую технику, чужие приемы на глазах».

Свидетельства Иванова и Аркадьева об уникальности, неповторимости таланта Боброва не единственные. О том же писали и Мартын Мержанов, и Игорь Нетто, и братья Старостины — сами живая легенда нашего футбола.

2

Родился Всеволод Бобров в 1922 году в тихом и незаметном городке Моршанске. Впрочем, отсюда семья вскоре переехала в Сестрорецк.

Михаил Андреевич Бобров до 1917 года трудился на Путиловском заводе. В годы революции боролся за Советскую власть. Навсегда запомнил Сева его увлекательные рассказы о революционерах, о боях рабочих дружин, о легендарном штурме Зимнего дворца.

В Сестрорецке М. А. Бобров сначала работал инженером, затем преподавал в школе ФЗУ. Он был блестящим мастером своего дела. Но было у Михаила Андреевича и еще одно увлечение — спорт. Долгие годы играл он в футбол и хоккей, и играл превосходно.

День, когда проходила игра, становился семейным праздником. Дома готовился вкусный обед, пеклись пироги. Спиртного Михаил Андреевич не признавал, после игры за чаем с вареньем шел неторопливый разговор о спорте.

Зимой отец заливал во дворе небольшой каток. Пятилетний Сева уже лихо бегал на коньках, гонял шайбу.

По вечерам с братом Володей играли против отца. Сначала он легко их обыгрывал, но вскоре ему пришлось брать себе в помощь... дочку.

Ключки дети делали сами. Выпиливали из фанеры крючки, скрепляли их гвоздиками, приделывали к палкам и обматывали ремнем. Труд в доме Бобровых любил. Впоследствии всемирно известный спортсмен славился среди своих друзей как «мастер — золотые руки». Дома все чинил сам, любил, когда его просили об этом друзья. Хранил целую коллекцию слесарных, столярных и прочих инструментов, не терпел, когда они залеживались без дела.

Постепенно спортивные схватки с отцом и со сверстниками — зимой на льду, летом на траве — превратились в серьезное увлечение. Позднее Бобров вспоминал, что уже тогда ему не давала покоя неодолимая страсть к скорости, к обводке, к стремительному, неукротимому прорыву. В детскую городскую команду Сева вошел, когда ему было двенадцать лет. Здесь он быстро подружился с вратарем Аликом Белаковским.

Впоследствии Белаковский закончил военно-медицинскую академию, стал врачом Центрального спортивного клуба армии. Боброва и Белаковского связывала трогательная мужская дружба. Врач тонко чувствовал застенчивый и выдержанный характер товарища, придирчиво и неприметно следил за его здоровьем. Знали бы те, кто откликался свистом на мнимую бездеятельность Боброва, па его неторопливое возвращение из атаки, что за тайну приходится хранить врачу Белаковскому: знаменитый форвард с детства страдал аритмией сердца.

В школе учился Всеволод легко. Хуже приходилось с музыкальными занятиями, на которых особенно настаивала мама. Невозможно было усидеть за разучиванием гамм, когда за окном раздавался тугой звон мяча или призывное пощелкивание клюшек. С четверть часа еще можно было промучиться, но затем Сева под убедительнейшим предлогом выскальзывал из дома. К счастью, мама быстро поняла, какие игры волнуют ее беспшашного отпрыска, — страдания прекратились.

В 1937 году Сева поступил в школу ФЗУ. После ее окончания, получив специальность слесаря-инструментальщика, он стал работать на заводе имени Воскова.

Учебу продолжал в вечерней школе. Впоследствии Бобров скажет, что самые дивные годы в его жизни —

это детство, рядом с мамой, в дружной, родной семье, где никто никогда не обижал друг друга; с благодарностью прославленный спортсмен будет вспоминать о заводе, где старшие учили его не только мастерству, но и трудолюбию, скромности, честности.

Навсегда запомнил Всеволод слова своего наставника, потомственного питерца Ивана Христофоровича Первухина: «Нет для русского рабочего человека ничего дороже чести. А честь наша — это наша страна. Много невзгод пришлось испытать ей, и многое она еще испытает. Но эта земля — наша земля, и только мы ее подлинные хозяева. Для нас, Сева, Родина — не футболка, ее не сменишь. И жить надо не для себя — для нее, для всех людей — братьев своих и товарищей».

3

Вырос Всеволод Бобров на ленинградском футболе.

В двадцатые годы ленинградские футболисты выступали блестяще, в их игре страстный напор сочетался с филигранной техникой и изощренной точностью передач. Беззаветно смелая острота их атак способна была сокрушить любую защиту. Лишь к 1940 году москвичи — их извечные соперники — догнали ленинградцев по числу побед в матчах между этими городами.

Ленинград — родина нашего футбола. Первая, зафиксированная в печати игра состоялась именно здесь. Азартная схватка с англичанами окончилась убедительной победой русских футболистов. Но успехи далеко не всегда сопутствовали им. Скверным анекдотом обернулась поездка на Олимпиаду 1912 года, где игроки в оранжевых футболках с изображением государственного герба на груди и синих трусах (форма сборной России) не выиграли ни одного матча. «Русским в футболе не повезло, так же как во всем остальном», — с горечью писала тогда газета «Новое время».

Однако на смену первым энтузиастам футбола явилось новое поколение, достойно пронесшее уже красный флаг по стадионам Европы. Младший брат Василия Бутусова, капитана дореволюционной российской сборной, Михаил, герой многих спортивных легенд, один забил в ворота зарубежных команд мячей в несколько десятков раз больше, чем вся команда его брата.

Как-то Всеволод Михайлович заметил, что наибольшее влияние на него как на футболиста оказали Михаил Бутусов, Павел Батырев и Валентин Федоров. Выбор имен, ничего не скажешь, логичен.

Неисчерпаема была воля М. Бутусова к победе. В совершенстве владевший всеми приемами обработки мяча, великолепный мастер завершающего удара, тонкий тактик, умело руководивший атакой, он больше всего любил в футболе борьбу.

Мощным атлетом был и Павел Батырев, капитан сборной РСФСР, впервые после Октября выехавшей за рубеж. Батырев мог в одиночку нейтрализовать трех противостоящих ему форвардов противника.

К Федорову у Боброва было особое отношение. С шестнадцати лет Сева играл в хоккей в первой мужской команде своего завода. Встречи мужских команд на первенство города — настоящий, большой хоккей. Особенно запомнился Севе матч с динамовцами, среди которых было немало прославленных хоккеистов и футболистов. Юный нападающий забил динамовцам три мяча, доставив немало неприятностей их авторитетнейшей защите. Однако динамовцы не обиделись, а тут же пригласили Севу в сборную города, которая готовилась к матчу с Москвой. Тогда и произошла знаменитая встреча юного Боброва с признанным лидером ленинградского футбола, о которой спустя четверть века вспоминал Всеволод Михайлович:

«Нужно ли говорить о том, какая это была для меня высокая честь. Собрал свой нехитрый инвентарь и поехал в город. Но чем ближе я подходил к стадиону, тем все больше и больше мною овладевали робость и смущение. Я не знал, как войти, что сказать, как меня встретят. В нерешительности сел на запыленную снегом лавку, смотрю, мимо меня один за другим проходят игроки сборной. У всех в руках красивые и, как мне казалось, только что купленные чемоданчики. Красивые ключки в специально сшитых сумках. А у меня... Посмотрел я на сверток, в который мать уложила коньки и лыжный костюм, на старую, повидавшую виды клюшку и... пошел к выходу.

У самых ворот чуть не столкнулся с Валентином Васильевичем Федоровым. В то время это был прямо, можно сказать, великолепный мастер обводки и в футбол и

в хоккее, игрок большого диапазона. Слава его гремела по всей стране, а Валентин Васильевич оставался для всех, кто его знал, кто находился рядом с ним, удивительно простым, душевным, предельно скромным человеком. Он страстно любил детей и детский спорт и в свободное время по собственной инициативе безвозмездно занимался с юношеской сборной города. Там-то впервые мы и познакомились. Увидев меня, и, видимо, с первого взгляда поняв мое состояние, Федоров подошел, молча обнял меня.

— Пойдем на тренировку, Сева, — сказал он как ни в чем не бывало. Сказал так, как будто мы уже с ним играем вместе лет десять.

В раздевалке он помог мне найти удобное место, познакомил с товарищами, рассказал, как выходить на поле, какой установлен в сборной порядок. С ним я сразу почувствовал себя иначе. Да, как важно, чтобы на пути молодежи, на пути тех, кто делает свои первые шаги в спорте, нашелся умный, тактичный, добрый старший товарищ. Таким оказался для меня Валентин Васильевич Федоров».

...В апреле 1941 года Бутусов в докладной записке на имя руководителей ленинградского «Динамо» писал: «По вашему указанию еще раз просмотрел игру юношеских команд. О выдвижении кого-либо в состав взрослых коллективов говорить преждевременно, за исключением одного — В. Боброва, проживающего в Сестрорецке. Мне сказали, что он уже выступал за динамовские хоккейные команды — и неплохо. Что касается футбола, у него очень большие задатки, и может получиться настоящий игрок, причем высокого класса. Считаю, что его нужно забрать на сборы».

Пожелание Бутусова сбылось: вызвали Севу в городской совет «Динамо» и выдали новенькую спортивную форму. Он мечтал выйти в ней на зеленый ковер стадиона имени Ленина. Но первые матчи динамовцы проводили на юге.

А когда началась война, слесарь-инструментальщик Бобров оказался в Омске, куда эвакуировали завод. Работали по 16 часов в сутки, готовили предприятие к работе на новом месте. Когда завод был пущен, Всеволода направили в цех, где изготовлялись артиллерийские при-

целы. Он понимал, как нужен его труд, но сердцем чувствовал, что место его не здесь. Сколько ни обращался он в военкомат, ответ был один и тот же: «Позовем».

Повестка пришла в августе сорок второго. Юноше казалось, что он уже мчится на передовую. Но Всеволода ~~направили~~ в Омское военное училище.

...Брат Володя писал с фронта отцу: «Скажи Севке, чтобы, несмотря даже на такое суровое время, спорт ни за что не бросал. Здесь, на передовой, особенно понимаешь, какую огромную закалку дали нам детские игры. Спортсмены, люди хорошо тренированные, куда легче переносят боевые тяготы и, как правило, ведут себя во время обстрела, атак и других неприятностей храбрее остальных».

В училище физкультура была столь же привычной дисциплиной, как и огневая подготовка, тактика современного боя или теория оружия. А футбольная команда курсантов даже принимала участие в розыгрыше Кубка Сибири. Курсанты обыграли команду Челябинска, а затем, вспоминал Бобров, «жребий свел нас... с моей родной ленинградской командой «Динамо», находившейся тогда в этих местах. Не удержался я, еще до начала игры побежал к ним в раздевалку. Бросился, как к родному, на шею Валентину Васильевичу Федорову, жму руки Аркадию Алову, Василию Лоткову, знакомлюсь с новым вратарем Виктором Набутовым... Только дал судья свисток на окончание матча, я снова бросился к землякам. Иду, расспрашиваю об общих знакомых. А Федоров, гляжу, все смотрит и смотрит на меня...

— Окреп ты, Севка! И играть стал сильнее. Надо бы тебя в армейскую команду определить.

— Что вы, — замахал я руками, — разве сейчас время об этом думать?

— Видишь, как фашистов наша армия гонит, — продолжал Федоров. — Снова все пойдет своим обычным чередом. Расцветет наш спорт, выйдет на мировую арену. И уже сейчас нужно готовиться к этому».

Федоров, видимо, не забыл об этом разговоре. Получив офицерское звание, Бобров поехал не на фронт, куда так стремился, он получил вызов в Москву.

Первое, что он увидел в Москве, была афиша, изве-

щавшая о финальном матче на Кубок Советского Союза между ленинградским «Зенитом» и армейцами Москвы. Конечно же, Всеволод отправился на стадион. И сразу приметил знакомую фигуру: серый свитер, на голову нахлобучена кепка, решительные броски — вратарь Леонид Иванов, друг, вместе с которым играли еще в юные годы.

...В начале матча вряд ли кто мог предположить, что кубок могут завоевать ленинградцы. Игра началась для них неважно. Инициативу захватили армейцы. Защита «Зенита» подавлена, мяч почти не покидает их половины поля. Иванову все чаще приходится вступать в схватку. Играет он безупречно. Глядя на него, зрители и заколебались в исходе матча. Похоже, этот неказистый паренек с открытым лицом способен выиграть целый матч.

Странные чувства испытывал Бобров, сидя на стадионе. С одной стороны, играет его команда, ЦДКА. Но играет против его же земляков, ребят из родного города. «Та, в тот вечер я «болел» за них, — писал В. Бобров. — За посланцев героического Ленинграда. И когда во втором тайме, смело бросившись в атаку, они ответили двумя голами на гол, забитый армейцами до перерыва, я радовался как мальчишка. Но почему-то особенно приятно и сладко мне было от того, что героем этого поединка, этого незабываемого кубкового матча, был молодой вратарь зенитовцев».

Крепкая дружба связывала Всеволода и Леонида долгие годы. Иванов в своей книге «В воротах «Зенита» вспоминает: «Несмотря на то, что мы жили с Севоём в разных городах, наша дружба, начавшаяся еще до войны, с каждым годом крепла. Во время коротких встреч мы почти все свободное время проводили вместе. Сейчас даже не вспомнить, сколько футбольных и нефутбольных проблем мы тогда обсудили с ним. На поле же мы были непримиримыми противниками. Не пропустить гол именно от Боброва для меня было чуть ли не главной целью в каждом матче «Зенит» — ЦДКА. Он же стремился забить гол мне больше, чем кому бы то ни было другому».

...Сидя на трибунах стадиона «Динамо», Бобров внимательно наблюдал за действиями своих будущих одноклубников — футболистов ЦДКА. Это была сильная, слаженная команда. Тренер команды Борис Андреевич

Аркадьев не строил игру своей команды по какому-то надуманному, отвлеченному образцу, а стремился учитывать и всячески развивать индивидуальные возможности каждого футболиста. В результате мощь коллектива значительно превосходила простую арифметическую сумму достоинств всех спортсменов.

Каждый любитель футбола мог отыскать в игре ЦДКА то, что ему больше всего по душе. Отсюда и противоречивые отзывы о стиле команды — одни видели в нем идеал темпового, атлетического футбола, начисто отрицающего замысловатые ходы и хитроумные комбинации. Другие, напротив, подчеркивали характерную для армейцев «энциклопедичность» стиля, где просматривались черты и логичной манеры игры англичан, и виртуозной элегантности, характерной для латино-европейского футбола, и скоростной маневренности, свойственной лучшим московским клубам предвоенных лет. Правы и те и другие. Команда была гармонична уравновешенностью противоположностей.

В этом коллективе играл надежный вратарь — богатырь Никаноров, выступавший и на борцовском ковче. В защите бешеная бескомпромиссность Кочеткова или Башашкина разумно сочеталась со скрупулезной расчлененностью крайних защитников. Полузащитники Гудягин, Петров, Соловьев, Виноградов бдительно стезегли дальние подступы к своим воротам, при случае оотно шли вперед. Сильнейшей линией ЦДКА было нападение. Безжалостный напор Гринина и неунывающая изморотливость Демина — одно из самых интересных сочетаний крайних нападающих нашего футбола — полезно дополнялись неутомимостью Николаева и напором Щербатенко. И наконец, все направлялось и одухотворялось неисчерпаемой фантазией Григория Ивановича Федотова.

Вряд ли в то время кто-либо из футболистов обладал равным ему авторитетом. В нем соединялось так много различных способностей, что невозможно было предсказать, какой именно стороной своего дарования блеснет Федотов в очередном матче. Все было подвластно ему в футбольной игре: и скрытый выверенный пас, и острый проход, и интуитивное предчувствие нарождающейся комбинации, и безукоризненная обводка, и мощнейший, безошибочный удар по воротам. Вот с какими мастерами предстояло играть Всеволоду Боброву. Точнее, предстояло завоевать право играть.

Статистики подсчитали: Бобров забил в матчах на первенство Союза 97 голов. 0,84 мяча за игру; 5 мячей в трех официальных матчах сборной. Этих результатов пока никто не повторил. Вдвоем Федотов и Бобров забил за пять лет 144 мяча, а их партнеры Гринин, Николаев и Демин — 160.

Бобров негодовал, когда его называли «везунчиком», «добивалой». Он понимал, что надежность, точность удара по воротам зависит только от труда — продуманного, постоянного и упорного. Снайпер воспитывается на тренировках, но не в скучной и нудной колотьебе по воротам, а в условиях, максимально приближенных к боевым (пусть мешают, пусть не дают бить защитники).

Примером для него и здесь был Федотов.

«Признаться, я очень удивился, когда увидел его на первой тренировке, — вспоминал Всеволод Михайлович в книге «Самый интересный матч». — «Неужели же он будет тут заниматься вместе с нами?» — мелькнула мысль. Да, Григорий Иванович работал вместе с нами. Да еще как работал! Он заражал всех своим трудолюбием, своей страстью к труду, к каждому, пусть даже не очень веселому, упражнению.

Прошли положенные два с половиной часа. Мокрые, усталые, направлялись мы в душ. Вдруг я почувствовал па плече чью-то руку. Оглянулся: Федотов.

— Давай-ка побьем Никанорову, а? — попросил он. Нужно ли говорить, что такое предложение было для меня большой честью и что я, конечно, остался. И еще добрых полтора часа оставался на стадионе знаменитый форвард».

Аркадьев учил своих подопечных, что, как бы ни были велики успехи команды, она не имеет права задерживаться на достигнутом. То, что ново сегодня, завтра уже устареет, потому что станет известно соперникам. Логика спортивной борьбы — в постоянном изобретении нового «секретного» оружия. Таким-то оружием и явилась в свое время неотразимая тактическая новинка: сдвоенный центр — Бобров и Федотов.

4

1 мая 1945 года Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта объявил о решении провести первенство страны по футболу.

Надо ли объяснять, как истосковались по любимой игре советские люди? Одолев врага, народ праздновал весну Победы, весну грядущего возрождения. Этой весной и вошел в нашу жизнь Всеволод Бобров.

19 мая на уютном стадионе в Черкизове ЦДКА встречался с московским «Локомотивом». Игра проходила при явном преимуществе армейцев, забивших железнодорожникам четыре мяча. За четверть часа до конца игры Сева услышал:

— Ну-ка, Бобров, попрыгай. Сейчас заменишь Щербатенко.

Ох, как екнуло вдруг сердце. Какая вялость сразу навалилась. Но Аркадьев все понимает:

— Игра сделана. О результате не думай. Играй прощ, чаще выходи на свободное место.

И зрители увидели, как тренер слегка подталкивает в спину незнакомого им курносого обаятельного паренька.

Однако новичок чувствовал себя на поле так, будто всю жизнь играл рядом со знаменитыми футболистами. Федотов, Николаев, Гринин охотно играют с ним. И сам он силой своей страсти, своего натиска будто влил новые силы в успокоенных победным счетом маэстро. Не прошло и пяти минут, как новичок уже забил гол...

И новый гол за Бобровым не задержался. А перед самым концом он забил еще один. Четверть часа понадобилось ему, чтобы пройти путь от никому не известного новичка до любимца московской публики...

...Тогда же, в 1945 году, началась знаменитая дуэль ЦДКА и московского «Динамо». Сначала динамовцы шли впереди. В очном поединке они одержали убедительную победу. Результат этой игры был тщательно проанализирован армейцами. Встреча второго круга носила принципиальный характер: «Динамо» уже стало чемпионом. Оба коллектива значительно оторвались от всех остальных команд. Если динамовцы и теперь выигрывают, чемпионат они закончат без поражений.

Но недаром армейцы изучали манеру игры соперников, не зря на макете разрабатывали план будущего боя... Матч проходил в великолепном темпе. Полузащитники армейцев захватили центр поля. Плотная персональная опека не дает развернуться динамовцам. Перед перерывом нервы чемпионов не выдержали. Всей командой они бросились в атаку, позабыв о защите. Федотов

выдал мяч на выход Боброву — отрыв, и Хомич ничего не может поделать. Во втором тайме счет стал 2 : 0. Ре-ванш.

Еще более захватывающим был матч в финале розыгрыша Кубка Советского Союза, где команды-соперники встретились вновь. Сначала Сергей Соловьев отличным ударом с лета выел динамовцев вперед. И вновь роковой для них оказалась последняя минута первого тайма. Прорыв Боброва: пожалуй, Хомич взял бы этот мяч. Но он случайно задел Николаева, изменил направление и медленно вкатился в угол ворот. После перерыва новая неприятность для «Динамо»: Леонид Соловьев не забивает пенальти. У армейцев будто прибавляется сил, они полностью доминируют на поле. С подачи Гринина Виноградов забивает победный гол.

Свой первый сезон в составе армейского клуба Бобров провел блестяще. В двадцати одном матче он забил 24 гола. Такого дебюта еще не знали. Никто не входил в советский футбол так смело, уверенно и легко. Победой в розыгрыше кубка сезон для Боброва не закончился. Вместе с динамовцами он отправился на Британские острова.

Авторитет Англии в футбольном мире велик. Дело не только в том, что Англия является родиной этой игры — футбол здесь и ныне имеет на редкость прочные тылы. Пожалуй, нигде разница в классе между лидерами и аутсайдерами не является столь незначительной, как на Британских островах, нигде нет такого мощного отряда примерно равных по уровню мастеров.

Долгое время родина футбола практически не принимала никакого участия в международных соревнованиях. Впоследствии оказалось, что надменная самоизоляция ни к чему хорошему не привела. Англичане и не заметили, как вырос футбол на континенте. Но в 1945 году репутация непобедимых принадлежала англичанам по праву: дома у себя они никому еще не проигрывали. Другие же страны не удостаивали своим посещением.

Чего, собственно, ожидали островитяне от встречи с динамовцами? А ничего интересного. Одна популярнейшая газета так и писала: «Не ждите очень многого от русского «Динамо». И далее: «Это попросту начинающие

игроки, они рабочие, которые ездят па игру ночью, используя свободное от изнурительной многочасовой работы время». Конечно, не следует считать английских журналистов такими уж простачками. Однако, когда дело касается России, западная пропаганда традиционно не способна отрешиться от предвзятости.

А ребята наши между тем привыкали к Лондону. Посмотрели они и футбол — игру того самого клуба «Челси», с которым предстояло встретиться через несколько дней.

Стадион полон. Зрители прорвались к самому футбольному полю. Бесков вводит мяч в игру.

Наши бросаются в атаку, но нервничают, спешат. Бьет мимо ворот Сергей Соловьев. Защитники выбивают мяч из-под Боброва, получившего идеальный пас от Архангельского. И тут англичане берут инициативу в свои руки.

Алексей Хомич постоянно в работе. Берет труднейший мяч, летящий в правый верхний угол. Бросается в ноги Лаутону... Вот статистика: за первый тайм он прервал 19 верхних и 7 низовых передач, 12 раз ловил мяч, поданный с углового, взял 12 мячей, пробитых прямо в него, 14 ударов отбил или поймал в броске. Но дважды и он был бессилён. На перерыв команда уходит при счете 0 : 2. Обидно, и еще обидней от того, что только что мы не забили пенальти.

Молча и понуро сидели в раздевалке футболисты. Михаил Якушин, тренер, сказал:

— Играете хорошо. Но надо хладнокровнее и побыстрее. Пусть на стадионе пронесется русская метель. Можете же выиграть!

Снова игра. Не прошло и минуты, как вратарь «Челси» отбивает на угловой мяч, пробитый Бобровым в самый угол. Подача — и снова мяч у вратаря. Все идет действительно хорошо: защитники «Челси» запутались, постоянно теряя хитро меняющихся местами динамовцев. Но отчего же нет гола? Штанга. Снова штанга. И опять штанга! На 65-й минуте Сергей Соловьев рванулся вдоль боковой линии, обошел двух защитников и почти от угла вратарской площадки отбросил мяч Карцеву. Хрупкий, кажущийся почти мальчиком Карцев обладал невероят-

ным по резкости ударом. Точный прицел в левый угол — 2:1.

Первый гол в воротах англичан. Значит, и им забивать можно.

Теперь уже легче. Теперь игра идет только у ворот «Челси». Шесть угловых подряд. Прошло всего несколько минут, и Карцев выводит вразрез на одиннадцатиметровую отметку Архангельского: мощнейший крученный удар — снова гол. И стадион скандирует:

— Томми! Томми!

Лаутон услышал призыв. В высоком прыжке он головой вбивает мяч в сетку.

До конца матча — десять минут. Все англичане оттягиваются в защиту. Лишь Лаутон дрейфует в центре поля.

Это была одна из лучших игр Василия Карцева. Он первый «размочил» счет, и он же стал организатором всех остальных динамовских голов. Вот он раскрутил своего защитника, еще одного вытянул на себя, и сильный пас на выход Боброву...

«Это то, о чем я просил в перерыве, — вспомнил потом Всеволод Михайлович. — Говорил: «Дайте использовать рывок». Значит, вспомнил Вася. Центральный защитник оставил Бескова, несется наперерез. На какую-то долю секунды раньше, чем он падает в ноги, успеваю произвести удар. Вижу: Вудли в воздухе, но мяч не достает. Гол! Кто-то бросается мне на шею. Оглядываюсь: Михаил Семичастный, наш капитан. Мы все целуемся, не скрывая своих чувств».

Следующий матч «Динамо» провело с «Кардифф-Сити», командой из города, населенного шахтерами. Результат оказался невероятным: гости выиграли 10:1, несколько голов забил Бобров. «Кардифф-Сити», кстати, отнюдь не был слабым клубом, более того, игроки «Кардиффа» рассчитывали на победу, хотя тон английских газет после ничьей в Лондоне резко изменился. «Дейли скетч» писала: «Своим спортивным поведением на поле и своим высоким мастерством русские футболисты завоевали сердца зрителей». И слова эти были далеко не самым хвалебным отзывом по адресу динамовцев. Впрочем, 10:1 — счет настолько скандальный, что общественное мнение страны стало настойчиво требовать реванша. На очереди теперь была игра с «Арсеналом», одним из сильнейших клубов. Для верности решили его усилить игроками семи других

команд. Самым сильным из участников предстоящего матча, несомненно, был Стенли Мэтьюз, правый крайний из «Сток-Сити». Мэтьюз — одна из самых ярких звезд мирового футбола за всю его историю. Впоследствии за высокое спортивное мастерство он был удостоен дворянского титула. По сути дела, против наших футболистов под вывеской «Арсенала» выступала сборная Великобритании, сборная профессиональных клубов, — факт в истории английского футбола единственный, что признавали и сами англичане.

21 ноября в 17 часов 15 минут Николай Латышев вызвал соперников на поле. Матч этот до сих пор считается «самым фантастическим в истории футбола». Оправдывают такую оценку и престижный характер встречи, и редкостная напряженность ее сюжета, и несусветный даже для Англии туман, поглотивший в этот день Лондон, прилипший к футбольному полю и живший какой-то совершенно самостоятельной, бурной жизнью.

Матч начался для хозяев неудачно. Наши футболисты сразу же захватили инициативу. Мяч у Сергея Соловьева. Пройдя почти к лицевой линии, он посылает пас назад — Боброву. Гол!

А времени-то и десяти минут не прошло. Трибуны ревут! Вот Мэтьюз навешивает мяч на дальнюю штангу, на Мартенсена, левого инсайда, и мяч в воротах Хомича.

Теперь англичане играют превосходно. Несколько их атак, и счет-то уже 1 : 2, затем 1 : 3. На трибунах жужжание. Будто все сто двадцать тысяч сговорились и жужжат. Но тут разыгрался Бесков. Пушечным ударом он вколачивает второй мяч.

В перерыве зашел в раздевалку к нашим футболистам Аллисон, тренер «Арсенала».

— Джентльмены! Я не знаю, какой из команд мне руководить в этом чертовом тумане. Боюсь, что мы не соберем после матча всех наших парней, если будет продолжаться такая игра. Полагаю, что пора по домам? — сказал знаменитый классик футбольного дела.

— Будем доигрывать, — коротко ответил Якушин.

Аллисон пожал плечами и исчез за дверью, будто в тумане.

Во втором тайме с первого же углового Бобров, выпрыгнув, бьет по воротам. Вратарь отбивает мяч на Сергея Соловьева. А он будто того и ждал. Точный удар, и счет 3:3. Атаки динамовцев не прекращаются. Велико-

лепно играет наша защита. Станкевич заботливо опекает Мэтьюза.

На 18-й минуте (63-й минуте матча) Карцев, сыграв в центральном круге в стенку с Бобровым, переправил мяч Бескову. Вместе с защитником Джоем они донесли до штрафной, а там Бесков, услышав за собой Боброва, передал ему мяч, а сам влево, в туман, вместе с Джоем. Тут рухнула белесая завеса перед вратарем, и в сверкающей голубизне узрел он метрах в пятнадцать, прямо перед собой стремительного, светлого отрока с русым вихром, замахнувшегося для удара...

Примолк у микрофона Синявский. Через мгновение он воскликнет: «Золотые ноги Боброва!..»

...Победа со счетом 4:3 над «Арсеналом», последующая ничья (2:2) с сильнейшим шотландским клубом «Глазго Рейнджерс» увенчали триумф «Динамо» в Англии.

Стенли Мэтьюз сказал в интервью: «Мы познакомились пока с одной, правда, сильнейшей клубной командой Москвы. Если русские создадут свою национальную сборную, с ней придется считаться самым признанным авторитетам». «Дэйли экспресс» добавила: «Московские динамовцы утвердили нас во мнении, что Россия сегодня — это великая футбольная держава».

5

...Первый круг первенства 1946 года армейцы провели великолепно. Всего лишь одна ничья, остальные команды уступили, в том числе и «Динамо» (0:2). Тактика «сдвоенного центра», разработанная Б. А. Аркадьевым, принесла свои плоды. Не удалось взять динамовцам реванш и во втором круге. Впервые чемпионами стали армейцы.

Интересным был сезон 1947 года. Динамовцы закончили игры раньше армейцев; оказалось, для победы в чемпионате команде ЦДКА необходимо в заключительном матче выиграть со счетом 5:0. Именно с таким счетом закончилась встреча армейцев со сталинградским «Трактором». Футболисты ЦДКА стали чемпионами страны.

Так же напряженно проходил чемпионат и следующего 1948 года. Опять на финише рядом динамовцы и армейцы, но теперь их разделяет одно очко: у бело-голубых — 40, а у их соперников — 39. «Динамо» в за-

ключительной встрече устраивала ничья, ЦДКА нужна только победа. Ибо встречались они друг с другом.

Матчу этому суждено было стать самым интересным, содержательным и волнующим в истории наших футбольных чемпионатов. Справочник Константина Есенина называет его бессмертным. После окончания игры зрители унесли победителей с поля на руках.

Едва началась игра, как Бобров уже забил гол в ворота «Динамо», свой 22-й гол в чемпионате. Взлетели голуби над восточной трибуной, вспыхнул стадион ликованием и восторгом. Щемящей тоской охватило тех болельщиков, которые не сумели попасть на трибуны и не ушли, а ждали на улице, вслушиваясь в доносящуюся со стадиона музыку поединка.

«Динамо» переходит в атаку. Бесков сравнивает счет. Динамовцы трижды в упор расстреливали ворота Никанорова, но счет оставался прежним. Нелегко приходилось защите армейцев: даже юркого, вездесущего Демина, всегда нацеленного на атаку, все чаще можно было видеть в собственной штрафной площадке. Тревога затаилась на стадионе: вчерашние воины, выигравшие войну, болели за ЦДКА.

Футболисты сражались не только за победу в данном конкретном матче, не только за победу в этом чемпионате. Это был спор во имя утверждения своего стиля, своего понимания футбола. Игра шла на равных. Но моральное преимущество было у армейцев — их ничья не устраивала. И вот мяч навешивается на штрафную площадку «Динамо». Гринин снижает его в прыжке, финтом укладывает защитника и тут же неожиданно пасует открывшемуся Николаеву. Со счетом 2 : 1 команды пошли на перерыв.

А во втором тайме произошло нечто совершенно неожиданное — удар армейца Кочеткова по собственным воротам, после которого на круглых бойницах восточной трибуны появились цифры 2:2.

На Кочеткова нельзя было смотреть. Игроки — и свои и чужие — отворачивались от его скорбной фигуры. Но когда мяч ввели в игру, на Кочеткова смотреть стало страшно. Он бросился вперед, в атаку, заряжая армейцев бешеной энергией и яростью.

Гонг — пять минут до конца матча. Времени в обрез. Мяч снова у Кочеткова. Передача Вячеславу Соловьеву. «В этот же миг какое-то необъяснимое чувство повлекло

меня к воротам, — писал в своей книге Бобров. — Последовал сильнейший удар, мяч ударился о штангу, и раньше других возле него оказался я. Снова удар. Почти одновременно я увидел взметнувшееся в воздух тело Хомича, и мне показалось, что он берет мяч. Стало страшно. Но это длилось какую-то тысячную долю секунды. Потом я увидел, что Хомич лежит на земле и так же обхватил руками голову, как это делал полчаса назад Кочетков. Тогда-то я понял, почему все зрители разом вскочили со своих мест».

6

Ровно через сорок лет после неудачного дебюта олимпийской сборной России в Стокгольме наши спортсмены вновь отправились на Олимпиаду, на этот раз в Хельсинки. Результаты их выступлений превзошли все ожидания: набрав одинаковое количество очков с многоопытнейшей командой Соединенных Штатов Америки, они достойно защитили честь своей страны.

Подготовка к Олимпиаде у футболистов началась еще зимой. Три раза в неделю члены сборной встречались на закрытых теннисных кортах стадиона «Динамо». Руководил игроками тренерский триумвират: Б. А. Аркадьев, Е. И. Елисеев и М. П. Бутусов. За короткий срок предстояло практически заново воссоздать команду.

В нашем футболе тогда происходила смена поколений. Заканчивали играть прославленные мастера, такие, как Григорий Федотов, Михаил Семичастный, Петр Дементьев, Борис Пайчадзе. Лидеры советского футбола — герои великого противостояния ЦДКА и «Динамо» — заслуженно считались уже ветеранами.

Но именно они сыграли решающую роль при возрождении сборной. Молодежь еще не могла заменить их — сказывались последствия войны. Средний возраст команды превышал 30 лет.

Этот период для Боброва был нелегким. Пресса нередко обвиняла его в индивидуализме; подобные упреки адресовались и другим выдающимся игрокам, обладавшим неповторимостью собственного стиля. Это были обидные и, как правило, несправедливые обвинения. Давали себя знать и травмы, полученные в матчах.

На судьбе нашей первой олимпийской сборной отрицательно сказались и отсутствие опыта участия в соревно-

ваниях такого масштаба, и ошибки тренерского руководства. Сам Аркадьев признавался, что проявил излишнюю мягкость, не оказав должного сопротивления тщеславным и карьеристским устремлениям иных спортивных работников. Откуда-то вдруг возник взгляд на сборную как на нечто вроде палаты представителей, где должны получить места питомцы различных физкультурных организаций. Это привело к излишней первотрепке. Многие спортсмены перегорели — и не столько от излишества тренировочных матчей, носивших более чем официальный характер, сколько от длительного ожидания решения своей судьбы.

Первая встреча состоялась 11 мая со сборной Польши. Прошла она в совершенно несвойственном для нас медленном темпе. Бобров играл со второго тайма. Нападающие демонстрировали полнейшую несыгранность между собой, правда, нечастые угрозы поляков легко ликвидировались защитой. Тем не менее незадолго до финального свистка Никаноров пропускает гол. Матч проигран.

Реакция на поражение была крайне болезненной. Победить во второй игре было необходимо.

Следующий матч со сборной Польши начался так: на 4-й минуте Бесков, выманив на себя защитника, навесил мяч на дальнюю штангу. В высоком прыжке Бобров открывает счет. Однако игра выравнивается. «Только очень высокое мастерство и мгновенная реакция Леонида Иванова спасли нас от нескольких голов», — пишет Бобров. Правда, и наши нападающие не использовали всех возможностей. Лишь перед самым концом игры Бобров забивает второй гол, но тут же соперники отыгрывают один мяч.

Впоследствии Бобров говорил, что инертность и пассивность нашей команды, как это ни парадоксально, объяснялись тем, что сборная Польши была для нее слишком незначительным раздражителем. Авторитет польских футболистов не был велик, и настроиться на серьезную игру с ними наши спортсмены не смогли.

Однако вскоре в Москву прибыла команда мирового класса — сборная Венгрии. Через два месяца она станет олимпийским чемпионом.

Наша первая игра с венграми происходила 25 мая.

Еще на разминке всех потрясла высокая техника гостей. Бобров заметил, что венгерская команда превосходила абсолютно всех, с кем приходилось встречаться советским футболистам.

Но робости перед соперниками наши игроки не проявили. Башашкин плотно прикрывал центрального нападающего гостей. Наши футболисты значительно превосходили венгров в скорости, поэтому те не могли использовать своего преимущества в технике. Связи между линиями у венгров разорвались, нападающие получали мяч редко и нервничали. А далее произошли два события, которые и заставили очевидцев признать героями матча Всеволода Боброва и вратаря Дьюлу Грошича. В воспоминаниях Всеволода Михайловича не только превосходно описано происшедшее, но и хорошо обрисованы особенности игрового мышления футболиста, способного мгновенно оценить ситуацию и принять верное решение: «На 14-й минуте происходит эпизод, который помнился мне еще очень долго после окончания матча. Получив отличную передачу от Николая Дементьева, я на полной скорости вошел в штрафную площадку. Обыграл финтом центрального защитника венгров Я. Бэржеи и вышел один на один с вратарем. Нас разделяло расстояние в каких-нибудь 7—8 метров. Я взглянул вперед, увидел, как Грошич отличным рывком, которому мог бы позавидовать первоклассный спринтер, выходит из ворот, и ударил верхом. Почти в то же мгновение тело вратаря венгров промелькнуло в воздухе на пути мяча и с мячом в руке рухнуло на траву. Стадион неистово гудел.

Грошич сыграл великолепно, он показал, что обладает завидной реакцией. И все-таки в том, что не был забит гол, конечно, моя вина. Стоило бы мне послать мяч низом, по земле, и никакая реакция не спасла бы Грошича. Никогда не старайтесь в подобных ситуациях бить сильно, никогда не поднимайте мяч. Удар низом мимо выбегающего вратаря — это всегда гол.

На 35-й минуте первого тайма я доказал эту истину. Вновь создалась аналогичная ситуация, вновь, обыграв Бэржеи, я вышел один на один с Грошичем. Вновь он рванулся вперед. Но мяч, посланный по земле чуть в сторону, закончил свой полет в сетке. Мы повели со счетом 1 : 0».

«Если когда-нибудь в исследовании о футболе появится графа «Самые красивые мячи», — замечает М. Мержанов, — то, несомненно, этот бобровский войдет в нее».

Во втором тайме венгры бросились в отчаянную атаку и сравняли счет.

Результат матча во всем мире восприняли как сенсацию. Более ста иностранных корреспондентов срочно прилетели в Москву на повторный матч.

Он оказался еще интереснее. Венгерские тренеры решили уделить Боброву особое внимание. Леонид Иванов в своей книге «В воротах «Зенита» утверждает, что порой Боброва охраняла чуть ли не половина венгерской команды.

...Скорость еще выше, чем в первом матче. Несколько великолепных мячей берет Грошич. Защитники гостей, будучи не в силах сдержать напор наших форвардов, все чаще начинают хватать их руками. На 18-й минуте Башашкин, овладев мячом, передаст его Петрову, который тут же бьет на край Ильину. В одно касание Ильин переправляет мяч рвущемуся вперед Николаеву, и тот мощнейшим ударом под перекладину забивает гол. А на 8-й минуте второго тайма Боброву удается околпачательно запутать венгерскую защиту. Учтя, что его постоянно сторожат два игрока, Бобров сначала оторвался от них и ушел на левый фланг. Получив мяч и видя, что к нему вновь бросились его опекуны, он точно выдал пас на свободное место в штрафной площадке, и Ильин забил второй гол. Венгерская защита была так деморализована, что совершила непростительную ошибку — бросила свой пост на опаснейшем участке футбольного поля — перед собственными воротами.

Наша сборная победила одну из сильнейших команд мира. В прошедших встречах выяснилось ее превосходство в скорости. По словам тренера сборной Венгрии Густава Шебеша, высокая подвижность на поле — одно из самых ценных качеств советских футболистов.

Однако специалисты отмечали, что в технике владения мячом зарубежные футболисты ушли вперед. Это тревожило. Сыгранность сборной, главным образом ее нападения, оказалась недостаточной. «В этих условиях на первое место выдвигалось индивидуальное мастерство каждого футболиста, — замечает Василий Трофимов. — Особенно ярко проявил его из нападающих Всеволод Бобров, а из остальных наш вратарь Леонид Иванов».

В последующих встречах советские футболисты выигрвали у сборной Румынии (3 : 1), Финляндии (2 : 0) и Чехословакии (2 : 1).

Особенно напряженными выдались две встречи со сборной Болгарии, закончившиеся со счетом 2 : 2. Блестя-

ще сыграл в матчах с болгарами Трофимов, забивший два гола. В раздевалке Василий сказал: «Крепкий орешек эта команда. Не хотелось бы мне играть с ней в олимпийском турнире».

Но именно с болгарской командой пришлось встречаться советским футболистам в предфинальном отборочном матче в городе Котке.

...Леонид Иванов занял место в воротах. Свисток. Бобров откидывает мяч от центра. Началось.

Игра проходит тяжело, с переменным успехом. Заканчивается второй тайм, а счет 0 : 0. В добавочное время прекрасному болгарскому футболисту Ивану Колеву удается обыграть Башашкина и сильнейшим ударом в правый нижний угол забить гол Иванову — «этому дьяволу в сером свитере», как он потом его назвал. Смена ворот. Здесь болгарские футболисты допускают роковую ошибку: они оттягиваются в защиту, пытаются тянуть время. А Боброву удается один из его любимых рывков. Вот уже граница штрафной площадки, сбоку и сзади прерывистое дыхание защитников. Удар — и в то же мгновение центрфорварда сбивают на землю. Но уже поздно — гол.

Можно представить себе, как этот гол повлиял на настроение болгарских футболистов. Тут же опять они упускают Боброва, он выходит один на один с вратарем. Вратарь бросается наперерез, пытается сократить площадь обстрела, но мяч мягко отбрасывается Трофимову. Тонко и расчетливо, под острейшим углом Трофимов вкатывает его в пустые ворота...

Теперь нам предстояла встреча с командой Югославии, одной из сильнейших команд мира.

Состав нашей команды опять оказался измененным. Заболел Анатолий Ильин, его заменил Бесков. Вместо Тенягина вышел Валентин Николаев. Марютин заменил Гогоберидзе.

Каждый, разумеется, понимал значение этой игры. Недаром, когда команды выбегали на поле, Башашкин крикнул Иванову: «Сегодня мы, Ленья, гладиаторы. Будем стоять насмерть».

Игра началась серией острейших атак нашей команды. На 3-й минуте Бобров разыгрывает превосходную комбинацию с Бесковым, следует точный пас Трофимову, но мяч со свистом проносится возле штанги. Через несколько минут на штангу приходится сильный удар Бес-

кова, мяч отскакивает к Николаеву, и опять штанга. У ворот югославы подаются подряд пять угловых.

Отбив натиск советских футболистов, соперники сами пошли в атаку. Борьба завязывается жесткая, беспощадная. Вот правый крайний Огнянов сильно бьет мячом прямо в Крижевского. Все по правилам, но несколько минут Крижевский без чувств лежит па земле.

Постепенно инициатива полностью переходит к югославам. Игра идет только на нашей половине поля. Совершенно растерялись полузащитники. Где там снабжать мячами нападающих — они еле успевали следить за лукавыми перемещениями Бобека и Митича. То и дело попадают на великолепные финты югославских мастеров Нырков и Башашкин. Иванов играет великолепно, но, чувствуется, возможности вратаря не безграничны.

Первый гол забил на 29-й минуте знаменитый югославский футболист Райко Митич. Гол вызвал шоковое состояние у наших футболистов. Вскоре Огнянов удваивает счет. И за минуту до перерыва Зебец в третий раз заставлял наших спортсменов начинать игру с центра поля.

Югославы играют легко и свободно. Чувствуя, что их воротам ничто не грозит, они идут вперед всеми своими силами.

Во время перерыва в нашей раздевалке царило гробовое молчание. Игроки не разговаривали друг с другом — не оттого, что перессорились, нет. Сил не было вымолвить хоть словечко, отчаянный стыд, невозможность не то что осмыслить, даже поверить случившемуся — вот что можно было прочесть в глазах футболистов.

Но кто-то должен был заговорить. Заговорил глава футбольной делегации В. Гранаткин. В его речи не было, казалось, ничего существенного, он не говорил о самой игре, не анализировал ее, не давал никаких советов.

— Еще не все потеряно! — убеждал Гранаткин. — Они сами задохнутся от своего темпа. Ездил же к ним ЦДКА, три матча из четырех выиграла. Надо попробовать отыграться.

Он обращается то к одному, то к другому футболисту; никто не отвечает. В глазах Гранаткина такое сочувствие и сострадание, что игрокам и смотреть-то на него неловко. Но голос его, как ни странно, успокаивает всех их, сидящих здесь, будто объединяет. Его искреннее желание помочь, поддержать, настроить на борьбу действует на футболистов ободряюще. Выступление Гранаткина

удалось — каждый из игроков почувствовал, что он может еще успеть проявить в игре и свою доблесть, и свое умение.

...Однако в самом начале второго тайма Огнянов стремительно прорывается по своему краю и забивает четвертый гол. На трибунах царит уже самое настоящее веселье. Заключаются пари, что, если счет окажется двузначным? И даже то, что Бобров, наконец-то дождавшийся точной передачи, выходит на ворота и вкладывает в свой удар, по словам Л. Иванова, «всю нашу надежду и отчаяние», ничуть не меняет настроения зрителей. Тем более что Зебец вскоре забивает гол, счет становится 1 : 5. А до конца игры двадцать восемь минут.

Казалось, это конец. Но вдруг... «Произошло что-то непонятное, загадочное, до сих пор еще до конца не расшифрованное, — писал Л. Иванов. — Неожиданно для самих себя мы заиграли так, как никогда не играли ни до этого, ни потом много-много лет». Смело и зло рвется в борьбу Василий Трофимов. Вот он обыгрывает сразу двух защитников и от самой лицевой линии подает мяч: лишь на мгновение не успевает к передаче Бесков. Но неиссякаема энергия правого крайнего: он постоянно выводит товарищей на удар, а за пятнадцать минут до конца матча сам входит в штрафную площадку, обводит защитников и метко, сильно бьет в дальний от вратаря верхний угол.

Впоследствии Бобров вспоминал: «На моем спортивном веку промелькнуло немало напряженных матчей. Но, пожалуй, матч с олимпийской командой Югославии превзошел все по остроте, по накалу страстей, по спортивной ярости».

На всю жизнь запомнил Бобров, как билась в нем одна, только одна мысль: «Забить, во что бы то ни стало забить». И он забил.

...Трофимов, открывшись, получает пас от Петрова. К нему бросаются югославские защитники, но мяч уже отдан Николаеву. Рывок Боброва, он у мяча. Через долю секунды его настигнет двухметровый гигант Црнкович, никого никогда не пугавший в игре. Прекрасные слова напишет он через несколько лет о Боброве, гордиться будет, что играл против него. А Бобров уже закрыл собой от защитника мяч, и напрасно летит гибкий, самозабвенный в игре вратарь Беара и, рухнув, стуча кулаками по земле, что-то злое, обидное кричит своим игрокам...

Вот как описывает состояние наших футболистов Игорь Нетто: «Не сговариваясь, но каким-то шестым чувством ощутив настроение каждого, мы снова, как и в игре с болгарами, заиграли на пределе своих возможностей.

Так заиграл каждый. Однако острием, вершиной этого волевого взлета был, бесспорно, Всеволод Бобров. Атака следовала за атакой, и неизменно в центре ее оказывался Бобров. Словно не существовало для него в эти минуты опасности резкого столкновения, словно он не намерен был считаться с тем, что ему хотят, пытаются помешать два, а то и три игрока обороны. При каждой передаче в штрафную площадку он оказывался в самом опасном месте. Гол, который он забил «щечкой», вырвавшись вперед, забил под острым углом, послав неотразимый мяч под штангу, до сих пор у меня в памяти. Это был образец превзойденного мастерства...

Счет уже стал 3 : 5. Мы продолжали атаковать, и стадион ревел так, что порой не слышно было свистка судьи. Наши соперники дрогнули, растерялись, заметались так, как за несколько минут до этого металась по полю мы.

И снова Всеволод Бобров впереди. Вот я вижу, как он врывается в штрафную площадку, туда, где создалась невообразимая суতোлка. А вот он, получив мяч, обводит одного и другого и уже бросается ему в ноги, пытаюсь перехватить мяч, вратарь Беара, которому, кстати сказать, югославы обязаны многим в эти последние тридцать минут матча.

Счет уже 4 : 5!..»

Что происходит на трибунах? Люди, совершенно незнакомые друг с другом, прыгали, обнимались.

В истории Олимпийских игр не было такого, чтобы команда, проигрывающая с таким счетом, спаслась от поражения. Неужели это произойдет сейчас?

Четвертый гол был забит несколько иначе, чем показалось И. Нетто, он перепутал его с другим голом Боброва. ...Через некоторое время после третьего мяча, пропущенного Беарой, мяч оказался у Бескова. Он проходит по правому краю, играет в стенку с Бобровым, выход его заканчивается угловым. Подает его сам Бесков точно в район одиннадцатиметровой отметки. Взвившись в высоком прыжке, несмотря на старания двух защитников, Бобров бьет головой в угол. «Могу вас заверить, что это был сильный удар, — вспоминает его автор. — Вратарь в броске достал мяч, но не смог удержать его».

Время бежит. Судья делает строгое предупреждение югославам за затяжку времени. Штанга отражает удар Николаева, бьет над самой перекладиной Бобров. В свалке у ворот с ног сбивают Марютина, мяч медленно катился к пустым воротам, но в последний момент его выбивают на угловой. Двадцать девять секунд до конца. Трофимов подает на набегающего Петрова, и тот пушечным ударом вколачивает гол. Судья поднимает обе руки — конец тайма.

Темнеет, договариваются играть без перерыва. Дополнительное время прошло при преимуществе советских футболистов. Но счет не изменился. Всю жизнь с тоской вспоминал Всеволод Михайлович, сколько моментов не было использовано в эти полчаса. Сначала Беара парировал сильнейший удар Николаева с пяти метров, а потом штанга, проклятая штанга после ударов Боброва, Бескова, Петрова.

На следующий день предстояла переигровка.

Она началась успешно для нас: уже на 6-й минуте Бобров, которого югославы держали чуть ли не всей командой, редким по красоте ударом забил гол. Но в середине тайма югославы сравняли счет. Многим тогда показалось, что Бобек находился в офсайде, но судья без колебания указал на центр.

А через десять минут мяч метров с тридцати навесили на штрафную площадку нашей команды. Иванов, находившийся совершенно один, крикнул Башашкину: «Пропусти!», но тот решил остановить мяч грудью. И вдруг прозвучал свисток — одиннадцатиметровый. Это была несомненная ошибка судьи, ошибка, может быть, и неосознанная, но она болезненно ударила по нервам нашей сборной. «Этот глупый случай, — писал Бобров, — надломил наши силы».

Долго совещались югославы, кому из них бить. Наконец к мячу подошел Бобек. Пробил сильно и точно.

Второй тайм напоминал, по образному выражению Иванова, неторопливое топтание вошедших от усталости в клинч боксеров. Советским футболистам не хватало сил, чтобы сравнять счет, югославам, чтоб его увеличить. Атаки развивались медленно, игроки допускали множество ошибок. Когда до конца игры оставалось несколько минут, югославский полузащитник Чайковский отобрал мяч у Бескова и неторопливо пошел на наши ворота. Его никто не преследовал. Изможденно остановился Бесков,

уступил сопернику Петров. Когда Чайковский оказался возле границы штрафной площадки, Иванов крикнул: «Не давай ему бить! Иди под удар!» Петров точно не слышал. Чайковский ударил в правый верхний угол, но Иванов хорошо выбрал позицию, изготовившись принять мяч. И тут, высоко подняв ногу, мяч попытался перехватить Петров. Но он лишь изменил направление его полета, и мяч влетел в противоположный от вратаря угол... Это был последний матч нашей сборной на Олимпиаде в Финляндии.

Несмотря на проигрыш, специалисты высоко оценили игру нашей команды. Финские газеты писали: «Русские играли великолепно. Это команда очень высокого класса. Ее игроки Всеволод Бобров и Леонид Иванов — звезды мировой величины». Отмечалось мастерство Башашкина, Петрова, Трофимова. Особенно много писали о Боброве, забившем в трех играх пять мячей. Коэффициент 1,66 гола за игру и по сей день является для советской сборной рекордным.

7

В расцвете сил ушел Бобров с футбольного поля. Игорь Нетто писал: «...такого игрока, как Бобров, не было ни у болгар, ни у югославов. И мне еще долго не приходилось встречать на поле таких игроков. Да и сейчас, если говорить откровенно, я не вижу равных ему по классу, а главное, по характеру бойцов».

Свидетельств признания специалистами спортивных достижений Боброва много. Но вот еще одно, принадлежащее прославленному профессиональному хоккеисту Морису Ришару. «Я рад, — говорил он в интервью по канадскому телевидению, — что увидел Всеволода Боброва. Это выдающийся спортсмен. Считаю, что он может быть смело включен в десятку сильнейших за всю историю мирового хоккея — любительского и профессионального».

...Это было большим счастьем Всеволода Михайловича, что, кроме футбольного мира, жизнь открыла ему мир хоккея...

Статистики знают все. Шесть раз становился Бобров чемпионом страны по хоккею с шайбой. В 130 матчах он провел 243 гола. Трижды завоевывал кубок. Трижды признан лучшим бомбардиром чемпионатов. Дважды становился чемпионом мира. Один раз чемпионом Олимпий-

ских игр. Признан лучшим нападающим чемпионата мира 1954 года, а на чемпионате в 1957 году стал лучшим бомбардиром. На чемпионатах мира в 28 матчах забил 34 гола.

В хоккее Боброву принадлежит ряд рекордов. Это абсолютный рекорд результативности — 2,8 шайбы в среднем за игру. В ворота московского «Спартака» он забросил однажды восемь шайб подряд. Десять шайб заброшено им в одном матче. Справочники называют Боброва «самой, несомненно, яркой фигурой нашего хоккея».

Конечно, и здесь в становлении Боброва как хоккеиста сыграли роль его исключительные способности. Но не только. Он и в хоккее трудился до седьмого пота... Всеволод Михайлович способен был под открытым небом зимой, в пронизывающий мороз часами отрабатывать технику, наигрывать комбинации. Куда менее знаменитые игроки уже сложили свои чемоданчики, а Боброву все мало: «Давайте еще немножко. Ну чего так рано домой идти?» И когда расходились все, один оставался на площадке, отрабатывая свои удары.

Отсюда и результат. Сильный, точный бросок, виртуозная техника, скорость, удивительное тактическое мышление. Как можно забыть финты Боброва? Его незабываемый дриблинг. Его вечную устремленность к воротам? Бобров начал серьезно заниматься хоккеем в 24 года. Сейчас в этом возрасте спортсмены или играют в сборной, или расстаются с надеждой в нее попасть. Бобров стал капитаном сборной. И одним из ее основателей. Правда, раньше он играл в хоккей с мячом. Но многому пришлось учиться заново.

Познакомился Бобров с хоккеем в Англии в 1945 году. После окончания турне «Динамо» футболисты гуляли по Лондону. Увидели очередь, выстроившуюся перед большим зданием, зашли. Оказалось, играют две канадские команды. Бобров полюбил хоккей, по его словам, с первого взгляда. Товарищам говорил: «Вот бы хоть разок попробовать».

Попробовал зимой следующего года. 31 декабря 1946 года «Советский спорт» писал: «В матче ЦДКА — ВВС зрители впервые увидели в канадском хоккее В. Боброва. Какой это все-таки талант в нашем спорте! Не будь его, вряд ли команда ЦДКА получила бы два оч-

ка. Летчики играли тактически сложнее, но уступили 3 : 5. Три гола забил Бобров».

Те далекие матчи выглядели бы сейчас диковинно. Низкие деревянные бортики, как в русском хоккее. Никакого защитного снаряжения. Среди игроков в основном известные футболисты. Шайбу порой даже не отрывали ото льда.

Игра полюбилась. И когда в феврале 1948 года в Москву для проведения нескольких матчей прибыла известная чехословацкая команда ЛТЦ, произошло неожиданное: новички отнюдь не уступили многоопытным гостям. А ведь незадолго до визита к нам чехи стали серебряными призерами Олимпийских игр.

Первое состязание наши спортсмены выиграли 6 : 3. Игра проходила в острой, красивой борьбе, доставившей большое удовольствие 35 тысячам зрителей. Гости продемонстрировали хорошее мастерство, но преимущество в скорости позволило одержать верх советским хоккеистам.

Второй матч наши спортсмены проиграли, третий закончился вничью.

Встречи с чехами оказались весьма полезными. У гостей было чему поучиться. Правда, и чехословацкие хоккеисты увидели в игре своих соперников достоинства, о существовании которых они и не подозревали. Один из лидеров команды гостей, Владимир Забродский (сразу же крепко подружившийся с Бобровым), сказал: «Приехав к вам, мы хотели научить вас всему тому, что мы знаем и что принесло нашей команде славу одной из сильнейших в мире. Но мы были поистине поражены теми качествами, которые увидели у вашей команды, а прежде всего быстрым темпом. Нам кажется, что ваш коллектив быстрее всех команд в Европе. Я не ошибусь, если скажу, что в скором времени вы будете играть выдающуюся роль в мировом хоккее».

Но для того чтобы пожелание В. Забродского сбылось, должно было пройти время — целых пять лет. За эти годы сформировалась и окрепла одна из самых знаменитых троек нашего хоккея: Е. Бабич — В. Шувалов — В. Бобров.

Многие объясняли ее силу удачным подбором одаренных игроков. Действительно, каждый из составлявших ее хоккеистов был личностью незаурядной. И Бабич и Шувалов были хорошими футболистами. Детство Виктора

Шувалова прошло на Урале, в рабочей семье. С хоккеем он познакомился сразу же после войны. В тройку В. Боброва он попал вместо А. Тарасова. Это был нападающий высокого класса, прекрасно владеющий клюшкой. Особенно хорошо удавался ему бросок-щелчок, которым мало кто тогда владел в нашем хоккее. Удар по воротам Шувалов производил мгновенно, без всякой подготовки, что позволяло ему добиваться высокой результативности. К тому же Виктор был великолепным универсалом. Благодаря своей высокой подвижности и работоспособности он в случае срыва атаки представлял как бы первую линию обороны своей команды.

Бабич — коренной москвич. Это был настоящий рыцарь хоккея, человек, преданный ему беспредельно. Природа не наделила его большой силой. Но его необыкновенная выносливость, легкая скорость были следствием истинно мужского самолюбия — так же, как и поразительное упорство, проявляемое им в силовой борьбе. Бобров утверждал, что мало кто из спортсменов тренируется столь фанатически иступленно, как Бабич. Надо ли удивляться его виртуозной технике? Или тому, как пронизательно он видел игру, как нестандартно мыслил? Много интересных идей рождалось в его голове. Помните знаменитую комбинацию с оставлением шайбы? Бабич на полной скорости идет с шайбой на защитника, замахивается, все внимание на него. А шайба уже оставлена Боброву. Придумал эту комбинацию Бабич поздней ночью и тут же разбудил по телефону Боброва, сообщил ему о догадке. Он жил хоккеем и не представлял себе, что хоккеист может жить иначе.

Что отличало этих спортсменов? Одаренность? Да. Но и труд, труд и труд — вот что сделало эту тройку безупречно сыгранной и сплоченной.

И еще, конечно, мужская дружба, навсегда объединившая трех больших спортсменов. Бобров посвятил дружбе следующие слова: «Являясь фундаментом наших взаимоотношений в жизни, она являлась, на мой взгляд, величайшим вкладом в силу и мощь той команды, за которую мы выступали. Вот мой совет всем: если вы хотите, чтобы ваша команда побеждала, если вы желаете ей добра, относитесь хорошо к товарищам». Бобров призывает к чуткости и человечности в отношениях с другими людьми. Будучи человеком простодушным и доверчивым, Всеволод Михайлович не всегда понимал, что критика в адрес Бабича и Шувалова чаще всего предназначена ему,

Боброву. Бобров очень любил своих партнеров. За долгую спортивную жизнь он научился спокойно переносить упреки, задевавшие его лично. Но в нем вскипала бешеная ярость, когда пытались обидеть его товарищей, утверждая, будто Бабич и Шувалов в хоккее занимаются лишь черновой работой на Боброва.

Надо ли говорить, сколь несправедливо и оскорбительно это утверждение по отношению к основной ударной тройке сборной команды страны. Будь Виктор Шувалов и Евгений Бабич и впрямь безликими статистами, не видать бы нашей команде победы в чемпионате мира 1954 года — первом же чемпионате, в котором мы участвовали.

Более четверти века прошло с той победы. В марте 1979 года «Неделя» организовала «круглый стол»: в Москве собрались А. И. Чернышев, тренер советской сборной, В. М. Бобров, Г. М. Мкртычан, А. И. Кучевский, в Оттаве — тренер канадцев Грег Кэрри, нападающие Моу Гэйлэнд и Джон Скотт. Материал в еженедельнике озаглавили: «Победа, которая удивила весь хоккейный мир и... заставила побежденных сказать: «Они настоящие чемпионы». Фотография, помещенная в «Неделе», — один из последних снимков Всеволода Михайловича. Лицо усталое, сосредоточенное. Через три месяца «Неделя» публикует еще одну фотографию: задорные, сияющие глаза, улыбка ласковая и приветливая — незабываемый, юный Бобров. Увы, фотографию обрамляла траурная рамка.

Знаменательно, что разговор этот состоялся после победы наших хоккеистов над сборной НХЛ в серии из трех матчей. Но эту победу предварила другая, отдаленная четвертью века. На нее почти не надеялись, но о ней мечтали.

...Советскую сборную встретили в Стокгольме карикатурой: паинька Бобров притих на школьной парте и терпеливо внимает огромному канадцу. Всерьез нашу команду никто не воспринимал. Да и сами хоккеисты не слишком хорошо представляли себе, что их ожидает. Кое-какой международный опыт у них к тому времени был, но канадцы... Как с ними играть?

До начала чемпионата оставалась неделя, она ушла на тренировки и просмотр тренировочных матчей чехов, шведов и, конечно, канадцев. Наша команда выиграла у

шведского клуба АИК со счетом 6 : 0. Шведы изумились: когда это русские научились играть в хоккей? Впрочем, «когда дело касается русского спорта, удивляться ничему не приходится», — писала «Свенска дагбладет».

Канадцы держали себя высокомерно. Когда А. И. Чернышев пытался договориться с ними об обмене командами, они отказались. «Мы бы приехали, — пояснили они, — да как истинные джентльмены должны позвать вас к себе. А кто ж пойдет смотреть вашу игру?»

Начались бои. Именно бои, подчеркивал Бобров, потому что в Стокгольме советские хоккеисты поняли, что чемпионское звание придется завоевывать потом и кровью. Наша сборная легко победила финнов, западных немцев, норвежцев. Выигрывали у этих команд и канадцы, причем в каждой игре забрасывали гораздо больше шайб, чем наши спортсмены. Это была своеобразная «психологическая» атака. Смысл ее разгадал Чернышев.

— Раз канадцы так стараются нас превзойти, значит, они насторожились, начали нас бояться. Это единственное объяснение. Что ж, пусть стараются. А мы будем беречь силы для игры с ними.

Вся наша команда внимательно изучала тактику, стиль, манеру игры канадской сборной. Регистрировались особенности всех игроков, результаты наблюдения анализировались на собраниях. А канадцы лишь раз пришли на игру с участием наших хоккеистов. Едва взглянув на лед, они тут же с грохотом удалились.

Первое серьезное испытание — встреча с учителями, с чехами. По ходу игры проигрываем — 1 : 2, у наших ворот жарко. В выгоднейшей позиции получает пас Бублик, следует сильнейший бросок. Но путь шайбе в падении преграждает Павел Жибуртович. К нему кидаются наши игроки, каждому ясно, что испытывает храбрый защитник: никакого защитного снаряжения у наших спортсменов тогда и в помине не было. Все приходилось терпеть. Почерневший от боли Павел шепчет: «Еще не все потеряно». Мужество защитника вдохновило команду. Она перехватила инициативу и выиграла — 5 : 2.

В тот же вечер канадцы разгромили сборную Швеции — 8 : 0. А на следующий день со шведами встречалась наша сборная.

Эта встреча оказалась одной из самых драматичных в истории нашего хоккея. Сильный снегопад. Шведы уве-

ренно обороняются. Боброва, который к тому времени успел обратить на себя особое внимание, стерегут беспрерывно. Позади два периода, а счет не открыт. Нервничает Аркадий Иванович Чернышев. Он понимает: все может решить одна шайба.

И на 1-й минуте последнего периода ее забивают шведы. Еще больше портится погода. Приходится останавливать игру — расчищать площадку. Бобров силовым приемом встречает знаменитого Тумбу (Свена Юханссона) и отправляется на скамейку штрафников. Наши соперники забрасывают еще один гол, но он не засчитывается: пора обмениваться воротами.

Последние пять минут в советской команде играет только первая пятерка, беспрерывно, преодолевая усталость. По флангам непрестанно снуют Бобров и Бабиц, в центре пытается оторваться от опеки Шувалов.

Один из проходов тройки удался. Бабиц, пройдя вдоль борта, вытянул на себя двух шведов и отпасовал шайбу Боброву. Рванувшись за ворота, Бобров симулировал попытку завести ее в ближний угол. Бьерн и Г. Юханссон попались на финт и грубо бросились на Боброва. Уже падая, он увидел, что на покинутую Юханссоном точку перед воротами вырвался Шувалов. Без всякой подготовки Виктор бьет — и сквозь снег шайба заползает в ворота.

На следующий день шведы выиграли у чехов. Предстоял матч СССР — Канада.

В момент, когда наша сборная выходила на поле, прозвучало объявление: «После сегодняшнего поражения русские будут иметь столько же очков, сколько сборная Швеции. Матч между ними за звание чемпиона Европы состоится завтра».

В победу нашей сборной и правда мало кто верил.

Чернышеву в ночь перед игрой не спалось. Вдруг стук в дверь: «Буди Боброва. Есть мнение — поберечь силы перед игрой со шведами». Чернышев побледнел: «Боброва будить не разрешу. А завтра будем биться, и не исключено — победим канадцев».

А Бобров тоже не спал. Рядом с ним сидел Бабиц и мечтал: «Представь, Сева, люди утром включают радио и слышат: сенсация номер один: советские хоккеисты — чемпионы мира!»

На собрании Чернышев сказал: «Проиграете — ругать не будут. Играйте раскрепощенно. Не давайте им почувствовать себя хозяевами. В своей зоне канадцы теря-

ются. Крайним нападающим постоянно нацеливаться на атаку. И еще: хорошо бы первыми забить гол. Забьют канадцы — матч сложится тяжело».

Перед игрой к нашим хоккеистам подошел Владимир Забродский. «Вы били нас, — сказал он, — мы их. Можете. Ни пуха вам, ни пера».

Первый гол забил Гурышев. На 5-й минуте матча проравшийся в зону противника Бычков проехал за воротами и точно дал ему пас в центр. Гурышева тут же сбили с ног, но счет был открыт.

Канадцы играют резко. На 11-й минуте, используя численное преимущество, Бобров забрасывает вторую шайбу. Стадион молчит. Он еще не готов поверить случившемуся. Но когда, финтом выманив на себя вратаря, Бобров филигранно укладывает шайбу в пустые ворота, трибуны взорвались.

Этот гол оказался решающим. Наши игроки поверили в свои силы. На перерыв канадцы ушли, проигрывая 0 : 4.

В раздевалке — горящие глаза, возбужденные лица. Неужели позади только один период? И такое преимущество! Кто бы мог подумать?

— Игра еще не окончена, — успокаивает ребят Аркадий Иванович. — Не расслабляться. Вы играли безупречно — так и держать. Противник может затеять драку — терпите. Не отвечайте ударом на удар. В противном случае игру могут посчитать недействительной, переигровка нам ни к чему. Сейчас канадцы полезут вперед — вы знаете, что делать в таком случае. Они будут пытаться всеми силами спасти матч.

Спасти матч канадцам не удалось: они проиграли 2:7. Когда раздался финальный свисток, «вверх полетели клюшки — они упали на лед беззвучно», — вспоминал Бобров. Стадион ревел от восторга. Канадцы первыми поздравили победителей. Их капитан Томас Кемпбелл тут же заявил журналистам: «Советские спортсмены блестяще провели игру. Мы просто не представляли себе, что в хоккее можно так играть. В решающем состязании мы оказались разгромленными. Нас поразили работоспособность русских, их умение вести игру в необычайно стремительном темпе».

Через двадцать пять лет Моу Гэйлэнд добавит: «Что и говорить, я расстроился, когда мне предпочли Боброва, определив его лучшим нападающим чемпионата. Но спору нет: Бобров сыграл тогда замечательно».

В те дни, как и все члены советской сборной, Бобров был по-настоящему счастлив. Счастлив так же, как и в ту далекую осень 1945 года, когда впервые коснулся руками Кубка Советского Союза по футболу. Но тогда это был задорный дебютант, не испытывающий ничего, кроме радости от приобщения к большому спорту. Ныне же многоопытный, закаленный боец радовался не только победе, но и открывшейся благодаря ей перспективе. Бобров понимал, что команда его не просто победила, «она сняла ореол исключительности и непобедимости с канадцев, преодолела психологический барьер и открыла путь к новым победам для грядущих поколений. И в этом ее главная заслуга перед отечественным спортом».

Истинного спортсмена, помимо прочих качеств, отличает способность мужественно переносить поражения. Это означает не только умение сохранить собственное достоинство, но и искусство проанализировать причины неудач и трезво подготовиться к реваншу.

Через год канадцы отобрали у наших хоккеистов звание чемпионов мира. Они заранее спланировали игру, исходя из тактики сборной СССР. Укрепили оборону. Заставили наших спортсменов ошибаться. Советские хоккеисты сражались прежним, уже хорошо изученным противником оружием.

Теперь нашей команде предстояло добиться реванша. Реванша тем более необходимого, что нашлись «специалисты», утверждавшие, будто победа в Стокгольме была случайной. «Предстоящие Олимпийские игры подтвердят это», — предрекали они.

В ту зиму Бобров почти не играл в хоккей: сдавал экзамены в академии. Но в январе 1956 года вместе с товарищами отправился в Италию. В небольшом городке Кортина д'Ампеццо, в Доломитовых Альпах, открывались VII зимние Олимпийские игры. Состязания начались играми в подгруппах. Удачно для нашей сборной закончилась первая встреча в финале: победа над сборной Швеции 4:1.

Не повезло сборной Чехословакии: с ходу проиграв и канадцам и шведам, она практически вышла из борьбы. Вечером, 31 января, чехи пришли в гости к нашим спортсменам. «В горькую минуту хочется побыть вместе с друзьями, — сказал Боброву Властимил Бубник, — а лучше

друзей, чем русские, у нас, чехов, нет». Долго не прекращался негромкий деловой разговор. Гости подробно делились своими впечатлениями от игры канадцев, указывая на их сильные стороны, характеризовали каждого игрока...

Через несколько дней сюжет хоккейного турнира вдруг резко повернулся. Канадцы потерпели невероятное поражение от хоккеистов США. У американцев блестяще играл вратарь Уиллард Айкола. Теперь от того, удастся ли нашим нападающим забить гол Айколе, зависела судьба олимпийских медалей...

Во время встречи команд СССР и США американский вратарь стоял действительно превосходно. ...Наступают последние минуты матча, а счет всего лишь 1:0 в пользу нашей команды, несмотря на бешеные атаки советских хоккеистов, не прекращающиеся ни на минуту. Правда, американцы заметно вымотались. Вот Бабич стремительно несется на ворота. И шайба, никем не замеченная, оставлена им на льду. А уж куда бить, Бобров знает. Айкола сознался ему потом, что в тот миг испытывал ужас. Ужас от того, что почувствовал, будто Бобров знает, куда ему бросать надо. 2:0. Расстроенный вратарь успел до конца игры пропустить еще две шайбы.

Настрой у наших спортсменов в Кортине д'Ампеццо был удивительный... Как-то зашел Бобров к товарищу по команде Николаю Сологубову и растерялся. Всю стену уютного номера отеля «Тре кроче» занимал знакомый военный плакат «Родина-мать зовет!».

«А что, — усмехнулся Сологубов, — разве не фронт здесь? Тоже война, только бескровная». Конечно, если человек войну прошел, что ему хоккей? Перед заключительным периодом игры с канадцами доктор, наложив израненному Сологубову три повязки, спрашивал: «Больно?» Сологубов молчал. Сологубов войну прошел.

Но вот Альфред Кучевский не был же на фронте, а сколько мужества и страсти было в его игре! И тоже сплошь травмы. Снаряжения-то защитного нет!

Бауэр, канадский тренер, признавался потом: «Мы хотели сокрушить русских молниеносно, чтоб они рухнули. Но рухнул мой план. И в первую очередь из-за непроходимой обороны русских, где выделялись Сологубов, Кучевский, Пучков».

Чернышев будто подсмотрел план Бауэра. Все так и получилось, как он предсказывал.

...Свисток судьи — игра началась. Откуда-то сбоку донеслось знакомое «шайбу!», и ничего уже не различить за сплошным гулом трибун. Никогда на наши ворота не обрушивался такой град ударов, Дон Роун, весь изукрашенный синяками, квадратный Флойд Мартин, да все они и себя не щадят, и никого не щадят. Сбит с ног Крылов. Трещат клюшки. С грохотом сталкиваются тела.

— Никакой передышки русским! — кричит Бауэр.

Бабич жарко дышит в плечо Боброву: «Надо... продержаться... минут десять». Но вот и период уже заканчивается, а канадский вратарь замерз: игра только у наших ворот. Грубость, удары клюшками. Бабичу, как всегда, достается больше всех.

Требовалось одно — выстоять. Такова идея Чернышева. Вперед не ходить. Даже при численном большинстве. И дело сделано.

— Дело сделано, — говорит Чернышев в перерыве. — Они уже глотают кислород. Теперь можно и должно атаковать самим.

На 7-й минуте второго периода Ю. Крылов забрасывает шайбу. Крылов: бровь рассечена, правая ладонь в крови, три громадных синяка на теле.

Перед игрой Крылов говорил: «Основная установка канадцев на силу. А мы противопоставим им свой задор и свою волю. Мы им дадим прикурить. Мы их победим».

В перерыве Чернышев спрашивал его, покалеченного:

— Играть сможешь?

— Да вы что? — обиделся Крылов. — ...Чувствую себя прекрасно. Я им еще сейчас гол забью.

И забил.

Противник рвется вперед, поддерживаемый трибунами. Канадские флаги вьются над стадионом. Но устали уже канадцы. Все реже выходят защитники в среднюю зону. Снижают скорость нападающие.

— Темп! — дает команду Чернышев. — Чаше пасуйте!

Едва начался третий период, динамовец Уваров, прозванный товарищами Стратегом, уже в зоне канадских ворот. Крылов прикрыт. Пас Кузину. И Кузин с ходу посылает шайбу в ворота.

Потом были яростные, но уже разрозненные атаки канадцев. А когда матч закончился, на поле хлынула такая

толпа, что хоккеисты даже не могли обнять друг друга. Потом громко звенело привычное теперь «мо-лод-цы» — клич, родившийся там, на зимней Олимпиаде в Кортина д'Ампеццо... Бобров поднимается на пьедестал почета, и президент МОК вручает ему золотые медали для наших спортсменов. Звучит гимн нашей Родины.

8

Вся жизнь Всеволода Михайловича Боброва связана со спортом. Сначала играл он сам в футбол, в хоккей, затем готовил к выступлениям молодежь. Тренером он был прекрасным. Вывел «Спартак» в чемпионы — это в то время, когда почти вся сборная играла в ЦСКА. Работал со сборной. Тренировал и футбольные клубы.

Человек, привыкший всего себя отдавать любимому делу, Бобров больше всего радовался появлению новых талантов. Как он радовался успехам Мальцева, Блинова, Зимина!

А как его любили миллионы советских людей!

Чуяли в нем люди свое, родное, отсюда удивительная популярность Боброва. Было в этом человеке — его облике, манерах, характере достижений — нечто, находящее моментальный, глубинный отклик в изродной душе. На подрастающее послевоенное поколение он оказал такое же большое и светлое влияние, как и праздничные наши салюты, песни, фильмы того времени, как все, что заставляло нас радоваться и гордиться тем, что родились мы именно в этой стране...

Иван Кириллович Покусаев, начальник ЦСКА, увидав Боброва, встревожился: «Всеволод Михайлович, да вы же бледны как смерть. Идите-ка к Белаковскому».

Алик, друг детства, сделал кардиограмму и тут же без разговоров повез в госпиталь.

Оттуда Бобров звонит другу:

— Ленья! Привези мне спортивный костюм! Больничных пижам не терплю.

— Михалыч! У тебя что, телефон в палате?

— Да нет, спустился вниз. Это все паникер Белаковский напутал.

Если бы Белаковский был паникером...

В. СУХАНОБ

Вечером в пятницу, 23 ноября 1956 года, в первый день олимпийских состязаний в Мельбурне, участники советской делегации были радостно возбуждены — впервые советский стайер поднялся на высшую ступень олимпийского пьедестала. Победителя горячо поздравляли товарищи, а он, утомленно улыбаясь, благода-

ВЛАДИМИР КУЦ

рил... Победа на Олимпийских играх — великая честь для любого спортсмена, а этот заслужил ее, как, пожалуй, никто иной...

1

На Северной Украине, в Тростянецком районе Сумской области есть небольшое — дворов двести — село Алексино. Здесь 7 февраля 1927 года родился Владимир Куц.

Лес, овраги, речушка Боромля — вот и все достопримечательности Алексина. С ранней весны до глубокой осени плещутся в речке ребяташки, как когда-то делал это и Володя Куц. Плавал и нырял он отлично, но все же в детстве не отличался ни быстротой, ни ловкостью: был здоровяком, что называется, увальнем. Отсюда и прозвище — Пухтя.

В Алексине только четырехклассная школа. А с пятого класса Володя ходил за несколько километров в соседнее село. В весеннее половодье приходилось добираться в

обход; набиралось до 15 километров ежедневно. Неблизко и до райцентра — Тростянца, куда Володя с ребятами бегал в кино.

Зимой (они здесь снежные и не слишком холодные) он катался на санках, играл в снежки. Лыжи тогда для деревенских ребятшек были роскошью. Однажды во время соревнований около Алексина красноармеец сломал лыжу и бросил ее. Мальчик подобрал обломок, дома отпилил сломанную часть. Получилась лыжа поменьше, но для Володи в самый раз. Вторую лыжу он сделал из доски от бочки: распарил ее, просушил, отшлифовал, пропитал смолой.

Но научиться ходить на лыжах оказалось непросто. Поначалу друзья-ребятишки без лыж легко обгоняли и поднимали на смех новоявленного спортсмена. Много раз он падал, а однажды, спускаясь с горки, ударился спиной так, что врач приказал долго лежать в постели.

Но, видимо, у мальчика уже и в то время были важные для спортсмена качества: настойчивость, упорство. Из тех же досок от бочки он, имея уже опыт, быстро смастерил новые лыжи и по возвращении из школы пользовался любой возможностью, чтобы убежать в лес.

В шестом классе Володя испытал свое лыжное мастерство в настоящем походе на двадцать километров. Так как соревновались учащиеся старших классов, то Володю сначала не хотели брать. Организаторов удалось упросить с трудом.

С километр Володя держался рядом со всеми, но вскоре понял свой просчет: слишком тяжело и тепло оделся, даже полушубок натянул. Как ни старался, угнаться за другими не мог. Пришлось пойти на крайнюю меру: скинуть полушубок. После этого он догнал основную группу лыжников, но силы уже кончались... И все же до финиша Володя дошел!

Жилось в довоенной деревне нелегко. Отец и мать Володи работали на сахарном заводе. Володя присматривал за младшими, колоч дрова, топил печь.

Как и все деревенские дети, он рано познакомился с нелегким крестьянским трудом. Вместе с другими школьниками помогал колхозникам в поле, познал, как непросто, шагая по вспаханной земле, вести лошадь точно по борозде... Зато рос Володя крепким, сильным, выносливым парнишкой.

Пятнадцатый год шел ему, когда в октябре 1941 года .

в Алексино вступили фашисты. Началась жизнь, полная страха и страданий.

Когда же в феврале 1943 года, после освобождения Харькова, передовые советские части дошли и до Алексина, то у мальчишки не было иного желания, как вступить в Красную Армию, чтобы немедленно, сейчас же мстить врагам. Все необходимое, как считал Володя, у него для армейской службы имелось: отцовская гимнастерка, тщательно заштопанные солдатские штаны и — самое главное — немецкий автомат, найденный в лесу.

В военкомате отказали — возраст не тот. Тогда Володя стал убеждать командира батальона, стоявшего в селе, что год-другой в данном случае значения не имеют. И тут вдруг Красной Армии пришлось покинуть Алексино: гитлеровцы нанесли мощный контрудар, Харьков вновь был оставлен советскими войсками. Когда батальон красноармейцев уходил из Алексина, Володя Куц с товарищем присоединились к нему.

Затем Володя попал в запасной полк, где и стал проходить суровую воинскую школу. «Вечером, лежа на нарах, — вспоминал он, — подолгу не могли заснуть: ломило руки и ноги, будто по ним с утра били палками. Валенки, еще свои, домашние, у многих развалились и в отепель были вечно мокрые — не высохали за ночь. Днем во время занятий ноги начинали коченеть. Казармы отапливались плохо. Мы прижимались друг к другу, стараясь согреться, но все равно зуб на зуб не попадал. Однако никому в голову не приходило скулить. Все мы здесь были добровольцами».

В ту суровую пору пополнение обучали недолго, и вскоре Володя Куц был уже на фронте, связным в штабе полка. Много раз приходилось ему под пулями ползком пробираться с донесениями, лежа в воронке, пережить бомбежку. Был и в настоящем бою, ходил в атаку.

Возраст свой Володя старательно скрывал, но командир полка видел, что связной совсем еще мальчишка, и пожалел его. Вскоре, снабженный документами, деньгами и продуктами, Володя на попутных машинах ехал на Урал в артиллерийское училище. Но в Курске, на станции, попав под жестокую бомбежку, потерял все документы и продукты.

В конце августа 1943 года советские войска окончательно освободили Тростянец, и Володя немедленно направился домой.

Здесь его уже считали погибшим. Вновь пошел Володя в военкомат, просился на фронт, но ему наотрез отказали: придет время — возьмем. Тогда он стал работать в колхозе.

Работали в основном женщины да такие подростки, как Володя. Его назначили бригадиром, зимой он пошел на курсы трактористов с тайной надеждой: когда заберут в армию, станет танкистом.

Всю зиму и лето 1944 года он работал на тракторе, а в октябре его взяли наконец в армию и направили в спайперскую школу в Пирятине.

2

Война шла к концу, солдат теперь обучали обстоятельно, и не только снайперскому делу. Особенно налегали на физическую подготовку. Силы у него хватало, и гранату он бросал умело и далеко. Но кросс на тысячу метров, составлявший обязательное требование для получения значка ГТО, никак не давался. Выносливость у Володи была — он пробегал тысячу метров несколько раз подряд, — а уложиться в норму никак не мог. Тогда он стал тренироваться в беге на эту злополучную дистанцию и сумел-таки выполнить норму.

На фронт Володя Куц больше не попал — война кончилась.

Осенью 1945 года он был уже на Балтике, служил на флоте.

...Небольшой островок в Балтийском море; крохотная полоска земли, мох, редкий кустарник, причал для кораблей, несколько зданий, кругом серое, осеннее море, откуда всегда дует пронизывающий ветер, — как все это отличалось от привычных украинских пейзажей!

Нелегка служба в уединенном морском гарнизоне. Куц стал артиллеристом, впоследствии — командиром расчета 12-дюймового орудия. Во время боевых учений приходилось поднимать и переносить немалые тяжести.

Каждый день начинался с зарядки, а свободное время матросы и офицеры уделяли тем видам спорта, которые больше нравились. Поначалу Володя взялся за штапгу. Потом он решил заняться боксом. Увлекался плаванием, греблей, лыжами, легкой атлетикой — имел спортив-

ные разряды по десяти видам спорта! Но особо высоких результатов в большинстве из них не добился.

Всерьез Володя намеревался заняться лыжами. Условия для этого здесь, на Севере, были получше, чем на Украине: снег выпадал рано, лежал долго. Зимой на первом же занятии он сумел выполнить норму третьего разряда. Это взбодрило Куца, лыжи вновь стали его страстью.

В честь Дня Победы в гарнизоне проводился кросс. Куц попал в один забег с пехотинцами, и те перед стартом посмеивались: «Куда это матрос в клешах бежать собрался?» Но смех прекратился, когда начался кросс. Куц с азартом устремился вперед. Правда, по дороге ему пришлось остановиться, закатать брюки и подвязать их разорванным платком выше коленей. В таком «спортивном» виде Володя умудрился закончить бег первым.

Спустя несколько месяцев он вновь попал на беговую дорожку. Состязались в беге на 5 тысяч метров. Командир попросил Володю заменить заболевшего товарища — не получать же команде «баранку». Куц никогда не бегал этой дистанции, но согласился.

Едва занял место среди бегунов — дали старт. Володя рванулся вперед, и тут впервые в жизни услышал он голоса болельщиков:

— Володька, жми, давай, давай!

Много раз на протяжении следующего десятилетия будет слышать он приветственные и ободряющие возгласы болельщиков на стадионах мира от Бергена в Норвегии до Мельбурна в Австралии, и всегда эти возгласы будут подстегивать его, звать к победе...

Командир части переживал больше других. Как только кончился первый круг, он на вираже перехватил своего подчиненного и что-то сунул ему в руку:

— Сыночек, Куц, глотай, а то сил не хватит добежать!

То был кусочек сахара. И после каждого круга Володя видел взволнованное лицо командира и каждый раз получал кусочек сахара.

Поначалу Володя держался в основной группе бегунов, но затем поднажал, и впереди у него остался лишь один соперник. Позднее, много позднее, прославленного чемпиона и рекордсмена корреспонденты будут допытывать: «Почему вы всегда стремитесь вести бег?» И тот ответит: «Потому что я не люблю видеть перед собой чу-

жие спины!» Начинаящий спортсмен Куц был точно таким же: на девятом круге он обошел соперника. Диктор хотел объявить фамилию нового лидера, но, поскольку Володя не был заявлен предварительно и в списке не значился, то и чести этой не удостоился. Более того, он, как и все зрители, услышал голос диктора, забывшего выключить микрофон:

— Что за черт! Кто составлял списки? Как фамилия этого белобрысого толстяка, что идет впереди?

«Толстяк» тем временем рвался к финишу. Товарищи встретили его радостными криками, качали, обнимали, опять качали. А у победителя с непривычки болели мышцы живота, отваливались руки и ноги...

Впечатления от забега были ошеломляющими: оказывается, это исключительно интересно, предельно азартно — состязаться на длинных дистанциях. Володя без колебаний решил тренироваться в беге.

Понятия о планомерных тренировках он не имел, о графике бега не слышал. Стал он почаще заглядывать в «Советский спорт», выбирал по крупницам необходимые сведения о стайерском беге, искал литературу о тренировках известных спортсменов. Особенно запомнилась Куцу статья в «Советском спорте» о тренировках рекордсмена страны Никифора Попова.

Тут же Володя решил испытать рекомендации статьи. Попробовал — и убедился: для него, новичка, рекомендации не годятся, он просто не в силах выполнить нагрузку подготовленного стайера. Через несколько лет спортсмены всего мира будут интересоваться его тренировками и удивляться нагрузкам Куца. Но это будет много позднее.

Все же одно последствие усиленные тренировки для Куца имели: он похудел килограммов на пять. Поскольку самостоятельные тренировки не ладились, Куц обратился к молодому офицеру Завалко, отвечавшему за физическую подготовку в части. Завалко предложил начинающему бегуну посещать занятия по общефизической подготовке, которые тот проводил с матросами. Это показалось Володе несколько странным: ведь он намеревался стать бегуном, при чем же тут общефизическая подготовка? Но занятия посещал аккуратно.

Когда пришла зима, Куц возобновил и лыжные тренировки, был включен в сборную команду лыжников гарнизона. Тянуться за опытными спортсменами оказалось тя-

жело, но самолюбие подстегивало Володю, он занимался не только с командой, но и в выходные дни; в конце зимы смог показать результаты первого спортивного разряда в гонках на 10 и 30 километров.

Пришла весна, пришлось расстаться с лыжами, но Куц не прекратил тренировок: раз за разом бегал кроссы в лесу. Утренняя зарядка стала теперь естественной потребностью. К его удивлению, наметился какой-то прогресс и в беге: на очередных соревнованиях он победил в беге на 1500 метров и показал при этом время третьего спортивного разряда. Через несколько дней расхрабренный Куц стартовал на 5 тысяч метров — и снова победил!

Срок службы на флоте подходил к концу. Следовало подумать о том, что делать дальше. Можно возвратиться в родное село, работать механиком или трактористом. Но Владимир решил остаться в армии.

Регулярные годичные занятия дали эффект. Он вновь бежал 5 тысяч метров и показал результат выше нормы второго разряда — 15 минут 44,4 секунды.

В воспоминаниях Владимир Петрович Куц будет сожалеть, что поздно начал заниматься спортом регулярно и целенаправленно: «Мне было уже 23 года, а я еще плутал в потемках, твердо не решив, на каком виде спорта остановиться. В моем возрасте венгерский бегун Шандор Ихарош владел мировым рекордом, чех Эмиль Затопек заявил о себе на международной арене, англичанин Гордон Пири имел двенадцатилетний стаж бегуна. Хорошо, что я об этом узнал много позже. Ведь я-то лишь собирался стать мастером спорта. Слава богу, возраст совсем не казался мне помехой. Мешало другое. Я не знал толком, с чего начать целенаправленные тренировки, как перейти к мастерским нагрузкам».

Тем не менее в 1950 году его показатели в беге на 800, 1500, 5000 метров, на 3000 метров с препятствиями неуклонно улучшались. И все это без тренера, без плана тренировок, даже без ясного представления о путях работы над собой. Объяснить этот прогресс можно лишь феноменальной одаренностью, исключительными природными данными Володи Куца.

Весной 1951 года он отдыхал в Сочи и наблюдал за тренировкой бегунов сборной команды СССР, куда входили Никифор Попов, Феодосий Ванин, Иван Семенов, Владимир Казанцев, Иван Пожидаев. Куц получил воз-

возможность убедиться, как нелегко давалась слава, сколько нужно иметь терпения и настойчивости, даже мужества, чтобы выносить те нагрузки, которые добровольно возложили на себя эти люди. В день они пробегали десятки километров в темпе, который Куцу даже и не снился.

В это время Володя познакомился с Леонидом Сергеевичем Хоменковым — государственным тренером по легкой атлетике. Две недели Куц тренировался под его наблюдением. Этого было достаточно, чтобы убедиться: бегать, как прежде, в равномерном темпе — значит ничего не достигнуть. Надо разнообразить тренировку, работать и над скоростью, и над выносливостью, и над техникой, и над тактикой бега.

Главное же, что усвоил новичок, — это необходимость соблюдения последовательности в увеличении нагрузок. Он понял: как ни стремись к достижению высоких результатов (в тот период он думал только о норме мастера спорта), их не добьешься быстро, скажем, через полгода. Требуется время, необходимо запастись терпением.

3

Сам Куц весну 1951 года считал началом своей биографии стайера. Возвратившись из Сочи с месячным планом тренировок, составленных Хоменковым, спортсмен чувствовал себя вооруженным если не навечно, то по крайней мере на несколько последующих месяцев.

Для начала положил предел на этот год: достичь нормы 1-го разряда в беге на 5 тысяч метров. Отстояв вахту, Володя не шел, как все, отдыхать в кубрик, а надевал спортивный костюм и спешил на тренировку. Никаких послаблений — скидок на плохое настроение, на погоду. Тренировочный план теперь для него закон.

Осенью Куцу представилась возможность испытать свои силы на первенстве ВМС. В городе Ейске он впервые стартовал на 5 тысяч метров с мастерами спорта. Среди них — прославленный Никифор Попов. И здесь, так же как и на гарнизонных соревнованиях, Владимир с самого начала рванулся вперед, чтобы повести бег.

К удивлению Куца, никто не стремился его обойти; это придало уверенности и сил. Он пошел быстро, насколько мог, радуясь, что возглавляет бег. Два круга, четыре, шесть... Дышалось легко, и ощущение близкой победы подгоняло вперед. Но круга за полтора до финиша

спортсмен почувствовал, что силы на исходе, что скорость гаснет... Вот тут-то Попов и обошел новичка с легкостью. Куц был на финише вторым. Все же успех, хоть и незначительный, был налицо, это ободрило спортсмена.

Ни сил, ни времени для тренировки он не жалел. Зимой 1951/52 года Владимир впервые начал тренироваться круглый год, и это вскоре отразилось на результатах. Товарищи и командиры с пониманием отнеслись к стремлению Владимира совершенствоваться в спорте. Врач части, в которой служил Куц, помог ему в разработке режима дня. План Хоменкова годился только для летнего периода, а посоветоваться было не с кем. Порывшись в спортивной литературе, кое-что нашел, что-то придумал сам. Постепенно складывалась собственная система тренировок. Некоторые детали в ней были ошибочными, но основное Владимир интуитивно угадал.

По-прежнему он участвовал почти во всех лыжных состязаниях части; так, в феврале гонку на 30 километров он выиграл со временем 2 часа 30 минут. Только гораздо позже Куц понял, что частые лыжные соревнования при одновременных тренировках в беге чрезмерно изматывали его. К тому же есть существенные различия в динамике движений лыжника и бегуна.

В эту зиму произошло событие, сказавшееся впоследствии на здоровье спортсмена. Много дней в марте бушевала пурга, остров не имел связи с берегом, кончился свежий хлеб. Но с этим можно было бы мириться, тяжелее воспринималось отсутствие писем. Когда ветер немного утих, с разрешения командира четверо матросов во главе с Куцем пошли по льду за почтой. К вечеру добрались, получили письма. Но к ночи северный ветер усилился, однако, несмотря на явную опасность, Владимир, уже один, решил возвращаться. Взял мешок с письмами, которых так ждали товарищи, встал на лыжи... В пути разыгралась буря, и даже мастерство лыжника мало помогало, силы иссякли. Все же он добрался до острова, но у самого берега попал в полынью и спасся лишь благодаря помощи прибежавших матросов.

Ледяная ванна поставила под сомнение возможность продолжения тренировок — так считал врач. Но Куц не собирался расставаться со своей мечтой. Попробовал — боли в ногах, предсказанные доктором, не появились — и стал бегать по-прежнему.

Однажды, будучи в отпуске в Таллине, он по-

шел на стадион и без размышлений обратился за помощью к тренеру общества «Калев» Александру Александровичу Чикину. Тренер был внимателен, познакомился с записями о тренировках, которые аккуратно вел спортсмен, посмотрел его в беге. Весь отпуск Куц пробыл на стадионе, а возвращаясь в гарнизон, вез драгоценный документ — составленный Чикиным план тренировок на год. Новый тренер считал, что для достижения высоких результатов необходима постепенность: от меньших нагрузок в тренировках к большим. Владимир стал активно переписываться с Чикиным. А когда удавалось, ездил в Таллин, чтобы при встрече посоветоваться с тренером, поделиться мыслями, сомнениями, опасениями. Благодарность к Чикину он сохранил навсегда.

Вскоре представился случай испытать правильность избранного пути: в Таллине проходило первенство Балтийского флота. Здесь Куцу довелось состязаться в беге на 5 тысяч метров с неоднократным чемпионом флота С. Протониным. С первых же шагов Владимир пошел вперед, считая, что с таким сильным противником надо бежать как можно быстрее. И снова был удивлен — соперник покорно следовал сзади. «Он меня на финише обгонит», — промелькнуло в голове. Но Протонин так и не обогнал его. Результат победителя оказался выше нормы первого разряда. Сбылась давняя мечта.

Вернулся Владимир в часть победителем. Что делать дальше? Посоветовался с Чикиным и решил продолжать работать, так как чувствовал: можно еще в этом году повысить свои результаты. И верно — на первенстве Вооруженных Сил в Одессе он улучшил свои достижения в беге на 5 и на 10 тысяч метров. Поездка в Одессу была важна еще и потому, что руководители армейского спорта обратили внимание на новичка и включили в сборную команду для выступления на первенстве страны в Ленинграде. Так Куц спустя всего год после начала регулярных тренировок выходит в большой спорт.

Кто же ждал его на старте в Ленинграде? В стайерском беге советские спортсмены имели достаточно давние традиции. Еще в 1928 году на Первой всесоюзной спартакиаде Алексей Максун в беге на 10 тысяч метров победил будущего олимпийского чемпиона В. Исо-Холло. В 30-х годах на дистанциях 1,5, 5 и 10 тысяч метров блистали братья Георгий и Серафим Знаменские. Последний из них 21 раз улучшал рекорды страны. В послево-

енное время сильнейшим на дистанции 10 тысяч метров долго был Ф. Ванин. Владимир Казанцев прекрасно бежал пятикилометровую дистанцию: накануне Олимпийских игр в Хельсинки он установил рекорд СССР — 14.08,8, а на Олимпиаде завоевал серебряную медаль в беге на 3 тысячи метров с препятствиями. Александр Ануфриев хорошо бежал и на 5, и на 10 километров. В июне 1952 года он установил всесоюзный рекорд на дистанции 10 тысяч метров — 29.31,4; на Олимпийских играх он был третьим. Вот с какими сильными соперниками предстояло встретиться Куцу, недавно познавшему тонкости стайерского бега.

...Только раздался выстрел стартера в беге на 10 тысяч метров, как никому не известный спортсмен попытался возглавить бег. Однако здесь эта дерзость не сошла — А. Ануфриев на правах сильнейшего сразу же установил порядок бега на дистанции и повел его. Пытался Владимир тянуться, удержаться вторым, но и это не удалось — Г. Басалаев обошел новичка. Большую часть дистанции он все же прошел третьим. Но на девятом километре ноги бегуна налились свинцом, в горле пересохло. Это значило: скорость чрезмерна для него, а тут еще сзади стали настигать другие бегуны. Финишировал он только седьмым... Чуть лучше закончил бег на 5 тысяч метров — здесь он добился шестого места.

Из Ленинграда Владимир возвращался в скверном настроении. В Таллине встретился с Чикиным. Причины неудачного выступления лежали на поверхности: слабая техника бега, малая скорость, тактическая подготовка и вообще плоха. Работать есть над чем, и Куц стал работать.

Спортивный сезон 1952 года Куц завершил достойно. В конце октября в Таллине проходила Спартакиада Прибалтийских республик; на стадионе «Динамо» в парке Кадриорг состоялся бег на 5 тысяч метров. Главный соперник Владимира — чемпион Эстонии Эрик Веетыусме хорошо известен зрителям, они поддерживают «своего» спортсмена. Однако армейский бегун не позволяет обойти себя. Теперь он опытнее, и когда Чикин, стоящий у дорожки, показывает, что график бега превышен на восемь секунд, то спортсмен сбавляет скорость: надо сохранить силы для финиша, ведь более двух лет он упорно, кропотливо готовился к этому дню, отказывая себе и в отдыхе и в развлечениях...

Веетыусме настиг было Куца, но на четвертом кило-

метре последовал рывок, решивший все. Результат — 14.34,2 — превышал мастерскую норму и на целую минуту превосходил прошлогоднее достижение. В один сезон спортсмен одолел рубежи и первого разряда, и мастера спорта! Шаг вперед огромный.

Зимой 1953/54 года старшину перевели в Ленинградский порт. В первый свободный вечер он отправился на Зимний стадион. «Вот это да! — подумалось ему. — Здесь можно тренироваться и добиться кое-чего даже зимой!»

Главное — повезло Куцу и с тренером: Григорий Исаевич Никифоров был опытным, знающим и мыслящим специалистом. Новому ученику он поставил нелегкие условия — заниматься два раза в день, утром пробегать 10 километров, а затем в манеже отрабатывать скорость и технику. В заключение сказал:

— Я не согласен также с тактикой, которой вы придерживаетесь. Она прямолинейна, нельзя бежать как бог на душу положит, надо научиться укладываться в график, иметь план бега. Без этого не может быть классного стайера... Смотрите, будет очень нелегко. Выдержите?

— Не беспокойтесь, выдержу! — отвечал Куц, и Никифоров почувствовал, что это не просто слова.

Опытный тренер видел, какие возможности крылись в этом спортсмене. Никифоров был требователен к ученикам, а этот исполнял все, что ему предлагали. Но... с одним ограничением: Куца никакими силами нельзя было заставить отказаться от раз избранной им тактики — с самого начала и до конца возглавлять бег. Тренер убеждал: иногда очень полезно позволить противнику вести бег, следовать за ним, а уж на финише, когда он израсходует силы, обойти. Но балтийский матрос не соглашался: если могу лидировать — значит, лидирую, а нет — так что тут поделаешь? На этой почве у Владимира с тренером позднее не раз происходили конфликты.

Никифоров предупреждал строптивца, что такая тактика чревата неожиданными и обидными поражениями, но Владимир был непоколебим. То, к чему принуждали спортсмена, противоречило самой его природе, характеру. Бежать иначе, жить в спорте по-другому он просто не мог.

Действительно, не раз соперники «наказывали» Куца, обгоняя на финише. Но, с другой стороны, поведение выдающегося бегуна на дорожке очень импонировало зри-

телям, их восхищало предложение бескомпромиссной борьбы, которое каждый раз он делал своим соперникам: если есть силы, обходи меня, но знай, что я буду сражаться до последнего! Именно поэтому в памяти сотен тысяч людей, видевших его на беговых дорожках, сохранился образ замечательного спортсмена, не искавшего компромиссов, сражавшегося до последнего метра дистанции. Каким появился Куц на первых соревнованиях, таким он и закончил свою спортивную карьеру — лидером, борцом до конца. Ныне, спустя четверть века, думается, что в споре с тренером о тактике (Никифоров был не первым и не последним, кто хотел изменить стиль Куца) прав был спортсмен.

В конце марта 1953 года на Зимнем стадионе в Ленинграде состязались легкоатлеты. Забегов на 3 тысячи метров была два, и в первом в отсутствие А. Ануфриева легко, со временем 8.26,8, победил Д. Пятайкин. Во втором забеге Куц, отбросив свой график, попытался превзойти этот результат и начал бег очень быстро. Публика, еще незнакомая с ним, поддержала усилия спортсмена: зрителям нравится смелость. Подхлестываемый криком трибун, Куц одно время превышал график рекорда на этой дистанции, но сильно финишировать не смог. «Последние два круга В. Куц пробежал очень плохо, — сообщал «Советский спорт», — и, хотя сумел сохранить первое место в забеге, показал время 8.34».

Никифоров сурово отчитал ученика и за то, что тот нарушил график, и за то, что снова бежал по-своему. Но, разобрав ошибки, счел необходимым сказать:

— Работать надо, и тогда будешь пробегать пять тысяч за время, близкое к четырнадцати минутам...

Такие предсказания в марте 1953 года смахивали на фантазию. И все же Владимир Куц будет бегать гораздо быстрее 14 минут. Но до этого еще далеко...

Следующим серьезным испытанием было личное состязание с А. Ануфриевым на московском стадионе «Динамо» 6 июня в матче трех городов — Москвы, Ленинграда, Киева.

Ануфриев находился в великолепной форме, настолько великолепной, что пошел на штурм мирового рекорда. Еще в 1942 году, когда советским спортсменам было не до рекордов, швед Гундер Хэгг пробежал 5 тысяч метров за 13 минут 58,2 секунды. С тех пор никто не мог преодолеть дистанцию быстрее 14 минут.

Полтора километра Куц пытался бороться с Ануфриевым, но отстал... Лидер показал в этот день второй результат в мире, выйдя из 14 минут и всего на 0,6 секунды не дотянув до рекорда Хэгга. Хотя время Куца — 14.28,8 — было вполне приличным и финишировал он вторым, удовлетворения не было. Оставалось только одно: упорно тренироваться.

Спустя месяц с небольшим, 12 июля, он уже в состоянии дать бой Ануфриеву, правда, на дистанции 10 тысяч метров во время состязаний сильнейших легкоатлетов РСФСР. Вот что писал об этом «Советский спорт»: «Интересно прошел бег на 10 000 м. Ануфриеву пришлось встретить настойчивого соперника в лице участвовавшего вне конкурса В. Куца (Ленинград). Ануфриев финишировал первым, пробежав дистанцию за 30.02,2. Время В. Куца 30.12,0 — это четвертый результат для советских бегунов вообще!»

А через неделю, во время празднования Дня физкультурника, он бежит 5 тысяч метров. Вот отрывок из отчета: «Отлично выступил ленинградец Владимир Куц. Этот молодой спортсмен в течение одного года сумел настойчивым трудом достигнуть высоких результатов в беге на длинные дистанции. Состязаясь с сильнейшими бегунами — Семеновым, Поповым, Басалаевым, Куц пробежал 5000 м за 14.14,6. Результат — один из лучших в этом сезоне не только у нас, но и за рубежом».

На спортсмена обратили внимание. Через некоторое время его включают в сборную команду страны.

4

IV Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Бухаресте открылся 2 августа 1953 года; через день на беговую дорожку вышли участники забега на 5 тысяч метров.

На этот раз спортсмен строго придерживался графика; легко и равномерно, в выверенном темпе делал круг за кругом. Смущало только то, что преследовать лидера никто не пытался. Советский бегун вызывал все большие симпатии зрителей, они начали поддерживать, как это часто бывает, неизвестного спортсмена, так уверенно и, по видимому, легко лидировавшего в забеге.

Три километра Куц преодолел за 8.26. То, что его не догоняют, начинало казаться странным. Он вспоминал: «На пятом, последнем километре я не выдержал: огля-

нулся, убедился, что никакой злой шутки мировые знаменитости со мной не сыграли, и пропустил дальше. Бегуны шли метрах в сорока-пятидесяти от меня. Впереди Затопек. Мне было в диковинку, что они не борются, не обгоняют меня, а бегут себе друг за другом — и все тут. Для меня их поведение было загадкой, но им виднее, наверное, есть какой-то скрытый смысл в таком маневре. И вот последний круг...»

«Мировые знаменитости» все же сыграли злую шутку с Куцем. На последних сотнях метров Затопек и Ковач резко усилили скорость. При выходе из поворота перед последней прямой они настигли советского бегуна. Спортсмены упорно, из последних сил боролись за первенство. Выжимая буквально на каждом шаге по сантиметру, Затопек на финише обходит Куца. Ковач — третий, Ануфриев — четвертый.

Время советского бегуна — 14 минут 4 секунды — блестящее. Десять секунд сбросил он с результата, показанного всего две недели назад, но все же был вторым! Затяжной финиш соперников лишил его казавшегося таким прочным преимущества. Но на поражениях настоящие бойцы учатся, надо и Владимиру отрабатывать финиш, чтобы не лишаться плодов прекрасно распланированного бега.

Впрочем, есть еще дистанция в 10 тысяч метров, можно попробовать отыгаться. Новое состязание через неделю.

На этот раз публика, памятуя о первом соревновании стайеров, ждала борьбы и не ошиблась. Со старта вперед вышел Ануфриев и, развив довольно большую скорость, смог оторваться на 50—60 метров. Примерно три километра спортсмены так и шли, но потом Затопек стал подбираться к лидеру. За ним — Куц. На пятом километре они обошли Ануфриева и повели борьбу за лидерство. Раз за разом спортсмены менялись местами, не желая уступать, и одновременно отрывались от остальных бегунов. Мировой рекордсмен делал ускорение на больших отрезках. Куц, видимо понимавший, что не готов еще вести решительный спор, стал придерживаться намеченного графика. Интервал между двумя лидерами к финишу достиг 50—60 метров. Владимир был вторым со временем 29.41,4; третьим финишировал Ануфриев.

Само по себе время советского бегуна было хорошим: он сбросил с результата, показанного в День физкультур-

ника, более полминуты! Что и говорить, исключительный прогресс, причем достигнутый в кратчайший срок. На пьедестале почета, хоть и на второй ступени, Куц стоял со спокойной душой: ведь оба раза он до последнего сражался на дистанции и оба раза уступил только сильнейшему в мире стайеру.

Через две недели на стадионе «Динамо» в Москве открылось 34-е легкоатлетическое первенство страны. Бег на 10 километров едва начался, а уже от группы отделился спортсмен в голубой майке. Его сразу же узнают по неукротимому стремлению вперед. Такой настрой нравится зрителям, привлекает их и то, что бегун не обращает внимания на тактические перетасовки, происходящие среди товарищей по забегу, а методически, круг за кругом наращивает преимущество. На протяжении пяти сезонов, с лета 1953 года, будут наслаждаться советские зрители бегом Куца...

К середине дистанции разрыв между лидером и ближайшими его конкурентами достиг 200 метров. В одиночестве он и завершает бег; скорость в конце несколько снизилась, но все же результат — 29.49,4. Второй раз за месяц бегуну удалось преодолеть 10 километров быстрее 30 минут. Куц впервые стал чемпионом Советского Союза.

Через несколько дней вопреки ожиданиям не было борьбы и на пятикилометровой дистанции. Никто, даже Ануфриев, не стал тягаться с новым лидером. Владимир бежал в отличном темпе.

Увеличив на последнем километре скорость, он показывает 14.02,2, что ставит его на третье место в мире! Никифоров был прав: Куц пробегает 5 тысяч метров за 14 минут, но даже тренер вряд ли предполагал, что это случится так скоро.

Поскольку до мирового рекорда Хэгга оставалось всего лишь четыре секунды, резонно было бегуну, находившемуся в столь отличной форме, попытаться атаковать рекорд одиннадцатилетней давности. Близость к рекорду разжигала азарт спортсмена, лишала его осторожности.

На дорожку будапештского стадиона 20 сентября он вышел с одной мыслью: пробежать 5 тысяч метров быстрее 14 минут. Впоследствии Куц признавался, что плана бега по кругам у него не было. Тем не менее круг за кругом бегун проходил с высокой скоростью и 4 километра преодолел на 11 секунд быстрее графика Хэгга. Сильный соперник — И. Ковач отстал метров на сто.

Затем было вот что: «На пятом километре такая тактика жестоко меня наказала. Неумолимо гасла скорость, свинцом налились ноги, никакими усилиями воли я не мог справиться с уставшим телом. Все завоеванное ранее преимущество на последних двух кругах было потеряно. На последней прямой без особых усилий меня обошел Ковач. Вслед за ним еле-еле допелся до финиша и я...» Первая попытка атаковать рекорд сорвалась.

Несомненно, причиной проигрыша стала несовершенная тактика и неумение правильно распределить свои силы. Здесь Куцу было над чем подумать.

Пока же он стартовал раз за разом и... побеждал.

2 октября в Осло на знаменитом «Бишлете» Куц выиграл бег на 5 тысяч метров с хорошим результатом — 14.05,2.

9 октября в Мальме он преодолел 3 тысячи метров за 8.11,8.

11 октября в Упсале бегун вновь выходит на эту дистанцию. Задача осложнялась тем, что вместе с ним стартовал швед С. Карлсон, сильный бегун на 1500 метров. Чтобы гарантировать себя от финишного броска шведа, советский бегун уже на первых кругах ушел далеко вперед, несмотря на тяжелую осеннюю дорожку. Карлсон не выдержал и сошел с дистанции... Время Куца — 8.10,6 — было выше всесоюзного рекорда. Так он впервые установил рекорд СССР.

Сезон 1953 года был очень успешным для спортсмена, еще весной пребывавшего в неизвестности: две серебряные медали на IV фестивале молодежи, две золотые на первенстве страны, всесоюзный рекорд к концу сезона.

Он понимает, что если с весны будущего года удастся поддержать и развить успех, то надо рассчитывать на состязания с самыми выдающимися спортсменами, которые вовсе не склонны уступать медали и рекорды. Далее, если думать об установлении рекордов, то надо разработать свою собственную систему тренировок.

...В послевоенные годы сильнейшие бегуны мира считали идеальной так называемую систему интервального бега немца Гершлера. Это была система монотонной тренировки, в которой главным критерием являлась сумма километров, преодоленных спортсменом, а не воздействие на организм, которое достигалось тренировкой. Такая система нередко приносила успех наиболее старательным и пунктуальным спортсменам, доведшим свои тренировоч-

ные нагрузки, казалось, до предела человеческих сил. Затопек был наиболее последовательным приверженцем этой системы и как-то даже заявил: «Меня побьет тот, кто будет тренироваться больше, чем я. А больше, чем я, тренироваться невозможно».

Но оказалось, что имеются средства, которые позволяют побеждать последователей системы Гершлера. И средства эти впервые нашли и применили Куц и его тренер. В те годы была создана новая система подготовки стайеров, качественно отличающаяся от интервальной — ее называют вариативной. Суть этой системы известный советский бегун и тренер П. Г. Болотников, также тренировавшийся тогда у Никифорова, охарактеризовал вкратце так: «Смысл ее заключается в повышении общей выносливости спортсмена с помощью многолетних длительных пробежек в относительно невысоком темпе, а на этом фоне — к повышению скоростных кондиций, которые достигаются многократными пробежками в высоком темпе на ограниченных отрезках».

Тренируясь, Куц видел, что вряд ли он сможет набегать больше километров, чем его заграничные и отечественные соперники. Но, посоветовавшись с тренером, он стал пробегать те же отрезки (200 и 400 метров) быстрее и делать меньшие интервалы для отдыха. Вскоре выяснилось, что такой метод более подходит ему, Владимиру Куцу, да, кроме того, позволяет сократить общий объем беговой тренировки.

Затем стали включать в план тренировок бег на 600, 800, тысячу и даже 1200 метров. Разумеется, спортсмен все время бегал кроссы, но в более медленном темпе. Кросс в лесу давал ему и эмоциональную разрядку, отдых от однообразия дорожек стадиона.

На 1954 год у него была одна цель — первенство Европы по легкой атлетике. Предполагалось, что там, особенно в забеге на 5 тысяч метров, соберутся все сильнейшие спортсмены. Их тактику, стиль, методику подготовки, даже черты характера изучали, насколько это было возможно, Куц и его тренер. Анализировались последние выступления видных стайеров.

Совокупность сведений мало радовала: вроде бы шансов на победу совсем и не оставалось, выиграть же хотелось! Прикладывали, примеряли — выходило только одно: надо подготовиться на результат, близкий к мировому рекорду или выше, самым тщательным образом распреде-

лить силы и не дать обойти себя на финише. Но для этого надо готовиться, готовиться...

Первой прикидкой стал кросс «Юманите», проводившийся 21 марта в Венсенском лесу под Парижем. В забеге азов на 10 километров участвовало 33 человека, и с первых метров Куц впереди.

В конце первого километра советского стайера настигает Затопек. Темп бега очень высок, и лидеры отрываются от остальных бегунов. На дистанции, кроме искусственных барьеров, несколько раз приходится преодолевать затяжные подъемы, бежать по заболоченному участку. Впрочем, дорожка везде мокрая после вчерашней грозы. Из-за этого на пятом километре Куца постигает неудача — прыгая через барьер, он подворачивает правую ногу. Бег советского спортсмена, до того уверенный и легкий, с каждым шагом становится затрудненнее. Сойти с дистанции? А командное первенство? И Куц продолжает, прихрамывая, бежать. Некоторое время ему еще удается удержаться вплотную за лидером, но затем разрыв увеличивается... На последнем километре поляк Ежи Хромик становится вторым, и к финишу Владимир — третий. Командное первенство все же за советскими бегунами.

Форму после травмы, однако, он набирал медленно, и это отразилось на результатах: 6 мая в эстафете 10 по 1000 метров на стадионе «Динамо» Владимир свой этап проиграл; спустя несколько дней во время подготовки к матчу трех городов В. О कोरोков победил его в забеге на 3 тысячи метров.

Тем временем из-за рубежа приходили ошеломляющие вести: Затопек в конце мая в Париже побил наконец рекорд Хэгга, пробежав 5 тысяч метров за 13.57,2, а через несколько дней и рекорд на 10 километров: теперь он равнялся 28.54,2. С этого момента началась увлекательная и ожесточенная борьба за рекорды на стайерских дистанциях, приведшая к немалому скачку результатов. Продолжалась эта борьба более трех лет.

Результаты, которые Куц показывал в это время на соревнованиях в Хельсинки и Варшаве, были значительно скромнее. Правда, в Турку в начале июля Владимиру удалось улучшить всесоюзный рекорд в беге на 3 тысячи метров (8.05,8), что соответствовало третьему результату в мире.

Все же Куц с нетерпением ждал конца августа — к этому времени он рассчитывал набрать полную форму и

дать бой соперникам. Оставалось решить, как вести этот бой.

Тактических приемов поведения спортсмена на дистанции немало. Каждый стайер, если он хочет достичь постоянных и высоких результатов, начиная забег, должен располагать заранее подготовленной тактикой. В ту пору наиболее распространенными у спортсменов были два приема, условно именуемые «тактикой рекордов» и «тактикой чемпионов».

Первая из них заключается в том, что высокотренированный спортсмен, заранее тщательно распределив свои силы на дистанции, лидирует с самого начала и достигает заранее определенного результата. «Тактика чемпионов» состоит в том, что бегун стремится выиграть первое место независимо от того, какой результат будет достигнут: высокий результат вовсе не обязателен. Бегун позволяет лидировать сопернику, пристально наблюдая за его действиями, и на финише обходит лидера. Как правило, «тактика чемпионов» приносит победу стайерам с хорошей скоростной подготовленностью.

Свое мнение на этот счет Куц позднее формулировал так: «Я не раз слышал, как спортсмены говорили: «Медаль выиграл — она твоя. А рекорд рано или поздно отберут». С этим спорить трудно, но такой расчет пахивает крохоборством. По-моему, настоящий спортсмен должен ставить перед собой максимальные задачи: и медаль и рекорд! Выбирая то, что дает потом, после ухода из спорта, более весомый процент, мы становимся суевливыми, невольно заражаемся микробом сомнения в своих силах, ищем путей полегче. Но эта мизерная арифметика чаще всего мстит, не давая ни рекорда, ни медали. Я точно знаю: пойдешь на рекорд — возрастут твои шансы и на победу. Она любит дерзких...»

5

Пятое легкоатлетическое первенство Европы открывалось в Берне 25 августа 1954 года. Советские спортсмены выехали в Швейцарию заблаговременно, за две недели, чтобы акклиматизироваться. Поскольку на предыдущих первенствах (в 1946 и 1950 годах) спортсмены нашей страны блистали высокими результатами, то и ныне они оказались в центре внимания публики и прессы. Однако среди признанных фаворитов в беге на 5 тысяч метров

Куц не числился. Его как-то не принимали в расчет, обозреватели писали о более именитых соперниках. Это, как оказалось, было на руку советскому стайеру.

Состоялось три предварительных забега на 5 тысяч метров; из каждого в финал выходили по пять спортсменов. Владимиру не повезло — в забеге по воле жребия собрались основные соперники (Затопек, немец Шаде). Поначалу темп был невысок, спортсмены думали только о том, чтобы не остаться шестым. Все, кроме одного: Куц лидировал весь бег и пришел первым. Журналисты называли это «чужачеством» русского бегуна. Действительно, казалось бы, разумнее экономить силы...

Финальный забег на 5 тысяч метров ожидался в заключительный день соревнований, 29 августа. Вечером предыдущего дня тренерский совет решал вопрос о том, какой тактики придерживаться Куцу на состязании. Спортсмен на совете не присутствовал, его интересы представлял Никифоров. Тренер продемонстрировал график, согласно которому Куц должен был превзойти мировой рекорд. График вызвал возражения: специалисты опасались, что сильные соперники сумеют удержаться за его спиной и на финише вырвутся вперед. Возвратился Никифоров с совета и говорит:

— Володя, дело плохо. Бежать велели не на рекорд, а на выигрыш.

Куц впоследствии вспоминал, что вспылал. Сказал, как отрезал:

— Все равно побегу на рекорд!

Никифоров ушел уговаривать коллег. По возвращении сказал:

— Сейчас с тобой никто не хочет спорить. Но, если не выиграешь, — берегись!..

Несмотря на баснословно дорогие билеты, стадион «Нейфельд» переполнен. Забег, в котором участвует столько знаменитостей, чреват сенсацией. Ее ждут, но только не от Куца...

Четырнадцать спортсменов на старте. Замолк стадион. Владимир привык уже: так бывает каждый раз перед началом. Затем постепенно начнет нарастать гул, одинокие восклицания сольются в мощный, поддерживающий «своего» бегуна шум, чтобы наконец перед финишем слиться в сплошной рев трибун.

Пошли! Спортсмены бегут вместе первый круг, но не больше: Куц выходит вперед и после первого ки-

лометра между ним и соперниками разрыв метров в двадцать. Трибуны спокойны: зрители не верят в успех русского спортсмена. Спокойны и соперники — мол, догоним.

Первый километр Владимир пробежал за 2.44, на секунду быстрее графика. Как бы не повторилась прежняя ошибка. Он чуть сбавляет скорость, но разрыв все растет: в этом бегун убеждается, когда позволяет себе оглянуться на отметке 1500 метров.

Тем временем трибуны начинают подгонять других спортсменов.

— За-то-пек! За-то-пек!

— Ша-де! Ша-де!

После второго километра лидер проигрывал своему графику две секунды. Это плохо, нельзя сбиваться, надо думать только о графике. Если выдержать график, никто из бегунов, оставшихся где-то сзади, не страшен... Пройден третий километр, и теперь потеряно уже три секунды. Трибуны начинают поддерживать лидера. Тем временем на четвертом километре соперники, видимо, поняв, что дали уйти Куцу чересчур далеко, увеличивают скорость. Но поздно, это всего лишь борьба за второе место.

Куц отвечает ускорением и на четвертом километре не только отыгрывает упущенное, но и на полторы секунды улучшает график. Теперь только одно: сохранить темп, ведь впереди целый километр. И Куц рвется к финишу, а на стадионе лавина возгласов, выкриков, воплей:

— Куц! Куц! Куц!

Зрителей словно подменили, они понимают, что им повезло присутствовать при исключительном событии.

Не сбылись надежды соперников: советский бегун не «умер» на финише. Более того, он начинает устанавливать мировые рекорды: по ходу бега судьи фиксируют мировое достижение на три мили (4827 метров), а когда Владимир рвет финишную ленточку, то огромный секундомер на стадионе показывает меньше 14 минут. Неужели?..

Куц стоит на пьедестале почета, на второй ступени — Кристофер Чатауэй, он на финише обошел Затопека. Время победителя еще не известно, и трибуны глухо гудят. А когда диктор объявляет результат, стадион будто

взрывается: советский спортсмен установил мировой рекорд на стайерской дистанции: 13 минут 56,6 секунды. Так Куц сделал свой первый вклад в увлекательное состязание за рекордное время на этой дистанции. Трудно передать словами его счастье.

На следующее утро пресса на все лады обсуждала бег и его результаты. Один из обозревателей писал: «Морзяк Куц рванулся вперед. Те, что бежали позади, сочли Куца сумасшедшим. Никто, даже Эмиль Затопек, не думал, что белокурый советский спортсмен сможет выдержать до конца».

Торжественно встречали советских спортсменов на Родине: они привезли 17 золотых медалей из 35 разыгравшихся. От Куца теперь все ждали наивысших результатов, и он был полон желания их добиваться.

Для начала решено было атаковать всесоюзный рекорд А. Ануффриева на 10 тысяч метров. Забег на эту дистанцию в день открытия первенства страны в Киеве воспринимался как праздник — ожидалась борьба. Но сразу же после старта Куц вышел вперед, сделав первый круг за 62 секунды и оторвавшись от конкурентов на 20—30 метров. Стало очевидным: сражаться на дистанции ему придется с незримым соперником — рекордом, хотя хозяин последнего, А. Ануффриев, участвовал в беге. Это невидимое соревнование захватило зрителей и держало их в напряжении целых полчаса, так как до последних метров не было ясно, удастся ли стайеру побить рекорд.

Первую половину дистанции он прошел слабее, чем Ануффриев в рекордном забеге; после восьми километров отставал на пять секунд. Приунывший, казалось, стадион вдруг бурно реагирует: диктор сообщает, что Куц резко усиливает темп, после 22-го круга он уже сравнивается с графиком Ануффриева. Громом аплодисментов ответили на это зрители...

Красив бег спринтера. Красив, но скоротечен: всего то около 10 секунд длится состязание на 100 метров, неопытный зритель может и не успеть прочувствовать этой красоты. Победителя не всегда в состоянии определить и знатоки, только специальное, и очень сложное, устройство с точностью фиксирует это.

Бег на стайерские дистанции — дело другое. Времени у зрителя, чтобы присмотреться, определить фаворита, увидеть, кто как ведет себя на дистанции, кто бежит

красивее, вполне достаточно. В этом отношении с Куцем было трудно соперничать. Правда, техника его бега не самая совершенная, с теоретической точки зрения. В ту пору и позднее в нашей стране и за рубежом встречались спортсмены, двигавшиеся на дистанции изящнее, грациознее. Но с первых же движений спортсмена в глаза зрителям бросалась его мощь, устремленность вперед.

На девятом километре он «отыграл» сразу пять секунд и под несмолкаемые рукоплескания завершил дистанцию. Пока судьи тщательно проверяли время, Владимир с букетом цветов пробежался еще раз по дорожке. Наконец по радио объявили: улучшен всесоюзный рекорд. Время — 29.21,4 — четвертый результат в мире.

В составе делегации советских легкоатлетов Куц выехал в Великобританию, чтобы участвовать 13 октября 1954 года в матче Москва — Лондон.

После блестящей победы советских легкоатлетов в Берне буржуазная пресса оказалась перед необходимостью как-то объяснять успех советских спортсменов: за годы «холодной войны» чего только не писали западные газеты о нашей стране! Хоть и со скрежетом зубным, но английские газеты вынуждены были сообщать о быстром и всестороннем развитии легкой атлетики в СССР. Высказывались надежды на достижение высоких результатов, в частности в беге на 5 тысяч метров.

Соперник Куца в этом состязании, Кристофер Чатауэй, «рыжая лиса», как прозвали его за цвет волос и хитрость на дистанции, обладал высоким уровнем специальной выносливости, зрелым тактическим мышлением, умел «сидеть на пятках» у противника и наносить удар на финише. 1500 метров он пробегал на 10 секунд быстрее Куца, и это давало ему определенные преимущества на финише. Оставшись вторым в Берне, он педвусмысленно высказывал намерение взять реванш.

Матч с самого начала складывался в пользу советских спортсменов. С большим волнением ждали 60 тысяч зрителей, заполнивших «Уайт-сити», состязания Куца и Чатауэя на 5 тысяч метров. В 20.40 дали старт. Куц решил не менять своей тактики и пошел вперед. Но если в Берне его беспрепятственно «отпустили», то здесь англичанин словно прилип, приклеился сзади. Трибуны неистово вопят:

— Ча-та-у-эй! Ча-та-у-эй!

Как поведет себя преследователь, если бежать в предельно возможном темпе? Первый километр пройден за 2.41, на три секунды быстрее, чем в Берне; никогда еще Владимир не начинал так, а Чатауэй здесь, сзади.

Чем выше скорость на дистанции, тем больше шансов у советского спортсмена и меньше у его соперника. Куц продолжает бежать столь же быстро. К половине дистанции он, однако, убеждается, что англичанин не отстанет. Тогда Владимир отказывается от равномерного бега и делает первый спурт — 200 метров в спринтерском темпе, словно уже финиширует. Спурт прекращается, но сзади отчетливо различим шорох шагов Чатауэя.

Движения Куца мощны, он резко отталкивается от дорожки, в нем чувствуется огромный запас сил и энергии. Чатауэй бежит легко, расслабленно, даже полузакрыв глаза, и трудно понять, что же дает ему возможность держаться вплотную за советским спортсменом.

Второй спурт — 300 метров! Он стоит Куцу огромных усилий. Теперь уже нечего думать о графике рекорда — надо побеждать! Несколько метров вроде бы отыграно у англичанина. Но нет, шаг за шагом Чатауэй наверстывает упущенное. Тогда в третий раз советский спортсмен пытается оторваться, однако сказываются сила и редкая скоростная выносливость соперника — он не отстает. Как велосипедист за лидером-мотоциклистом, катится Чатауэй по дорожке. Скорость настолько велика, что по ходу Куц бьет мировой рекорд на три мили!

Финишная прямая. Куц устремляется к ленточке. Рев трибун оглушительный, но и сквозь него прорывается пронзительный вопль:

— Ты взял его, Крис!

Это Роджер Баннистер, знаменитый бегун на 1500 метров, поддерживает товарища. После бега Чатауэй скажет, что, как ни странно, расслышал крик одного человека в шуме многотысячной толпы и из последних сил рванулся... Еще за пять метров он сзади Куца, но финишная ленточка на груди английского стайера.

Мировой рекорд превысили оба. Время Чатауэя — 13.51,6, а Куцу согласно правилам прибавляют 0,2 секунды. Чатауэй — рекордсмен. Но в списке мировых достижений в беге на 5 тысяч метров его фамилия значится только однажды, и победы этой он добился за спиной советского бегуна...

Настроение Куца не требует комментариев. Чатауэй,

чуть передохнув (на финише он упал в изнеможении на руки друзей), счел необходимым сказать:

— Спасибо, Куц! Один бы я не смог!

— А я смогу!

Слова эти тут же подхватили корреспонденты и сами установили срок: через десять дней в Праге, куда отправляется советская сборная. Советскому бегуну, однако, ясно, что его тактика уже разгадана, утрачен элемент неожиданности. Поэтому следует разнообразить тактику. Но это потом, зимой и весной, сейчас же Куц думает лишь об одном: вернуть рекорд.

23 октября он выходит на дорожку пражского стадиона. Погода прохладная, но сухая, дует сильный ветер. Но Владимир не замечает ни холода, ни ветра, ни шума переполненного стадиона. Спортсменом овладевает ощущение предстоящего сражения: ему приказано взять высоту, и, он, солдат, эту высоту возьмет, вернет рекорд Рсдине.

Стартовали — и напряжение спало. С первых же кругов видно, что здесь Куцу придется вести спор с рекордом в одиночку. Тысяча метров пройдена за 2.38,5; еще никто не начинал так рекордного забега. Соперники сразу отстали, и с каждым кругом разрыв возрастал.

Стадион на некоторое время приумолк, а затем все громче и громче стал подбадривать советского спортсмена. Победа его не вызывала сомнения, речь шла только о том, сумеет ли он превзойти рекорд. Долгое время шансы на это колебались, ветер явно мешал. Волновался, стоя у дорожки, Никифоров: чем он может сейчас помочь ученику?

По окончании бега ликуют зрители, обнимают Владимира друзья. Он достиг желаемого: на четыре десятых секунды, да, только на 0,4 секунды, но побил рекорд Чатауэя! Титул чемпиона Европы и два мировых рекорда за сезон, да еще две золотые медали первенства СССР — неплохой результат. Теперь Куц — всемирная знаменитость. Но у спортсмена и его тренера есть план — побить и рекорд на 10 тысяч метров. Надо несколько перестроить тренировки.

Вся зима и весна 1955 года уходят на это. Дело идет не так гладко, как хотелось бы, — стайер медленно набирает форму. 27 марта 1955 года в кроссе «Юманите» он лишь тринадцатый. В конце апреля в Нальчике рекордсмен побеждает в беге на 10 тысяч метров, но результат

неввысок, и корреспонденты отмечают, что бег Куца не отличается легкостью.

21 мая в Минске он терпит поражение. Дорожка была мягкой, но первый километр Владимир прошел в хорошем темпе. К двум километрам он превышал свой же прошлогодний график уже на 11 секунд. Публика начала волноваться, предвкушая высокое достижение. Но рядом с Куцем, а иногда и опережая его, бежал А. Ануфриев. От других спортсменов их уже отделяло значительное расстояние. Не один раз Владимир пытался уйти от соперника, но тот не отставал, а затем и обошел чемпиона Европы. К половине дистанции Ануфриев был уже впереди на 45—50 метров. К финишу Куц настолько снизил скорость, что его обошли еще Г. Басалаев и В. Кривошеин. Ануфриев установил новый всесоюзный рекорд — 29.10,6.

Причиной поражения Владимира была болезнь. Через несколько дней его оперировали. Можно представить удивление лечащего врача, когда через неделю он увидел пациента, совершающего в пижаме пробежку на аллее парка! Но надо понять и пациента: пока он готовился к установлению нового рекорда на 10 тысяч метров, пока болел, венгерский спортсмен Шандор Ихарош стал подбираться к рекорду на 5 тысяч метров. Летом 1955 года он показал целую серию мировых рекордных результатов: на 3 тысячи метров в Будапеште, на 2 мили в Лондоне, на 1500 метров в Хельсинки... В Варшаве Ежи Хромик победил на дистанции в 5 километров с очень хорошим результатом (13.55,2), Ихарош был вторым. Как тут не волноваться Куцу! Он спешит вернуть утраченную форму.

22 августа во Львове на Спартакиаде Вооруженных Сил он побеждает на 5 тысяч метров с достаточно высоким результатом (14.03,6), а 26 августа там же штурмует всесоюзный рекорд Ануфриева на десятикилометровой дистанции. Его время — 29.06,2. Это второй результат в мире. Но чтобы быть и здесь первым, надо сбросить тринадцать секунд!

6

Следующая попытка — 11 сентября в Москве на матче СССР — Великобритания. От Великобритании в беге на 10 тысяч метров участвовали Г. Пири и К. Норрис.

Гордон Пири, высокий, худощавый, с легкой и красивой манерой бега, главный соперник. Чуть ли не с десяти лет Пири участвовал в соревнованиях бегунов. Он умел готовиться к выступлениям и не терялся в любой обстановке. Правда, скромность не была свойственна Пири, его хвастливые заявления не раз вызывали насмешки журналистов и соперников.

Но на этот раз он помалкивал, и пе напрасно. Куц, конечно, повел бег; первый километр 2.48,8; два километра — 5.42,0. Это быстрее, чем в забеге на 5 тысяч метров, состоявшемся до этого и закончившемся победой Чатауэя. Напряжение спортсменов растет, это чувствуют трибуны, сопровождающие бегунов неумолкаемым рокотом.

Несколько раз Куц делает ускорения, но соперники «достают» его и следуют точно по пятам, желая, видимо, повторить прием Чатауэя прошлой осенью. После шестого километра трибуны становятся свидетелями необычайного эпизода: советский бегун на прямой отходит немного вправо, освобождая бровку для Пири. Но тот не принимает лидерства и продолжает бежать вторым, хотя в других соревнованиях, особенно на родине, прославился тем, что любил и умел возглавлять бег.

Спортсмены нервничают, каждый ждет рывка противника. Владимир, опасаясь ловушки, сбавляет скорость. Первым теряет самообладание Норрис: на 8-м километре он пытается выйти вперед. Сразу картина бега меняется, как будто кто-то подстегнул спортсменов. Все рванулись вперед. И тут Куц мощным спуртом опережает всех.

Пири пытается бороться, но советский стайер отвечает удивительным по силе и красоте рывком. Восхищенные зрители видят, как спортсмен все дальше и дальше уходит от соперников. Вот он уже впереди почти на полкруга. Результат — 29.08,2.

В раздевалке, однако, знакомый журналист сообщает победителю новость: только что в Будапеште Ихарош установил мировой рекорд на 5 тысяч метров — 13.50,8.

— Ну что же, я ждал этого, — ответил Владимир.

А раз ждал, то, значит, и готов бороться за возвращение рекорда.

Через несколько дней небольшая группа советских легкоатлетов выехала в Югославию. 18 сентября, всего лишь через неделю после рекордного забега Ихароша, на стадионе «Партизан» в Белграде Куц вышел на старт пятикилометровой дистанции.

Десятки тысяч зрителей предвкушали необычное зрелище. Гавриил Витальевич Коробков, известный советский тренер, за день до этого сообщил журналистам: «Если будет хорошая погода и дорожка окажется подходящей, то Куц улучшит мировой рекорд Ихароша». Естественно, такое заявление разожгло страсти зрителей.

Дорожка была неважной — недавно прошел дождь. Стемнело, когда дали старт, и при непривычном тогда для советских спортсменов искусственном освещении Куц повел бег. Соперники не были очень сильными; следовало лишь выполнять график.

Коробков с листочком-графиком стоял прямо у дорожки и в конце каждого круга сообщал бегуну результат. На тренировках время, отведенное на каждый круг, тщательно выверено, и Владимир бежит спокойно, точно, расчетливо, не нарушая графика. Последние круги он совершает под нарастающий рев зрителей: диктор информирует их, что советский бегун превышает график Ихароша. Коробкову приходится кричать во весь голос, иначе бы Куц его и не услышал.

Когда бегун пошел последний круг, все на стадионе поднялись с мест. Только на завершающих 400 метрах Куц нарушил график: пробежал на 1,2 секунды быстрее намеченного. Шум на трибунах не умолкает, а когда диктор объявляет, что советский бегун установил новый мировой рекорд — 13.46,8, то происходит нечто необычное: болельщики устраивают из газет факелы, и стадион озаряется их светом. Рекордсмен поднимается на пьедестал почета и приветствует зрителей. Их восторгу нет предела, тысячи людей устремляются на поле, спортсмена поднимают на руки, торжественно выносят со стадиона и, несмотря на его просьбы, долго не отпускают.

Наутро все газеты Югославии и мира сообщали о рекорде. «Фантастический результат» — вот господствовавшая оценка.

Успех, как известно, окрыляет, и 24 сентября в Загребе Куц устанавливает всесоюзный рекорд на 3 тысячи метров (8.02,6). Но планы его идут еще дальше. Третьего октября в Бухаресте он вновь пытается овладеть рекордом на более длинной дистанции. День холодный, идет дождь, ветер сильный. Соперники слабые и не могут способствовать достижению высокого результата. Вот как писала об этом забеге газета «Экип»: «Собравшиеся на

стадионе Республики в день закрытия Восьмых легкоатлетических международных соревнований в Румынии явились свидетелями одного из самых замечательных в истории современной легкой атлетики подвига, но, увы, бесполезного. Взяв старт, Владимир Куц знал, что не добьется цели: сила ветра на стадионе доходила до трех метров в секунду. И тем не менее энергичный украинский спортсмен с похвальной настойчивостью пробежал свои 10 тысяч метров при серой и мрачной погоде за 28 минут 59,2 секунды, не «дотянув» пяти секунд до мирового рекорда...»

Куц — второй человек в мире, преодолевший эту дистанцию быстрее 29 минут. Но все же второй! Сезон тем временем подходит к концу, и улучшить свои результаты Владимир уже не может.

А вот другие спортсмены могут! 23 октября Ихарош бьет рекорд Куца на пятикилометровой дистанции. Надо все же отметить, что соперники Ихароша по забегу, сильнейшие стайеры Сабо и Ковач, здорово ему помогли на дистанции. Несколько раз поочередно они лидировали в забеге, давая тем самым Ихарошу возможность накопить силы для нового броска. Как бы то ни было, но результат Ихароша оказался очень высоким — 13.40,6.

Так как Ихарош обладал исключительной скоростью на 1500 метров, Куцу, как казалось, трудно было рассчитывать на победу в состязании на пятикилометровой дистанции. Подобное мнение не раз высказывалось тогда в зарубежной прессе. Та же «Экип» задавалась вопросом: «Откажется ли Куц от борьбы на 5 тысяч метров? По плечу ли ему теперь эта дистанция? Весьма возможно, что откажется. Нужно думать, что советский чемпион сосредоточит свои усилия в беге на 10 тысяч метров, где ему пока нечего опасаться венгерской коалиции».

Итак, несмотря на старание и ряд выдающихся результатов, сезон 1955 года Куц закончил, лишившись рекорда на 5 тысяч метров и не побив рекорда на 10 километров. Наступающий год обещал многое, и главное — XVI Олимпийские игры в Мельбурне. Это ставило перед Куцем, как и перед другими спортсменами, серьезные проблемы.

Во-первых, удастся ли акклиматизироваться в Австралии? Ведь условия там весьма отличны от средней полосы России, где привык тренироваться Куц. Во-вторых, соревнования легкоатлетов состоятся в конце ноября. Как

сохранить к тому времени форму? И не только сохранить. Ведь Олимпиада соберет всех сильнейших стайеров. К тому же вероятно, что кое-кто из зарубежных спортсменов попытается воспользоваться его тактикой и выиграть на финише. Словом, было о чем подумать.

Но главное — работать. И по заснеженным аллеям парка день за днем бегают плечистый человек в синей шерстяной шапочке: Владимир Куц тренируется.

У него уже стало обыкновением испытывать свою весеннюю форму в Венсенском лесу. Когда советская делегация прибыла в Париж, корреспонденты сразу же отметили: «Куц приехал худой». Действительно, вопреки обыкновению на этот раз ему удалось рано достичь «боевого веса» — 67—68 килограммов. Это отразилось и на результате кросса. Никто — Затопек, Ковач, Хромик — в этот мартовский день не смог с ним состязаться. Лидер победил с отрывом в 80 метров.

Весенние соревнования 1956 года Владимир неизменно выигрывал и, как правило, без борьбы. Острым, правда, было его состязание с А. Ануфриевым 23 мая в Киеве.

Куц повел бег, метрах в 15—20 сзади до середины дистанции за ним шел Ануфриев. Затем, к восторгу зрителей, Ануфриев сделал попытку обойти лидера, и остаток дистанции они прошли, пытаясь попеременно оторваться друг от друга. Все же победил Куц; его время — 29.18,2 — было лучшим в сезоне среди бегунов мира.

Вскоре после этого Куц в составе советской делегации выехал в Скандинавию. В Дании в соревновании с сильнейшим средневиком этой страны Гуннаром Нильсеном, несмотря на размокшую от трехдневного дождя дорожку, он показывает на трехкилометровой дистанции 8.03. Три дня спустя в Осло, состязаясь с Саксквиком, повторяет всесоюзный рекорд на этой же дистанции...

В Берген советские спортсмены приехали по просьбе местного легкоатлетического союза: болельщики Бергена еще никогда не видели советских легкоатлетов. И бергенцам крупно повезло.

В гостинице Владимир, к величайшему удивлению, увидел Гордона Пири — тот тоже собирался бежать на бергенском стадионе, жил здесь уже больше недели, освоился. В разговоре уверял, что думает о рекорде на 10 тысяч метров, но бежать может и на 5 тысяч.

Еще до состязания Пири случайно получил некоторое преимущество: пока английский спортсмен отдыхал и готовился к забегу, Куц несколько часов просидел в клетке лифта гостиницы, застрявшего между этажами. Естественно, изнервничался, боясь не успеть к началу соревнований. Лифт исправили, и в семь часов Владимир был на стадионе.

Под аккомпанемент небольшого дождя Куц и Пири начали бег; три местных стайера в расчет, конечно, не брались.

Первый круг преодолели быстро — за 60 секунд. Начальный километр пройден на предельной скорости — 2 минуты 36 секунд, второй — на 6 секунд быстрее рекордного графика Ихароша. Пири идет вплотную за спиной советского спортсмена. Тогда в начале третьего километра Владимир, как и прошлой осенью в Москве, переходит на вторую дорожку. Но, оказавшись впереди, Пири резко снижает скорость. Это не устраивает нашего бегуна, он думает о рекорде и вновь возглавляет бег.

Куц идет быстро, но выдерживает график. Однако и на десятом и на одиннадцатом кругах он слышит прямо за спиной характерное громкое дыхание соперника (Пири за эту манеру громко выдыхать воздух даже прозвали «Мистер Пуф-Пуф»).

После одиннадцатого круга график рекорда Ихароша превышен уже на восемь секунд. И бегунам и зрителям ясно: победитель становится мировым рекордсменом! Когда стайеры пошли последний круг, от шума на стадионе не было слышно удара колокола. Возможно, что ни Куц, ни Пири поодиночке не смогли бы в дождь поддерживать такую скорость, но ярость борьбы придавала бегунам силы. Советский бегун борется до последней возможности, но... за двести метров от финиша Пири обходит Куца!

Результат победителя — 13.36,8, у Владимира — 13.39,6. Оба показателя выше рекорда мира, но советскому спортсмену остается только поздравить англичанина.

Из поражения надо, конечно, извлечь урок: ведь второй раз английские стайеры сыграли с ним такую злую шутку.

...Преодолимпийский сезон в разгаре, результаты стайеров мира растут. Следует торопиться... 1 июля 1956 года на спартакиаде Москвы Владимир атакует рекорд на десятикилометровой дистанции. Несмотря на сильный ветер и отсутствие конкуренции, он показывает 29.01,4 — луч-

ший результат сезона в мире. Но через четыре дня из Будапешта приходит сногшибательная весть: Ихарош на этой дистанции добился 28.42,8, побив прежний рекорд сразу на 11,4 секунды!

Завоевать рекорд Куц пытается в конце июля в Киеве, где показывает 28.59,8...

Вторая пристрелка — 5 августа, в день открытия Спартакиады народов СССР. Около двадцати спортсменов начали бег.

День выдался ярким, солнечным. Дорожка, правда, оказалась мягковатой, да и соперники сразу же отстали. По ходу бега Владимир то опережал график мирового рекорда, и сообщения об этом будоражили зрителей, то отставал. Превзойти удалось только рекорд СССР. С результатом 28.57,8 Куц становился единственным стайером, трижды выходявшим из 29 минут.

Очень высокий результат (13.42,2), один из лучших за всю историю, показал он спустя несколько дней в беге на 5 километров и завоевал вторую золотую медаль спартакиады. Такие результаты, достигнутые при отсутствии конкурентов на дорожке, говорили и о блестящей форме, и об огромных возможностях бегуна. Комментаторы с удивлением отмечали то, казалось бы, странное обстоятельство, что на дистанциях Куц все время менял темп, делал ускорения, хотя бороться с соперниками ему не приходилось. Так отработывался новый вариант тактики, которая должна была обезоружить соперников на Олимпийских играх.

Наконец произошло то, что должно было произойти. 11 сентября 1956 года в Лужниках состоялся праздник, посвященный дружбе народов СССР и Индонезии. Забег начался с опозданием из-за футбольного матча, над Москвой опускались сумерки. Погода подходящая: сухо, не слишком прохладно.

Пять лучших советских стайеров на старте: Владимир Куц, Иван Чернявский, Евгений Жуков, Александр Ануфриев и Петр Болотников. Петр постепенно становится чуть ли не постоянным спутником Куца на соревнованиях.

Со старта вперед вышел Болотников, но не более чем на полкруга. Владимир занимает свое обычное место во главе цепочки спортсменов и ведет бег на очень высокой скорости. Болотников пытается поддержать темп, но после четырехкилометровой отметки отстает. Теперь Куц в

одиночестве, относительно, разумеется, так как сто тысяч зрителей, как один человек, переживают за него, поддерживают.

— Куц, Куц, Куц! — непрерывно несется с трибун.

После 5 тысяч метров спортсмен имел преимущество перед графиком Ихароша в шесть секунд, но затем темп снизился.

Зрители требуют поднажать, и Куц выполняет их волю. Шум совершенно стихает, когда диктор торжественно произносит:

— После девяти километров Владимир Куц идет впереди графика Ихароша на четыре с половиной секунды!

Общий крик сотрясает стадион, зрители встают. Наконец последняя прямая. Все!

На финише, как всегда, Владимир победно поднимает руку, его забрасывают букетами цветов. Сверяются секундомеры: установлен новый мировой рекорд — 28.30,4. Прежний превзойден сразу на 12,4 секунды! Не прошло и пяти минут, а победитель, надев свитер, делает круг почета по дорожке. Скорость — 65 секунд, как и на дистанции! Запас сил у спортсмена, видимо, не исчерпан..

Этим рекордом Куц на длительное время как бы подвел черту в споре стайеров за обладание высшим достижением: только в 1960 году Петру Болотникову удастся улучшить результат товарища.

7

Рекордсмен обнародовал свое намерение претендовать на Олимпиаде на две медали: в беге на 5 и 10 тысяч метров. Надо теперь готовиться.

Наиболее сильными из возможных соперников перед Олимпийскими играми следовало считать венгров Ковача и Сабо, австралийцев Лоуренса и Стивенса и, конечно, Пири и Чатауэя. Можно было предположить, что английские спортсмены, да и не только они, постараются идти прямо за спиной у лидера, а затем решить все на финише. Понимая, что он обладает приблизительно одинаковой с основными конкурентами тренированностью и выносливостью, Куц решил обыграть их тактически и подготовил новый вариант бега. Намереваясь по-прежнему лидировать на старте, советский спортсмен предполагал затем резко и неожиданно менять скорость, переходить от равномерного движения к бегу рывками, что должно

было выматывать силы противника, не имевшего специальной подготовки.

До отъезда в Мельбурн в течение четырех месяцев спортсмен и тренер отработывали этот тактический вариант. К отъезду Куц находился в отличной форме: весил 67—68 килограммов, пробегал 400 метров быстрее 60 секунд и по нескольку раз. При этом на дистанции, не сбивая дыхания, он делал рывки, ускорял, когда хотел, и замедлял бег.

...Столица Олимпиады встретила спортсменов нежаркой погодой, весна еще только наступала на южном континенте. Но все знали об изменениях температуры, свойственных этому месту планеты, и задавались вопросом: удастся ли вовремя акклиматизироваться? Правда, до 22 ноября, начала игр, времени оставалось еще достаточно, и все же мысль о возможности сохранить форму мучила Куца, да, конечно, и всех спортсменов.

На следующее утро состоялось знакомство с олимпийской деревней. Это целый городок с 800 домами, расположенный довольно далеко от Сити, центра города. Вся деревня обнесена забором, охраняется солдатами и полицией, что вполне разумно, так как местные жители не дали бы покоя гостям.

Давний знакомый Куца, австралийский бегун Дейв Стивенс, на правах хозяина стремился помочь советскому спортсмену. На следующий день Владимир отправился на тренировку и сразу же встретил... Гордона Пири. Оказывается, он уже месяц живет в Австралии, хорошо чувствует себя. Об уверенности Пири в собственных силах и честолюбивых устремлениях можно было судить и по статьям в газетах.

Начались тренировки, минул день, другой, пять дней, но самочувствие Куца не улучшалось. Никифоров был уверен, что скоро все пройдет, но подопечный его несколько нервничал: чувствовал себя физически слабее, чем обычно, словно и не было тщательной и всесторонней подготовки. Кроме того, спортсмену явно не хватало привычных лесных просторов, где он всегда тренировался, лесного воздуха.

Правда, Стивенс, в первой тренировке занимавшийся рядом с советским спортсменом, был другого мнения о его физической форме. Сделав 13 раз по 400 метров, он

сошел с дорожки, заявив, что не может поддерживать такой темп.

— Пири, — говорил он, — тоже не выдержал бы подобной нагрузки.

Стивенс нашел и более удобное место для тренировки; работая развозчиком молока, он хорошо знал город и привез Владимира на небольшой ипподром, расположенный в долине и окруженный деревьями. Почему-то Куцу это место напоминало родину. Хозяин ипподрома, узнав, что русский бегун хотел бы тут час-другой тренироваться, был гостеприимен:

— Тренируйся сколько надо, лишь бы медали завоевал.

Через десять-одиннадцать дней по приезде в Мельбурн Владимир почувствовал прилив новых сил. Но тут произошло событие, чуть ли не лишившее его возможности участвовать в играх.

За три дня до начала игр, 19 ноября, спортсмен собирался ехать на тренировку. Репортер одной из австралийских газет, чтобы получить редкую фотографию, попросил его сесть за руль машины, в которой уже расположились Никифоров и Стивенс. Будучи страстным автомобилистом, Куц охотно согласился. Хозяин автомобиля, местный житель, обслуживавший советскую делегацию, уступил место. Спортсмен сел за руль, включил мотор, не учтя, во-первых, что руль в машине расположен справа, а во-вторых, что двигатель ее в два с лишним раза мощнее привычной «Победы». Машина рванулась и... врезалась в столб. Раздался звон стекла, водитель ударился грудью о руль. Пришлось грудь перебинтовать, но от тренировки Владимир не отказался. Не мог он позволить себе этого за четыре дня до старта. В этом весь Куц.

Когда он возвратился со стадиона, то в руках у товарищей увидел экстренные выпуски газет: «Куц разбился в автомобильной катастрофе!», «Советский фаворит выбыл из игры накануне главного старта!» Владимир вечером появился в олимпийском клубе, чего обыкновенно не делал. Он пригласил танцевать известную австралийскую бегунью Ш. Стрикленд! Сообщения газет были опровергнуты...

Журналисты и до этого не обходили вниманием советского стайера. Обозреватели, конечно, включали его в число претендентов на победу, но в целом шансы спортсмена оценивались гораздо ниже, чем у Пири. Для характе-

ристики силы и выносливости Пири у австралийских и других газет просто слов не хватало. Спортивные прорицатели не только отказывались верить в возможность успеха Куца, они не стеснялись называть его «человеком машиной», «роботом», человеком, располагавшим лишь примитивной тактикой новичка, который, бросаясь сломя голову со старта, не способен победить «мыслящих» бегунов. Под последними подразумевался прежде всего Пири.

XVI Олимпийские игры открылись 22 ноября. Настоящим праздником стала церемония открытия, и она запечатлелась в памяти у всех, кому посчастливилось быть в этот день на стадионе «Крикет-Граунд». Но Куц не видел торжества: ведь через сутки старт!

На следующий день в 17 часов 40 минут 23 спортсмена из 14 стран собрались на дорожке. От Советского Союза в беге на 10 тысяч метров выступают В. Куц, И. Чернявский и П. Болотников.

Выстрел! И бегун с номером 200 рванулся вперед: первый круг он проходит в темпе хорошего средневика — 61,4 секунды! Такой темп привычен Куцу, но не по плечу большинству участников забега. В высоком, но равномерном темпе советский стайер ведет бег; второй круг — 68,6 секунды, третий — 68,8, четвертый — 68,0... Поначалу сзади целая группа бегунов: Чернявский, Болотников, Лоуренс, Ковач, Кшишковяк. Но ближе всех, прямо за спиной, чувствуется дыхание Гордона Пири. Англичанин верен себе, он будет неотступно следовать сзади и так надеется повторить свой успех в Бергене.

Нет, Куц не может позволить этого и на пятом круге делает ускорение — 64,8 секунды. Два километра пройдены за 5 минут 31 секунду. Такая скорость под силу бегунам на 5 тысяч метров, а здесь вдвое большая дистанция, и от Владимира метров на 30 отстают все участники... кроме Пири! На шестом круге ответным рывком англичанин настигает лидера, и трибуны шумно приветствуют этот рывок. Снова Куц затылком ощущает дыхание соперника.

Тогда он решает проверить намерения Пири: не хочет ли тот возглавить бег? Куц резко сбавляет темп (шестой круг — 71,6 секунды), настолько резко, что шиповка англичанина задевает ногу Куца. Преследователь тоже замедляет бег; воспользовавшись этим, лидеров догоняют Ковач, Лоуренс, Чернявский.

На седьмом круге советский спортсмен уходит вправо, на вторую дорожку, тем самым приглашая Пири возглавить бег. Но англичанин следует сзади. Все ясно: соперник будет выжидать сзади. Тогда на восьмом круге Куц наращивает темп, предлагает длинное ускорение 68,6; 67,6; 67,9; 67,6... Равномерность графика доказывает, что советский бегун полностью сохраняет инициативу и выдержку. Но этого не понимает публика. Раз Пири по-прежнему упорно держится за спиной лидера, как и предполагалось, значит, все в порядке: Пири — кошка, Куц — мышка. Стадион переживает за английского спортсмена, и только немногие — за Куца.

После одиннадцатого круга Куц и Пири сильно отрываются от других бегунов. Отметку в 5 тысяч метров они проходят за 14 минут 6,6 секунды: результат, равный олимпийскому рекорду на этой дистанции. Но впереди еще столько же! Если бы Пири придерживался другой, более смелой спортивной тактики, то в этом забеге, несомненно, мог бы родиться очень высокий результат. Но куда там!

Пири не думает рисковать. Поддерживаемый болельщиками, он неукоснительно держится за спиной у Куца.

— Пири! Пири! — сотрясается стадион от крика.

Скорость падает: 12-й круг — 70,0; 13-й — 71,7; 14-й — 71,8... Но англичанин не выходит вперед, ему кажется, что он нашел верный способ достичь олимпийской медали. Но он ошибается. Хорошая спортивная злость овладевает Куцем: 15-й круг он пробегает за 66,6 секунды. Он будет выматывать «рваным» темпом преследователя, он не даст сопернику бежать равномерно и сохранить силы!

Только опытные специалисты видят, с каким трудом в этот раз Пири настигает лидера, но все же ему это удастся. А Куц теперь резко замедляет бег: 16-й круг — 73,4 секунды. Происходит редкостный случай — советский спортсмен вновь уступает первую дорожку сопернику и жестом приглашает его возглавить бег. И вновь Пири не принимает вызова. Публика, решив, что борьба окончена, что Куц вот-вот сойдет с дорожки, заходится от восторга...

Владимир ускоряет бег, 17-й круг пройден за 68,6 секунды. Пири не отстает. До финиша чуть более трех километров, от преследователя уйти не удастся, однако Куц спокоен. Силен соперник, но сломаться он должен!

Многие месяцы отрабатывал Куц эту тактику, не может быть, чтобы она подвела... Скорость опять снижается: 18, 19, 20-й круги пройдены за 72,7; 71,6; 73,1 секунды. В конце двадцатого круга лидер снова уступает дорожку Пири — тот следует за ним; советский бегун уходит на третью дорожку — англичанин следом, на четвертую — то же самое. Куц возвращается на первую — Пири тоже, он готов бежать зигзагами, только бы не лидировать. Но он уже и не может лидировать!

Однако Куц в этом еще не уверен — надо хотя бы увидеть лицо соперника. И он решается на крайнее средство — почти прекращает бег. Мгновение Пири недоумевает, но не останавливается же, и он выходит вперед. Теперь видно, насколько измотан английский соперник.

Не более ста метров Пири впереди. Куц начинает наращивать скорость и вскоре обходит англичанина. 21-й круг лидер пробегает за 69,6 секунды, 22-й — за 67,4... Замолчали трибуны, и это понятно: Пири не может больше поддерживать скорость, он отстает. Это придает Куцу еще больше сил, их теперь не надо экономить на финишный рывок. 23-й и 24-й круги — небольшая передышка (69,2; 70,0). На финише можно и прибавить: последний круг он пробегает за 66 секунд ровно. Выбрана победно вверх рука — есть первая олимпийская золотая медаль!

Трибуны снова ревут: зрелище великой спортивной драмы никого из ста тысяч болельщиков не оставило спокойным. Под этот рев заканчивают дистанцию другие спортсмены: на финише, к величайшему огорчению австралийцев, И. Ковач обходит А. Лоуренса, четвертым финиширует З. Кшишковяк, пятым — К. Норис, шестым — И. Чернявский...

А где же Пири? Поединок с Куцем измотал англичанина так, что он еле добежал до финиша, не обращая внимания на обходящих его один за другим соперников. Пири был только восьмым. Журналистам он сказал: «Он убил меня своей быстротой и сменой темпа. Он слишком хорош для меня. Я бы никогда не смог бежать так быстро. Я никогда не смог бы побить его. Мне не надо было бежать десять тысяч метров».

Куц не выглядел уставшим: под бурные приветствия зрителей он совершил еще и круг почета. Что же, он доказал, и не на словах, а делом, в присутствии сотни тысяч свидетелей, что на дорожке он мыслит быстрее и

лучше всех, что он побеждает тем оружием, которое намеревались применить против него. Теперь на глазах у австралийцев и гостей Олимпиады советский спортсмен обнимал по-дружески и поздравлял соперников, с которыми только что вел жестокий бой на дорожке.

Олимпийского чемпиона плотным кольцом окружили фотокорреспонденты. Застенчиво улыбаясь, он позволял себя фотографировать, затем сел на землю и стал снимать шиповки. Задолго до старта, еще в Москве, он приготовил для этого забега новенькие туфли и носки. Сейчас, после 10-километровой баталии, подошва на туфлях еле держалась, а на одном носке виднелась дыра. Владимир смутился, тем временем кто-то из фотокорреспондентов не замедлил щелкнуть затвором аппарата...

Куц стоит на пьедестале почета. Переполненный стадион приветствует его. Звучит советский гимн, и медленно поднимается вверх флаг нашей Родины. Только тут полностью осознается величие подвига, совершенного нашим героем. Да, он победил прославленных спортсменов, каждый из которых имел шансы на успех; его результат — 28.45,6 — более чем на полминуты превосходит олимпийский рекорд 1952 года; он открыл счет золотым медалям советских спортсменов на XVI Олимпийских играх; он был первым советским спортсменом, завоевавшим золотую медаль среди мужчин в состязаниях по легкой атлетике. Но главное — здесь, в далекой стране, где сильны предубеждения и предрассудки в отношении нашей Родины, его победа имеет особое значение. Владимир Куц, в прошлом солдат, теперь лейтенант, победил, и впервые в Австралии в присутствии такого числа людей звучит Гимн Советского Союза!

Только через несколько часов весть о триумфе достигнет Москвы, и тогда поток поздравительных телеграмм устремится в Мельбурн.

Наутро мельбурнские газеты вышли с заголовками: «Триумф Владимира Куца!», «Русский моряк — кумир мельбурнцев!» Были и такие: «Все любят моряков. Потому что Куц — офицер Военно-Морского Флота». Точно так же реагировали и другие газеты. Французская газета «Экип», еще за день до этого безапелляционно предсказывавшая победу Пири, теперь писала: «Борьба, в которую вступили Куц и Пири, напоминала скорее беспощадный матч бокса, нежели легкоатлетический бег. Как жаль, что на этом чудесном зрелище могли присутство-

вать только сто тысяч зрителей. Это особая дуэль заслуживала того, чтобы за ней наблюдал весь мир. Куц побил Пири один на один... Редко победитель производит впечатление такой неодолимой силы».

Газеты поместили несколько фотографий чемпиона. Один иллюстрированный журнал опубликовал даже фото, где крупным планом воспроизводилась дырка на его носке... Некоторые органы западной пропаганды стремились погасить эффект от победы советского стайера. Впрочем, не только они. Эту же цель преследовали и разведывательные службы некоторых стран. В номера, где жили члены нашей делегации, подбрасывали антисоветскую литературу, спортсменов пытались втягивать в сомнительные разговоры. Когда это не помогало, в ход шла «тяжелая артиллерия»...

Стройная элегантная блондинка попала навстречу Куцу каждый раз при выходе из олимпийской деревни. Однажды, когда он спешил на тренировку, блондинка заговорила с ним на чистейшем украинском языке. Оказывается, они земляки, ее папа тоже с Украины, там у него «своя» земля, видите ли, осталась. Не может ли герой Олимпиады оказать честь, уделить хоть полчаса?

— Сейчас у меня тренировка! — отрезал спортсмен.

Но вечером его вызвали к выходу из олимпийской деревни. Та же блондинка приглашала его «отпраздновать победу».

— Мой папа ждет нас в машине, он будет очень рад земляку...

Улыбалась «землячка» очень старательно, но осторожность не покинула Куца:

— Извините, я строго придерживаюсь режима, и через час мне надо быть в постели.

«Землячку» он увидит еще раз, но совсем в других обстоятельствах.

Покуда газеты обсуждали результаты бега на 10 тысяч метров, Владимир готовился, и очень серьезно, к следующему состязанию. Впрочем, даже после триумфа 23 ноября шансы Куца на победу на второй дистанции оценивались в прессе не слишком высоко. Сам он по скромности считал, что и венгры М. Сабо и Л. Табори, и англичане К. Чатауэй и Д. Ибботсон, не участвовавшие в предыдущем состязании и не затратившие столько сил, имеют не меньшие, чем он, шансы на победу. И конечно, Пири постарается взять реванш — англичанин все еще уверен в

своих силах: ведь на 5 тысяч метров мировой рекорд принадлежит ему. Видимо, поражение мало чему научило Пири, так как он позволил себе заявить: «Все противники в финале будут серьезными, и в том числе, конечно, Куц. Но я победил его уже один раз в этом году и не очень беспокоюсь о нем сейчас».

Когда Владимир узнал об этом заявлении, он только усмехнулся:

— Посмотрим...

8

Действительно, после предварительных забегов (их было три) у малосведущих людей могло сложиться впечатление, что Куц устал. 26 ноября в предварительном забеге он избрал ровный и достаточно быстрый темп, вел бег, но не стремился оторваться от соперников. За 600 метров до конца дистанции австралиец А. Лоуренс поравнялся с лидером; некоторое время спортсмены бежали бок о бок, а на финишной прямой, к величайшему восторгу малоопытных, но темпераментных зрителей, австралиец обошел гостя. Даже специалисты поддались искушению ниспровергнуть кумира, настолько это было соблазнительно. Английский специалист по легкой атлетике Ф. Стэмпфл, к примеру, писал: «У меня создалось впечатление, что Куц устал и что сказочная победа на 10 тысяч метров лишила его сил. Я не удивлюсь, если мы увидим его провал в финале бега на 5 тысяч метров».

Куц же просто экономил силы: ведь из каждого забега в финал выходили по пять человек и не было смысла «выкладываться». Но в то же время не следовало самообольщаться. Какой тактики придерживаться в финале? Ясно, что столь блестяще оправдавшийся вариант с изматыванием соперников «рваным» темпом вряд ли применим в финале на 5 тысяч метров. Во-первых, дистанция вдвое короче, и времени на изматывание, конечно, меньше. Во-вторых, такая тактика была уже не нова, и соперники поодиночке, а может, и в компании, попытаются, лидируя попеременно, не дать ему оторваться. На финише, и это Куц хорошо понимал, и английские и венгерские бегуны обладают преимуществом — у них более высокая скорость на 1500 метров.

Впоследствии Куц писал, что задолго до Олимпиады с карандашом в руках вместе с тренером «пробежал» эту дистанцию за письменным столом много-много раз. На-

бралось 12 вариантов бега, и только в двух из них можно было надеяться на успех. Решили, что с самого начала следует возглавить бег и вести его на предельной скорости, к которой готов он. Куц, и которую не должны, не могут выдержать соперники. Итак, расчет на выносливость.

...День 28 ноября — облачный, но солнце все же проглядывало. В 16 часов 45 минут на старт вышли 14 бегунов (А. Лоуренс из-за травмы не участвовал в финале). Бегуны бросились вперед, и сразу же выяснилось, что на этот раз Куцу не удастся оторваться от всей группы. Пирри, Ибботсон, Чатауэй, Сабо, Табори понимали, что этот «орешек» в одиночку им не разгрызть, и, вольно или невольно, все вместе повели борьбу с одним человеком — Куцем.

На первом вираже они загородили ему дорогу, но, начав бег в достаточно высоком темпе (200 метров — 30,8 секунды, круг — 63,2 секунды), советский спортсмен все же прорвался и возглавил группу. На отметке 600 метров Табори захватил лидерство, и скорость сразу же упала. Куц все понял: попеременно лидируя, соперники будут тянуть до последнего круга, а там, пользуясь превосходством в скорости, обойдут его. Тогда Куц применяет тринадцатый, не предусмотренный вариант: оторваться от основной группы и на предельной, но равномерной скорости устремиться к финишу.

Итак — вперед! Следом, как и пять дней назад, Пирри, за ним Ибботсон, Чатауэй. Положение хуже, чем в беге на 10 тысяч метров: теперь лидера преследуют не один, а целая группа прекрасных подготовленных спортсменов. Каждый из них может обойти Куца, но никто не пытается этого сделать. Как велосипедисты на треке в гонке преследования, они попеременно лидируют. Советскому спортсмену остается только придерживаться высокой скорости.

Первый километр он преодолевает легко — за 2.40. два километра — за 5.26. Английские спортсмены сзади, они надеются не упустить советского бегуна. Он не снижает темпа: третий километр пройден за 2.45. Вновь и вновь Куц пытается оторваться от преследователей. Им удастся держаться вблизи от лидера, но с каждым кругом все сильнее сказывается непосильная скорость. Венгр Сабо тем временем догоняет головную группу.

На восьмом круге Куц чувствует, что кто-то пытается

его обойти. Кто же этот смельчак? Это огненно-рыжий Чатауэй! Ну что же, пусть попробует! Куц не отвечает на рывок соперника, он бежит все в том же, но предельно высоком темпе. И Чатауэй не выдерживает, спурт обходится ему очень дорого, на финише он будет только одиннадцатым!

В отчаянии Пири и Ибботсон пытаются имитировать рывки, но и на это Куц не отвечает, он бежит все так же быстро и, главное, равномерно. Четвертый километр — 2.46.

К концу десятого круга вдруг Куц осознает: вблизи, сзади, за ним уже никого нет! Тактика оправдалась, и расстояние между лидером и его преследователями увеличивается: 20, 30, 40 метров. Бьет колокол — остался последний круг, и подвосторженные крики зрителей Куц еще наращивает скорость. Да, реакция публики в корне отлична от той, что сопутствовала бегу на 10 километров. Теперь все понимают, что стали свидетелями выдающихся достижений большого спортсмена, и приветствуют его от всей души. Это, в свою очередь, вдохновляет бегуна в майке под номером 200, и последний круг он делает с блестящей для стайера скоростью — за 62,6 секунды. Белая финишная ленточка уже на груди советского спортсмена, вновь он торжествующе выбрасывает вверх руку, а соперники только еще вышли на финишную прямую.

Стоя, аплодирует победителю стотысячный стадион, а бегун снова делает круг почета. Фотокорреспонденты, спешащие запечатлеть героя, не поспевают за ним...

Ждут точных результатов бега. Вот на электрическом табло медленно вспыхивает надпись:

1. В. Куц — СССР — 13.39,6

* 2. Г. Пири — Великобритания — 13.50,4...

Можно быть довольным: повторен всесоюзный рекорд, на 27 секунд превзойден рекорд олимпийский... А Куц недоволен — мировой рекорд по-прежнему у Пири, менее трех секунд не дотянул до него сегодня советский спортсмен. Если бы не эта мягкая дорожка!...

Но на окружающих — зрителей, спортсменов, журналистов — достижение Куца производит потрясающее впечатление. Теперь в заголовках газет, в тексте статей нет и воспоминаний о «безжалостной машине», теперь бегун выдаются оценки одна другой выше.

«Экип»: «Мы присутствовали при триумфе наиболее могучего бегуна на длинные дистанции, который когда-

либо существовал. Какой человек мог бы пробежать 5 и 10 тысяч метров, как это сделал Куц? Это чудо! Невозможно быть более бойцом, чем Куц. Это дьявольский человек...»

«Эйдж»: «Куц, герой 10 000 м, сумел стать легендарным своей победой на 5000 м. Выступление Куца на дистанции в 10 000 м задало тон для всех соревнований на играх — тон упорной борьбы, требующий железной воли и максимальных усилий. Вчера он снова проявил эти качества в высшей, почти нечеловеческой степени.

И снова изумительный русский бегун после финиша сделал круг почета, тогда как другие бегуны, пришедшие за ним, без чувств валились на траву...»

«Геральд»: «В Куце есть что-то от человека прошлого, что-то от древних спартанцев, которые были готовы скорее пасть мертвыми, чем признать свое поражение...»

В статье «Куц — кошка, Пири — мышка» Баннистер писал: «Куц не машина. Его мозг столь же прекрасно подготовлен, его мышление столь же совершенно, как и его тело... После финиша маска, защищающая его от внешнего мира, спала с его лица, и мы увидели удивительно счастливую, заразительную улыбку... Куц — величайший бегун мира».

Даже тот журнал, что после бега на 10 тысяч метров опубликовал фотографию дырявого носка на ноге Куца, 8 декабря разразился статьей «Русский чудо-спортсмен», сопроводив ее несколькими фотографиями финального забега на 5 тысяч метров.

Сам же Куц оценивал свои достижения гораздо скромнее и... серьезнее. Вот что говорил он на приеме в ратуше, где сотни жителей города — членов Общества советско-австралийской дружбы — собрались приветствовать советских спортсменов.

— Короткую или длинную дистанцию выбирает себе каждый до цели — важно хотеть победить. Это очень непросто. Вам понравился мой бег на 10 тысяч метров. Не выдам вам секрета, если скажу, что мне приходилось много сотен раз пробегать и по 20 километров, чтобы потом зрителям показалось, будто бежать мне на дистанции очень легко. Я выступал во многих странах мира, бывал и первым и вторым, но всегда оставался верным принципу: чтобы суметь, надо хотеть; чтобы хотеть, надо уметь.

Это не игра слов, это истина. Человек многое мо-

жет. Если рядом товарищи, если идет честная спортивная борьба, прибавляются силы. Спортсмены показывают миллионам своих почитателей, каких прекрасных результатов можно добиться, если ты в ладах с физической культурой. В нашей стране гармоническое развитие личности — задача и политика всего общества. Вот почему у нас каждый хороший спортсмен выполняет не только чисто спортивную, но, если хотите, и политическую работу — он утверждает в людях веру в громадные возможности человека...

Популярность советского бегуна в Австралии сразу же достигла невиданных и, что скрывать, нередко обременительных для него масштабов. Любители автографов охотились за ним с особым рвением, и если ускользнуть не удавалось, то приходилось часами надписывать протягиваемые со всех сторон листки, блокноты, открытки. Случались и курьезы.

...В ту пору автомобилей в городе было так много, что близко к стадиону подъехать можно было только по специальному пропуску. Но машине, в которой сидел Куц, пропуска не требовалось: как только машину останавливали, шофер произносил с достоинством только одно слово «Куц» и указывал на сидящего рядом спортсмена. Полицейские неизменно козыряли и пропускали машину. Но однажды, услышав имя знаменитого спортсмена, страж порядка машину задержал, полез в карман, достал книжечку с квитанциями уплаты штрафов... и попросил чемпиона расписаться на бланке. Автографы собирали и полицейские.

В другой раз по пути на стадион Владимир обнаружил, что у него нет носового платка. При тридцатиградусной жаре — это ощутимое неудобство, но и легко поправимое. Остановившись у первого попавшегося магазина, Куц забежал в него, был тут же узнан и окружен продавщицами во главе с хозяином. Поначалу спортсмен не мог понять, почему они с таким старанием предлагают ему купить самые разнообразные и ненужные вещи. Но с помощью переводчика осознал: хозяин магазина был на стадионе, получил огромное удовольствие от зрелища и сейчас предлагает в дар советскому спортсмену все, что тот пожелает. Это, мол, будет ему приятно. Владимир поблагодарил, купил платок и поспешил покинуть магазин.

Возвращаясь со стадиона, он с изумлением увидел в

витрине этого магазина огромный плакат, призывавший прохожих покупать только такие носовые платки, какие приобрел здесь герой Олимпиады, русский бегун Владимир Куц! Но гораздо досаднее было то, что на следующее утро у ворот в олимпийскую деревню его осадила толпа поклонников и каждый протягивал для автографа точно такой же носовой платок. Проклиная свою неосторожность, Куц три часа расписывался на этих платках...

Время для знакомства с Мельбурном и страной у Владимира теперь было. Довелось побывать ему и в оперном театре, где шел «Дон Жуан» с участием выдающихся итальянских певцов. Но и театр не остался в стороне от спорта: по окончании спектакля артисты и режиссер вышли на сцену, повернулись к ложе, где находился Куц, и стали аплодировать. Зал присоединился к ним, приглашая героя Олимпиады на сцену. Вот как вспоминал об этом сам Куц:

«Смутившись, красный как рак, я полез на сцену. Мне легче было бы пробежать еще раз 10 тысяч метров, чем стоять и раскланиваться перед этой нарядной публикой. Обняв меня, главный режиссер попросил тишины. Он сказал несколько слов, которых, разумеется, я не понял, но как-то невольно закивал головой. «Хоть бы какого-нибудь захудалого переводчика сюда, — подумал я, — а то такого наживаешь, что сам черт потом не разберется». Но, наверно, ничего криминального режиссер не говорил: я уловил слово «килемеэтрс», значит, речь шла о километрах. Это уже легче, как-никак из своей спортивной стихии. Не успел режиссер закончить, как зал потряс гром аплодисментов. Я стоял истукан истуканом, не решаясь ни кивать, ни кланяться, ни уйти. Тогда артисты, окружив меня, стали скандировать: «Куц ЮССАР!» О, это я отлично понимал «Куц, СССР!». Зал подхватил, зал скандировал: «ЮССАР». Вся публика стоя выражала восторг, аплодируя Советскому Союзу».

Советские спортсмены стремились по возможности больше встречаться с простыми людьми Австралии. Ездили в гости к австралийцам, на устраиваемые в их честь вечера, экскурсии. Не раз бывал на таких встречах и Куц.

Приглашения поступали отовсюду, и их было столько, что двукратный олимпийский чемпион однажды подсчитал: если он откликнется на все и побывает в гостях хотя бы по дню, то ему потребуется «всего лишь» три-

дцать лет! Приходилось выбирать наиболее важные; таким оказалось приглашение докеров Сиднея.

7 декабря пять советских спортсменов и два журналиста прилетели в Сидней. Встреча с докерами началась в порту, сразу после окончания смены. Огромная толпа сильных мужчин окружила советскую делегацию. Атмосфера была самой сердечной.

Вечером сиднейские коммунисты организовали банкет. И на нем рабочие с пристальным вниманием вслушивались в речи посланцев Страны Советов. Для многих происходившее было откровением; надо помнить, что речь идет о 1956 году, когда атмосфера «холодной войны» ощущалась во всем, когда о нашей Родине, о жизни советских людей буржуазная пресса не стеснялась писать самую беззастенчивую и наглую ложь. А тут советские спортсмены, простые и доступные люди. И в то же время они герои Олимпиады, одержавшие победы над многими прославленными спортсменами капиталистического мира.

Разумеется, отнюдь не всем нравилось такое общение советских людей с австралийскими рабочими, в этом Куц имел возможность убедиться тут же.

На импровизированной сцене устроители банкета преподнесли ему подарок: небольшую скульптуру, изображающую трех победителей Олимпийских игр на пьедестале почета. Куц возвратился к столику, сел и вдруг заметил, что к нему направляются уже знакомая нам блондинка-«землячка» и другая женщина, одетая во все черное и явно нетрезвая. Блондинка, однако, не дойдя, исчезла на балконе, а женщина в черном подскочила к столику и швырнула на него сумку, из которой тотчас же вылезли восемь крыс, вымазанных красной краской:

— Это тебе, красному, коммунисту! — прохрипела она по-русски.

Крысы расползлись по столику, а с балкона вдруг раздались свист и антисоветские выкрики. Но хозяева банкета быстро восстановили порядок, вышвырнув из зала провокаторов. Банкет продолжался до четырех часов утра. Когда советские люди покидали зал, сотни людей приветствовали их. Из газет на следующий день стало известно, что задержанная полицией женщина в черном — эмигрантка из СССР, промышлявшая в Сиднее проституцией. За скандал ей посулили 60 фунтов стерлингов...

Советская команда первенствовала на XVI Олимпийских играх. Только золотых медалей советские спортсмены завоевали 37!

На параде во время торжественного закрытия играх наша делегация нес Владимир Куц.

11 декабря 1956 года теплоход «Грузия», на борту которого находилась советская спортивная делегация, покинул Мельбурн. Остались позади спортивные баталии, напряженнейший, затянувшийся на многие месяцы сезон. Можно бы, кажется, и отдохнуть. Но что такое? По утрам, едва рассветет, на палубе слышен топот — это тренируются бегуны. Среди них и Куц. Впрочем, тренировались, как могли, и борцы, и штангисты, и гимнасты. В часы отдыха устраивали концерты, танцевали. Не обошлось и без традиционного при пересечении экватора праздника Нептуна. Куц тоже побывал в бассейне и получил соответствующий диплом, удостоверявший, что «Куц В. П. на теплоходе «Грузия» 19 декабря 1956 года в 16 часов пересек экватор на долготе 157°06' наших владений и принял издревле нами установленное традиционное Морское Крещение».

Советских спортсменов ждала встреча с Родиной. Владимир Куц мог быть доволен собой. Почти на каждой Олимпиаде появлялись свои герои. В 1924 году — финн Пааво Нурми, завоевавший пять золотых медалей; в 1936 году — Джесси Оуэнс, ставший четырежды чемпионом. В Мельбурне были спортсмены, получившие по три и более золотых медалей. И все же героем Олимпиады, по всеобщему признанию, стал Куц. Бег на длинные дистанции, и до этого пользовавшийся вниманием публики, теперь стал одним из самых популярных спортивных зрелищ. Неудивительно, что согласно опросу, организованному американским агентством Юнайтед Пресс, титул «спортсмена № 1 в 1956 году» подавляющим большинством голосов получил Куц.

Советский спортсмен думает уже о будущем. В новогодней анкете он пишет: «Сейчас я поставил перед собой задачу улучшить в 1957 году рекорд в беге на 5 тысяч метров до 13 минут 35 секунд — 13 минут 30 секунд и на 10 000 метров до 28 минут 25 секунд — 28 минут 20 секунд». Никто особенно не удивился этому заявлению, настолько всерьез привыкли относиться к словам чемпиона. Обстоятельства, к сожалению, не позволили Куцу полностью осуществить задуманное.

В феврале 1957 года двукратному олимпийскому чемпиону исполнилось 30 лет — возраст критический для легкоатлета даже такого ранга. Правда, известны случаи, когда и после тридцати стайеры показывали высокие результаты, но тут для каждого свой удел и свой предел. Задумался об этом и Куц, стал искать, советоваться с тренерами, пробовать другие варианты подготовки. По его собственному признанию, ничего не выходило и, видимо, не в последнюю очередь из-за отсутствия специального образования. И вот в тридцать лет начинает Куц учиться: сдает экзамены за седьмой класс, делает то, что не позволила ему своевременно завершить война. Трудно в таком возрасте стоять у доски, заниматься вместе с мальчишками, но делать нечего — Владимир не привык отступать. Он заканчивает седьмой класс, и это дает возможность сдать экзамены в школу тренеров при Московском институте физической культуры.

Тренировки, разумеется, спортсмен не прекращает.

В Сочи в феврале 1957 года собрались все сильнейшие стайеры — шла подготовка к кроссу «Юманите». Товарищи Куца, все моложе его, с удивлением заметили, что олимпийский чемпион не в форме. Петр Болотников впоследствии вспоминал, какое удовольствие доставляло им на тренировках обходить всемирную знаменитость. Но то было на тренировках.

Париж встретил Куца овациями, журналисты не оставляли его в покое. Ожидания оправдались: в забеге в Венсенском лесу никого из соперников ближе, чем на 60 метров, он не подпустил и был первым! В одной из спортивных газет появилась статья, озаглавленная «Куц собирается отобрать рекорд у Пири!». Советский спортсмен не скрывал таких планов. Но...

Серьезная болезнь желудка на время вывела его из строя. Беда не приходит одна: в санатории врачи установили — слабо пульсирует кровь в сосудах ног. Это сказывалось «купание» в ледяной воде Балтики.

— Бросьте бег, если думаете жить, — советует врач.

Но как бросить бег, если это содержание всей жизни?

Несколько месяцев в разгар сезона спортсмен не появляется на соревнованиях, но тренируется упорно, настойчиво и целенаправленно. Как бы предчувствуя, что бегать осталось недолго, Владимир думает об одном: вер-

путь рекорд на 5 тысяч метров. Но для начала избирает другую дистанцию. 24 августа, впервые после перерыва выйдя на старт в Лондоне во время матча СССР — Великобритания, олимпийский чемпион бежит десятикилометровую дистанцию и побеждает со временем 29.13,2. Спортивный мир в ожидании — Куц снова в форме. Но спустя несколько дней...

28 августа в Москве на первенстве СССР он встречает достойного конкурента. Петр Болотников также тренировался у Никифорова. Перед соревнованием Никифоров как человек и тренер оказался в нелегком положении: хорошо подготовлены были оба спортсмена. По свидетельству Болотникова, тренер сказал ему:

— Хочешь выиграть — не отпускай Володю. Но вперед не выходи, не тот случай!

Куца тренер тоже предупредил:

— Хочешь выиграть у Болотникова — уходи на дистанции!..

Появление Куца среди бегунов вызвало бурное оживление на трибунах. Оно еще более усилилось, когда чемпион повел бег, а за ним неотступно держался Болотников. «Понял я состояние Пири в Мельбурне, — писал он, — рывки Куца выдержать невозможно. Один за другим. Не успел Володя окончить одно ускорение — начинает другое. Стало мне тоскливо. Но скоро я заметил: Куц начинает рывок, когда слышит за спиной мое дыхание. Быстренько приноровился к такому обстоятельству. Начинается очередной рывок, я его не принимаю, скорость наращиваю постепенно — это все-таки меньше изнуряет. Рывок закончился, а через минуту я уже наверстывал все, что Куц завоевал...»

Первые три километра спортсмены прошли лишь чуть медленнее рекордного бега Куца в сентябре прошлого года, затем скорость еще снизилась, и это, видимо, позволило Болотникову удержаться за лидером. Он тогда, несомненно, еще не был готов к достижению рекордных результатов. У Куца же в то время были другие намерения — вернуть рекорд на 5 тысяч метров. На это и были направлены его тренировки.

Напряжение на стадионе возросло предельно, когда за четыре круга до финиша вперед попытался выйти Болотников. Судьба первого места решилась на последних метрах. Соперники бурно финишировали, пробегая 200 метров за 30—31 секунду. Вот, кажется, рекордсмен

мира одолевает соперника. Но нет, Болотников первый: всего на грудь, на две десятых секунды, он обошел Куца. Результат победителя — 29.09,8 — был лучшим в мире в тот сезон, однако он намного уступал прежним достижениям Куца.

31 августа в «Советском спорте» было опубликовано письмо олимпийского чемпиона: «Молодец, Петр!» В письме лидер советских стайеров поздравлял соперника с победой и выражал уверенность в его блестящем будущем. Но сдаваться без боя Куц не собирался и немедленно доказал это.

Когда через пару дней начался бег на 5 тысяч метров, зрители стали свидетелями великолепного состязания. Куц вел бег с самого начала, и Болотникову очень трудно давались попытки удержаться за ним. После первого километра выигрыш у рекордного графика Пири составил уже две секунды! Стадион гудел, предвкушая рекорд, и до середины дистанции казалось, что он состоится. Затем скорость снизилась, и все же результат победителя — 13.48,6 — был лучшим в сезоне. Так Куц одержал последнюю, девятую по счету, победу на первенстве СССР. Болотников проиграл десять секунд.

Более месяца после этого вдали от посторонних глаз тренировался Куц, а затем предпринял решительные попытки вернуть рекорд на 5 тысяч метров. 6 октября в Праге он практически в одиночку сражался с этим рекордом. После четырех километров выигрыш у графика Пири составлял 4 секунды, но на последней тысяче метров скорость значительно снизилась. Результат — 13.38 — был новым рекордом СССР и лишь на 1,2 секунды уступал мировому, но все же уступал.

Через неделю, в воскресенье, 13 октября 1957 года в компании сильнейших стайеров (среди них Е. Хромик и П. Болотников) Владимир стартовал в Риме на той же дистанции. Борьбы опять не было, лишь Болотников первый километр пытался держаться за лидером, но на большее его не хватило. Вот как газета «Экип» описывала бег Куца в тот день: «Трудно найти подходящие слова, чтобы описать то огромное впечатление, которое производит на вас эта мощь и уверенность в себе... Человек в красной майке продолжает свой путь, не обращая внимания на восторженные возгласы зрителей и на своих соперников, которых он обходит одного за другим...»

Публика не скрывала восхищения. Как и год назад, в Белграде, окончание бега ознаменовалось иллюминацией из зажженных газет, как и год назад победителя на руках унесли со стадиона.

Новому рекорду — 13.35,0 — суждена долгая жизнь. Лишь в 1965 году австралийский спортсмен Р. Кларк превзойдет его, и поначалу всего только на две десятых секунды! А в нашей стране, как говорится, только по большим праздникам смогут приближаться стайеры к этому результату, и только в 1967 году А. Макаров превзойдет его, и опять всего на две десятых секунды. И все же это последний мировой рекорд, установленный Куцем...

В Италии он взял реванш и у Болотникова на десятикилометровой дистанции. Спустя неделю, на соревнованиях в Генуе, он с самого начала предложил очень высокий темп, который Болотников смог поддерживать только до пятого километра. Дорожка была тяжелой, и, несмотря на горячую, чисто итальянскую, поддержку зрителей, Куц показал только 29.10,4. Болотников отстал от него на полкруга...

Спустя еще неделю, уже в Сокольниках, во время чемпионата СССР по кроссам (8 тысяч метров) Куц снова побеждает, более чем на 100 метров опередив Болотникова. Казалось, всякие сомнения в спортивной форме олимпийского чемпиона должны отпасть.

Тем временем боли в икрах ног не проходили. Куц решил было не обращать внимания на запреты врачей. В конце декабря 1957 года он вместе с Г. И. Никифоровым вылетел в Бразилию, где в Сан-Пауло в новогоднюю ночь проводится традиционная «Коррида Сан-Сильвестр». Здесь его ждала неудача. То ли бегун не рассчитал своих возможностей, то ли не учел в полной мере весьма своеобразных условий соревнования. На финиш он пришел восьмым.

По возвращении на Родину пришлось уделять много времени учебе: летом предстояли выпускные экзамены в школе тренеров, а осенью Владимир намеревался поступать в институт.

Ни в мае, ни в июне 1958 года зрители не увидели Куца на соревнованиях. Лишь в июле в Таллине, на чемпионате страны, вышел он на старт — и жестоко проиграл.

Боли в ногах не давали возможности тренироваться

так, как раньше. Спортсмен ложится в госпиталь, лечится. По выходе из госпиталя возобновляет тренировки.

Даже перед сезоном 1959 года спортивный мир не терял надежд на возвращение Куца в большой спорт. Действительно, весной этого года он участвовал в кроссе Ленинградского военного округа и победил. «Но эта победа, — писал он, — только убедила — сдаю. Годы брали свое. Надеяться, что удастся пробежать 5 тысяч метров быстрее, чем в Риме, не приходилось. Я знал методы тренировок для нового мирового рекорда, знал, какую тактику надо применять, как распределить силы на дистанции, но знал и другое — для нового рекорда необходимо увеличить тренировочную нагрузку. Эту нагрузку мои ноги не вынесут. Да и вообще, видимо, уже близок тот возрастной предел, за которым физически невозможно оставаться на прежнем уровне мастерства. И надо найти в себе мужество уйти с беговой дорожки, не дожидаясь, пока тебя побьют окончательно...»

Так в тридцать три года Владимир Петрович Куц прекращает выступления на спортивной арене. Но порывать со спортом он и не думает.

Теперь Куц учится в Ленинграде, учится с увлечением и упорством, столь свойственными ему на дорожках стадионов. Он собирается стать спортивным педагогом: «Будущность тренера привлекает меня все сильнее. И для меня будет большой честью воспитывать советским чемпионам достойную смену».

Осенью 1961 года Куц закончил институт и стал тренировать бегунов в Центральном спортивном клубе армии. Вскоре, уже в 1963 году, его ученики становятся чемпионами и призерами III Спартакиады народов СССР. Он работает не только со взрослыми спортсменами, перворазрядниками и мастерами спорта, но и с юными бегунами и находит в этом радость и удовлетворение...

Идут годы. Блестящие выступления советских стайеров в пятидесятых — начале шестидесятых годов стали историей спорта. После П. Болотникова, успешно выступавшего в 1960 году в Риме, никто из них не удостоивался олимпийских наград в беге на пять и десять тысяч метров. Это не может не волновать Куца. Анализируя причины отставания советских стайеров, он, кроме всего прочего, говорил о тактике бега: «Стайеры понимают ее довольно просто: надо найти чудака, который поведет бег, чтобы потом на последних двухстах метрах

все, кто прятался за его спиной, разыграли медали. И вот привычная картина забегов — на первых километрах каждый норовит увильнуть от роли лидера. Тот, кому это удастся лучше, слывет умным тактиком. Но он умный, пока не встретится в ответственных международных соревнованиях с настоящими бойцами. А уже там этот умник выглядит довольно глупо. Потому что нельзя стать гроссмейстером, играя только в поддавки. Нужно закалить себя в настоящей борьбе от старта до финиша. В борьбе за каждый метр дистанции...» И еще: «К сожалению, наши рекорды с каждым годом все больше отстают от мировых. И виновата здесь не «тактика финишного броска», которую все стараются взять на вооружение, а элементарная робость души тех, кто еще до старта рассчитывает не на то, чтобы выиграть, а на то, что ему проиграют». В этих словах весь Куц с его неукротимым желанием победы и бескомпромиссной борьбы.

Куц не только работает с молодыми бегунами, стремясь научить их всему, что познал за долгую и нелегкую спортивную жизнь. Он пишет книги. В 1962 году выходит книга «От новичка до мастера спорта», в 1964 году — «Повесть о беге». В августе 1975 года, за несколько недель до его безвременной кончины, в печать была сдана книга «Будь первым». Завершая ее, В. П. Куц обращался к юным спортсменам: «Станете ли вы впоследствии известными стайерами или просто с помощью бега укрепите свое здоровье — во всех случаях в выигрыше останетесь вы. Потому что перед вами откроется новый увлекательный мир — мир спорта, в котором одну из главных ролей играет великолепное физическое упражнение, имя которому — бег!»

Владимир Петрович Куц рано ушел из жизни. Но живы современники, помнящие красоту его бега и ощущение человеческого величия, которое давал зрителям этот бег. Хранятся в архивах киноплёнки, запечатлевшие состязания, в которых блистал Куц — знаменитый стайер. А в истории легкоатлетического спорта остались строки, зафиксировавшие стремительный скачок результатов на стайерских дистанциях, и скачок этот неразрывно связан с именем Куца.

В. КАРДАШОВ

— Одного умения мало — надо, Миша, иметь еще немного счастья, — старался утешить и себя, и своего друга Михаил Иткис.

Оба они — и Умаров и Иткис — вполне могли считать себя неудачниками.

На Римской олимпиаде

МАХМУД УМАРОВ

1960 года им отчаянно не везло. Однако нередко в спорте, как, впрочем, и в других сферах деятельности, неудачники достойны не меньшего признания, чем победители.

Случайно завоеванная медаль — и так ведь бывает в спорте — не делает владельца великим, и, наоборот: случайно неполученная медаль не способна повредить репутации большого спортсмена. И все-таки самому спортсмену нужна медаль. И чем значительнее притязания на эту медаль, тем болезненнее переживается неудача. Таким неудачником быть не стыдно. Не стыдно, но больно.

Все это имеет прямое отношение к стрелку Умарову.

И Умаров, и его друг Иткис возлагали на Римскую олимпиаду большие надежды. Для Иткиса, который к тому времени уже лет десять ходил в лучших винтовочниках мира, эта Олимпиада была первой. В 1952 году в Хельсинки его не взяли потому, что он был слишком молод. В 1956-м — опять-таки по всем показателям — он должен был попасть в Мельбурн, однако угодил в госпиталь. Вот и получалось, что обладатель золотых медалей

чемпионатов страны, Европы, мира — наград, которых с лихвой хватило бы десятерым спортсменам, только в тридцать лет дебютировал на Олимпиаде. Его первый шанс мог стать и последним. И потому он должен был выиграть медаль.

По жребию Иткису выпало стрелять на правом фланге. На правом так на правом, какая разница. А разница, оказывается, была. На стрельбище «Чезано» разыгралась настоящая песчаная буря. Стрельбище было построено совсем недавно, молодая трава не могла схватить как следует грунт. Огневой рубеж покоился на трехметровых бетонных столбах. Боковой ветер задувал с такой силой, что образовал на правом фланге мощные песчаные заносы. Порой мишени совсем исчезали из поля зрения. Было из-за чего беспокоиться: шесть часов — и ни секундой больше — отводится на 120 выстрелов.

Иткис остался пятым, и слабым утешением могло быть лишь то обстоятельство, что четыре первых места заняли стрелки с левого фланга, который был довольно надежно прикрыт от ветра небольшой горкой. А его друг пистолетчик Умаров получил серебряную медаль, пропустив вперед своего соотечественника Алексея Гущина.

Да, Иткис прав: одного умения мало — надо еще иметь немного счастья.

Что же ответил тогда Умаров? Искренне утешая друга, он меньше всего хотел утешить самого себя. Он не искал успокоительных слов. Наверное, как и четыре года назад, он решил продлить свою жизнь в спорте. Жаль, конечно, что нельзя поставить точку сейчас, потому что в Токио ему будет уже сорок... Но не останавливаться же, не дойдя до цели. Он получит наконец свою золотую медаль и вот тогда сможет уйти.

Иткису помешал правый фланг. Свой «правый фланг» был и у Умарова. У каждого есть свой «правый фланг» — нужно только не забывать о нем.

Обычно журналисты щедры на гиперболы да на аванысы: такая у них работа. Свой брат стрелок не семь — семьдесят раз отмерит, прежде чем отрезать. И все-таки генеральный секретарь Международного союза стрелкового спорта К. А. Ларссон на вопрос о лучшем стрелке XXXVII чемпионата мира не колеблясь ответил: «Пистолетчик Умаров». Чемпионат этот состоялся в 1958 году. Через год он выиграл чемпионат Европы. Кстати, тогда, перед Мельбурном, Умаров тоже выиграл чемпио-

нат Европы. В Мельбурне он мог победить, а мог и не победить: бухарестская победа дала ему первый чемпионский титул. В Риме, считалось, он не мог не победить. Между Мельбурном и Римом он выиграл не только чемпионаты Европы и мира, что не менее важно — выиграл все четыре чемпионата страны.

Начало в Мельбурне было более чем обнадеживающим. Первая серия: 95 очков. Рядом только американец О. Пиньон, у которого на очко меньше. Олимпийский чемпион швед Т. Ульман и чемпион мира американец Х. Бэннер еще дальше.

Умаров скосил глаза на своего коррективщика Б. Переберина, который спокойно разглядывал в трубу его, Умарова, пробоины. С Перебериным, первоклассным винтовочником, земляком-ленинградцем, ему было спокойно. Да и работают они не впервые: чемпионат Европы в Бухаресте он выиграл, когда помогал ему Переберин. Вроде бы простое это дело — корректировать стрельбу: смотри, докладывай о характере пробоин стрелку, вноси поправки. Но это только на первый взгляд. Иные из коррективщиков любят, как говорят стрелки, «темнить». Это означает, что, преследуя, разумеется, самые благие цели, они называют «девятку» «десяткой», дабы успокоить ведомого, либо, напротив, — «восьмеркой», чтобы спортсмен был более сосредоточен. Умарову такого рода помощь не требовалась: он должен был знать истинную картину и всегда интересовался, как идут дела у его конкурентов.

— Девятка на шесть, — объявил Переберин, что на языке стрелков означает пробоину достоинством в девять очков примерно там, где на часовом циферблате находится шестерка. «Девятка па шесть» означала для Умарова, что и вторая серия началась нормально.

— Десятка грязная на шесть. Поправка правильная.

Умаров должен был понять Переберина таким образом, что «десятка»-то у него — «десятка», но в рискованной близости от «девятки».

— Девятка снова на шесть.

Нет худа без добра. Переберин приехал в Мельбурн первым номером среди стрелков из малокалиберной винтовки. На тренировках дома, перед отъездом, из своего «вальмута» он регулярно выбивал 1180 очков. Тренировка — это, конечно, не соревнование, но 1180 — выше мирового рекорда.

«Вильямстоун», мельбурнское стрельбище, представлял собой более чем скромный армейский полигон, в сравнении с которым стрельбища во Львове и Мытищах казались верхом совершенства. Не хватало кабин, ежедневные тренировки были возможны только в весьма необычных условиях: в каждой кабине по два стрелка одновременно. Но самое неприятное заключалось в том, что «Вильямстоун» был открыт сильному ветру с океана. Трудно сказать, был ли этот ветер причиной, но, хотя и выиграл Переберин все пять прикидок, места ему в команде не нашлось. Вот тогда-то и подошел Умаров к Переберину: «Помоги, Борис!» Переберин, конечно же, согласился. Да, нет худа без добра.

— Девятка на половине седьмого.

Обычно Переберин говорил спокойно, но иногда раздражался, подолгу смотрел в трубу, отыскивая пробоину, которую он давно нашел, ругался. Все это не без умысла, он не хотел, чтобы Умаров подумал, что стрельба идет очень уж хорошо.

Вторая серия прошла хуже, но тоже достаточно уверенно — 91 очко. Третья началась двумя десятками, которые Переберин в обоих случаях определил одним словом — «неплохо». К умаровской кабине потянулись зрители и журналисты. Переберин понимал, как может сказаться на результатах повышенное внимание публики — даже такой спортсмен, как Умаров, может на минуточку расслабиться. Конечно, хорошо бы сориентировать его на какого-то одного конкурента. Переберин хотел найти кого-то одного, но соперников было много. Нет, пусть лучше Миша скрипит зубами, сосредоточиваясь на каждом выстреле.

Три последних выстрела были неудачными: три «восьмерки», только одна из которых, да и то в лучшем случае, может задеть «девятку». Да и кучность посредственная. Переберин еще раз взглянул на часы: из трех часов, отведенных на все упражнение, прошло меньше часа, а Умаров уже заканчивал третью серию. Переберин отлично знал, что в стрельбе, как нигде, труднее всего догонять. Любому, но не Умарову, который как раз и хорош в таких ситуациях. Но, как назло, некого догонять — Умаров стреляет быстрее всех. Переберин решил: Мише надо отдохнуть, успокоиться.

— Мне не нравится это сборище вокруг тебя. Расслабься, без меня не стреляй.

Переберин вышел из кабины, вытащил ленинградскую «беломорину», закурил. Среди стрелков курящих сыскать трудно. Оно и неудивительно. Часа три-четыре ежедневно проводит человек на стрельбище, где курить строжайше запрещено. Переберин был исключен. Он пришел в стрелковый спорт, когда ему было уже без малого тридцать. На Ленинградском фронте даже снайперы с уважением называли его фамилию. К концу войны на его счету было 128 фашистов.

Не успел Переберин сделать несколько затяжек, как до его слуха донесся выстрел.

И сейчас, рассказывая мне о давних событиях, Переберин заметно волнуется:

— Я подумал тогда, неужели Миша?

И сам себе: не мог он. Успокаиваю себя и не верю, понимаю, что он. И знаю почему. Из-за этого проклятого ветра. Мы тогда буквально исползали все стрельбище утром и днем и пришли к выводу: самый слабый ветер утром. Вот Миша и поторопился отстреляться пораньше, пока ветер не поднялся. Вбегаю, а он мне спокойно: «Ищи в «девятке на половине четвертого». Я к трубе — не вижу пробоины. Еще раз смотрю, еще и еще — нет ее, нет пробоины. На половине четвертого пел только «девятки», но и «восьмерки» нет. Миша почувал неладное, но продолжает настаивать: «Я твердо отметил хорошее попадание!» Ну, думаю: может, пробоина в пробоину. Утешаю себя и сам не верю: такое бывает редко. Пришлось мне связаться с траншеей по телефону.

Это был тот редкий случай, когда правы оказались оба. Умаров — потому, что пробоина и впрямь была в «девятке на половине четвертого». Переберин — потому что пробоины в умаровской мишени не было. Кодекс стрелков строг: выстрел в чужую мишень засчитывается, но допустивший оплошность стрелок штрафуетя двумя очками. Так та «девятка» обернулась для Умарова «семеркой».

А произошло это так. Сосредоточив все свое внимание на прицеливании, Умаров упустил из виду, что его рука с пистолетом была направлена в чужую мишень. Почему решили организаторы повесить номера не как обычно, над мишенями, а под ними, никто не знает. Но факт остается фактом: поднятая рука стрелка закрывала номер, мешала ему сделать контрольную проверку.

Произошло то, что и должно было произойти с таким человеком, как Умаров: он стрелял так, как будто ничего не произошло. Наградой ему были последующие серии — в 94, 93, 92 очка.

Результата Умаров, разумеется, не знал, но готов был к худшему. Когда же его начали поздравлять, подбежал к Переберину:

— Ничего не пойму, Борис! В чем дело?

— Видимо, не так уж плох твой результат.

Позже Переберин говорил:

— Уверен, что шел Миша на 559—560, если бы не та оплошность...

Практически победить Умарова мог лишь молодой финский офицер Пентти Линносвуо. Он не значился в числе фаворитов, не удивлял результатами на прикидках, что позволило ему избежать повышенного интереса к собственной персоне. Удачной последней серией он догоняет Умарова: у обоих по 556 очков — олимпийский рекорд, который засчитывается обоим. У рекорда могут быть два автора, золотая медаль вручается только одному. Судьи считают «десятки»: у Линносвуо их 26, у Умарова — на две меньше. Все ясно — золотая медаль достается Линносвуо.

Умаров не пытался даже намеком дать понять другим, что, если бы не та оплошность, он стал бы чемпионом.

Об этом он написал четыремя годами позже в книге «Особенности психологической подготовки стрелка»: «...Линносвуо, ставший чемпионом XVI Олимпийских игр в стрельбе из матчевого пистолета, по-видимому, сумел скрыть на тренировках истинный уровень своей хорошей подготовленности, в силу чего до самого конца соревнований оставался вне поля зрения всех заинтересованных лиц, в том числе зрителей, фоторепортеров, корреспондентов. Он выступал совершенно без помех, оставаясь все время в тени. А это, как известно, в стрелковом спорте имеет большое значение».

Своей неудаче Умаров оправданий не искал — он искал объяснение, которое могло принести пользу другим. Поэтому он и написал. Только поэтому. Ему было ясно только одно: свою жизнь в спорте нужно продлить еще на четыре года. А Галя поймет. Поймет и одобрит. Она не только жена, но и друг, а стало быть, единомышленник. Она знает, что нельзя останавливаться, не дойдя

до цели. А в медицине он еще свое возьмет: 40 лет еще не возраст. Конечно, лучше бы уже сейчас целиком переключиться на науку, нельзя же разбрасываться.

2

Умаров рано выбрал свой жизненный путь: окончив с отличием в 1940 году школу, он поступил на рабфак медицинского института. Начинается война — Умаров обивает пороги военкомата. Он рвется на фронт, а его направляют на учебу в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова, которая в ту пору эвакуировалась из Ленинграда в Самарканд. Затем весь курс переводят в Харьковское военное медицинское училище, которое тоже находилось в Средней Азии. Лето 1943 года военфельдшер Умаров встретил в воздушно-десантных войсках. Свой первый прыжок в тыл врага он совершил под Курском. А потом было много таких прыжков. Героизм в ту пору был будничным. С медицинской сумкой, а то и с автоматом в руках Умарова видели в партизанских отрядах, в составе специальных армейских соединений, действовавших в глубоком тылу противника.

Вот тогда он и стал Мишей. Видимо, Умаров и впрямь был похож на медведя: невысокий, коренастый, в меховой шапке. Вначале он привык, а затем и полюбил это русское имя — Миша. И потом всегда при знакомстве назывался Мишей.

Он был третьим ребенком и первым сыном в семье рабочего алма-атинской обувной фабрики Бедалджана и домашней хозяйки Магинур Умаровых. Тот день — 10 сентября 1924 года — в доме молодой уйгурской семьи был настоящим праздником. На Востоке вообще любят сыновей. Сын приносит в дом счастье. Долго выбирали имя, пока не остановились на Махмуде.

Он росмышленным ребенком, помогал матери ухаживать за маленькими сестренками и братом (в семье потом родились еще четверо ребятшек). Махмуду не было и восьми, когда он выучился играть на дутаре — щипковом инструменте, очень похожем на мандолину. Чтобы прокормить большую семью, Бедалджан по вечерам и в выходные дни сапожничал дома. Но стоило Махмуду взять первые аккорды, как отец откладывал в сторону свой нехитрый инструмент. В мечтах он уже видел сына в музыкальной школе, а потом и в консерва-

тории. Этим надеждам не суждено было сбыться, однако Махмуд, обладавший абсолютным слухом, пронес через всю свою жизнь любовь к музыке, научился играть на многих музыкальных инструментах.

Отец умер рано, и Махмуд, старший мужчина в семье, помог матери поставить на ноги сестер и брата. Бедалджан Умаров, сам ставивший вместо подписи незамысловатый крестик, мечтал увидеть своих детей грамотными. Его мечта осуществилась: только старшая, Шамаснур, не получила высшего образования.

...День Победы застал старшего лейтенанта медицинской службы коммуниста Умарова в поверженной Германии. Он рвался домой, в родную Алма-Ату, проведать мать, сестер, брата. Но в середине июля 1945 года был получен приказ откомандировать всех офицеров, которых призвали в действующую армию из медицинских вузов, на учебу в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова. Так Махмуд стал ленинградцем.

— Если бы это зависело только от тебя, — частенько смеялась Галя, — то у нас уже было бы десять детей. — Умаров только улыбался в ответ. Это был как раз тот случай, когда доля правды в этой шутке была изрядной. Своему первенцу, который родился в 1947 году, он долго выбирал имя. Рылся в каких-то книгах, выбирал одно, другое, пока не остановился на Арислане, что в переводе с уйгурского означает «тигр». Правда, в загсе сочли более правильным имя Арслан. В это время Умаров был на седьмом небе от счастья. Он стирал пеленки, укачивал младенца, купал его, укладывал спать, рассказывал сказки.

А как он волновался в Мельбурне!

Когда они уже направлялись домой, ему казалось, что «Грузия» слишком медленно идет к родным берегам. Ему и праздник Нептуна, который традиционно отмечается при переходе экватора, был не в праздник. «Нептуном» был заслуженный мастер спорта Борис Назаров. А главным героем — баскетболист Янис Круминьш, добродушный гигант 218 сантиметров роста. Он упорно не хотел купаться в одежде. Пришлось призвать на помощь борцов.

А через два дня, при подходе к Японскому морю, персональный праздник был у Умарова. Впрочем, не персональный: текст радиограммы с радостным сообщением,

что у Умарова родилась дочь, тут же стал известен всем.

Вынужденный рано расстаться с отчим домом, Умаров крепко привязался к Бегоулевым, родителям Гали. Всю свою семейную жизнь с первого до последнего дня он прожил с ними. Его тесть Б. П. Бегоулев тоже был военным медиком. В 1938 году он первым из советских военврачей был удостоен звания Героя Советского Союза. Да и вообще весь род Бегоулевых — Умаровых был тесно связан с медициной: Галя — физиотерапевт, Арик окончил со временем ту же академию, что и отец. И только Иринка выбрала другую стезю — стала историком.

3

Виды спорта можно условно разделить на известные болельщикам (а точнее говоря, якобы известные) и на те, о которых непрофессионалы остерегаются судить. К первым, как нетрудно догадаться, относятся такие избалованные прессой и, что особенно важно, телевидением виды, как футбол, хоккей, фигурное катание. Обилие информации позволяет многим болельщикам считать себя специалистами ранга чуть ли не Лобановского, Тихонова, Чайковской. К видам спорта, о которых даже самый самоуверенный болельщик помалкивает, относится и тот, которым занимался Умаров. Можно даже сказать, что о стрельбе у подавляющего числа людей складывается весьма туманное представление. Зрелищным видом спорта стрельбу не назовешь, и большинство из нас о стрельбе и стрелках получают информацию — и весьма обильную — из... кинофильмов. Что касается эффектов и эмоций, то тут все в порядке: зритель волюнтаристически желает видеть. Правда, его уже не устраивают стрелки, которые вторым или третьим выстрелом поражают находящийся на изрядном удалении пятак, пресноватым кажется и точное попадание и с первой же попытки, даже если цель величиной с копейку. В кино мы видим стрельбу из кармана, от живота, от локтя, двумя руками и т. д. Создатели каждого нового фильма стараются перещеголять своих предшественников, и уже герои стреляют-стреляют, падая с дерева, в кромешной темноте, стоя спиной к цели, на бешеном скаку, корчась в предсмертных судорогах... Но то в кино. В спорте же все иначе.

Здесь стрелять надо по возможности не торопясь, тщательно прицеливаясь, желательна одной рукой, потому что если ухватился за пистолет двумя руками, то к дрожи одной руки прибавляется дрожь другой. И, между прочим, «зоркий глаз» тоже скорее от кино и литературы, чем от жизни. В стрелковом спорте отличались люди и с хорошим и с плохим зрением, которые стреляли в очках (чемпион мира Н. Калинин).

В стрельбе есть свои секреты, и Умаров — не сразу, конечно, — постиг их. Немало времени, сил, энергии затратил он на то, чтобы стать пистолетчиком экстра-класса.

На память приходит гимн Куприна стрелковому спорту:

«Одним из самых благородных и полезных спортивных упражнений (если не самым лучшим) считаю стрельбу в цель, пулькою.

В самом деле — искусство стрельбы в цель вовсе не легкое искусство. Оно требует от стрелка много данных: спокойствия, хладнокровия, уверенности, душевного и физического равновесия, внимания, зоркости взгляда, находчивости, терпения, тщательного изучения оружия и, наконец, умения аккуратно, даже если хотите, любовно, ухаживать за ним.

Замечательно, что люди неумеренно пьющие и развратные никогда в искусстве стрельбы не поднимаются выше среднего уровня, также неряхи и рассеянные субъекты».

Право же, будь один из лучших писателей России нашим современником, можно было бы подумать, что моделью идеального стрелка послужил ему Умаров.

Вот как характеризуют спортсмена люди, близко знавшие его.

Алексей Васильев, первый тренер Умарова:

— На первой тренировке передо мной предстал щегольски одетый старший лейтенант. Белоснежный подворотничок, до блеска начищенные ботинки и пуговицы, отутюженное обмундирование, гладко выбритый. И позднее иным Мишу я никогда не видел.

...В то время, когда Умаров уже стрелял, ~~не~~ стрельбой еще «не заболел», он стрелял из моего пистолета. А потом, когда по-настоящему увлекся, брал личное оружие домой, подолгу копался в нем. Все, что он делал, он делал основательно и в конце концов изготовил весьма

сложную рукоятку для произвольного пистолета. Рукоятка эта получила распространение у многих стрелков.

Михаил Иткис, заслуженный мастер спорта, кандидат педагогических наук, полковник:

— Баллистику он изучал всерьез. Было время, когда он не расставался с изданными еще до войны книгами Пономарева, и Булыгина. А с моим тренером Юрьевым, автором серьезного исследования «Спортивная стрельба из винтовки», Миша спорил чуть ли не на равных. Мне кажется, что с баллистикой он даже переборщил — знал больше, чем надо знать стрелку.

Виктор Шамбуркин, заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион:

— Уходу за оружием Махмуд Бедалович уделял, наверное, не больше и не меньше времени, чем любой из нас, но делал он это намного тщательней. Он очень верил себе, своему умению. Я не припомню случая, чтобы он причину какой-то своей неудачи видел в оружии. А уж коружейным мастерам с претензиями он никогда не бегал, причину искал он только в самом себе.

...Махмуд Бедалович всегда нацеливался только на первое место.

Борис Переберин, заслуженный мастер спорта:

— Мне он частенько говорил: «Я удивляюсь твоей внутренней борьбе. Если испытываешь повышенное волнение, полежи, подумай о чем-нибудь другом, доведи себя до полусонного состояния и только потом стреляй». Сейчас это называется аутогенной тренировкой.

Илья Френклах, мастер спорта международного класса, подполковник:

— Накануне соревнований он, конечно же, как и каждый из нас, нервничал, но никаких признаков волнения заметить было нельзя. Он не мог понять, как это кто-то не может справиться с собой.

Галина Борисовна:

— Он умел веселиться без вина. С рюмкой водки я вообще его никогда не видела. А бокал вина или шампанского он мог выпить два-три раза в году по большим праздникам.

...В 1956 году наши олимпийцы летели в Мельбурн, они остановились в Рангуне, и там какой-то экзотический комар укусил Мишу в шею. Шея опухла, покраснела, краснота полезла к лицу. Болезненные явления оставались у него и во время той злосчастной стрельбы.

Как-то, когда у нас были гости, я высказала предположение, что из-за этого комара Миша и остался с серебряной медалью. Миша ничего не сказал, и лицо его не изменилось, но я-то догадалась о том, что он недоволен.

Антон Ясинский, заслуженный мастер спорта, экс-рекордсмен мира по стрельбе из пистолета:

— Миша был моим постоянным соперником на соревнованиях разного ранга, начиная с первенств города и округа до мировых чемпионатов и Олимпийских игр. Меня поражали две черты его характера — уверенность и терпение. Он мог часами нажимать курок, не послав в ствол ни единого патрона. А на соревнованиях? Он по нескольку раз вскидывал руку, прежде чем раздавался зачетный выстрел.

Владимир Столыпин, заслуженный мастер спорта, дважды чемпион мира по стрельбе из пистолета:

— Махмуд Бедалович опекал меня с первого посещения тира. Ничего не ускользало от его внимательного и зоркого взгляда. Он говорил: «Будь внимателен ко всему. К оружию, к одежде, в которой стреляешь, к погоде, к своему самочувствию, к своим конкурентам». Это помогло мне добиться успехов.

А вот что писал сам Умаров: «Мне часто приходилось слышать, что у меня «особые нервы», «медвежье спокойствие» и т. п. Мне удается показывать на соревнованиях высокие результаты (как, впрочем, и многим другим стрелкам) вовсе не потому, что я имею «железные нервы». Я подвержен спортивному волнению, как и все люди. Я даже никогда этого не пытался как-то скрывать, но и не демонстрировал специально, разумеется. Но мне, как правило, постепенно удается побороть волнение настолько, что оно не мешает делать качественные выстрелы».

Качествами, необходимыми первоклассному снайперу, Умаров был наделен, конечно же, и до того дня, когда впервые пришел в армейский тир на улице Марата; и потом еще долгие годы он не считал стрельбу главным делом своей жизни. Умаров стрелял тогда в свое удовольствие. И тем не менее достиг очень многого: стал мастером спорта.

Гроссмейстером стрельбы ему еще предстояло стать. И в этом ему помог тренер. Впрочем, А. Васильев однаж-

ды сказал: «Не думаю, что Мише нужен был тренер. Такие в тренерах не нуждаются».

Умаров, как и все члены сборной, на различных соревнованиях и при подготовке к ним работал с различными тренерами, но всегда подчеркивал, что его тренером является А. Васильев. Именно Васильев угадал в равнодушном к стрельбе офицере незаурядного спортсмена и, по существу, заставил его стать таковым.

«Ленинградский тренер А. А. Васильев, — писал Умаров в своей книге, — сделал интересное наблюдение. Он заметил, что из большого числа лиц, обучающихся стрельбе из пистолета и никогда раньше не имевших дела с оружием, с самого начала выделяется некоторое количество людей, обладающих хорошей устойчивостью руки. В дальнейшем, по мере тренировки эти люди прогрессируют в меткости огня гораздо быстрее, лучше и легче, чем все другие. Отсюда А. А. Васильев пришел к логическому выводу, что люди отличаются друг от друга способностью управлять своей рукой, придавать ей желаемую неподвижность, иначе говоря, диктовать своим мышцам собственное желание».

Рассказывает А. Васильев: «В 1951 году Умаров занял второе место в первенстве Ленинградского гарнизона по стрельбе из пистолета ТТ. Произошло это так. В день зачетной стрельбы команды академии Умаров приехал в тир очень расстроенный и сказал, что выступать не может, так как у него болит правый глаз. Смотрю — действительно, правое глазное яблоко налито кровью и слезится. Видимо, это был конъюнктивит. Было ясно, что без Умарова команда выступит намного слабее. Поэтому я предложил ему попробовать стрелять, целясь не, как обычно, правым, а левым глазом, правый же — закрыть псвязкой. Несмотря на то, что спортсмену пришлось стрелять необычным способом и здорово понервничать, результат оказался отличным — 91 очко, столько же, сколько и у победителя. Сказалось его умение владеть собой, чувство ответственности, внутренняя дисциплинированность. Уверен, что мы могли бы рассчитывать на результат 90—92 очка, если бы Умаров стрелял в нормальных условиях».

А. Васильева, который встретился с Умаровым в 1949 году, можно упрекнуть лишь в том, что он не сумел в течение целых четырех лет разбудить умаровское честолюбие. Впрочем, этого не смог бы сделать никто. Человек в

высшей степени цельный, Умаров ни в коем случае не хотел, чтобы стрельба оттеснила науку в его жизни на второе место.

Только в 1953 году, после защиты кандидатской диссертации, Умаров, вняв уверениям Васильева, решил проверить, чего же он стоит как стрелок. И произошло то, что и должно было произойти с таким человеком, как Умаров. Высокая результативность заставила его заняться стрельбой всерьез.

Умаров выиграл немало состязаний. К Олимпу он не шел, а буквально бежал, перепрыгивая через две ступеньки.

1953 год. Васильев рекомендует взять в сборную Умарова. Видимо, его аргументы были настолько убедительны, что уже немолодого (29 лет), известного лишь в Ленинградском военном округе стрелка берут сначала в армейскую сборную и почти одновременно в сборную страны.

1954 год. Умаров в основном составе сборной. Он едет в Каракас на чемпионат мира, где команда советских пистолетчиков завоевывает первое место в командной стрельбе, а вместе с ним «Лионский кубок», самый почетный приз у пистолетчиков.

1955 год. Чемпионат Европы. Из Бухареста Умаров возвращается с золотой медалью.

1956—1961 годы. Шесть чемпионатов страны, чемпионат Европы. Чемпионат мира. Две Олимпиады. Результат — семь золотых медалей, две серебряные. К тому же Умаров пятикратный чемпион Европы и трехкратный чемпион мира в командных соревнованиях.

4

Умаров был широко образованным человеком. Кроме русского и уйгурского, знал немецкий и латынь. Читал он много и быстро. Любимые писатели: Куприн, Достоевский, Л. Толстой. Почти все спортсмены возят на сборы книги, но не все читают. А Умаров не только читал. На сборах он писал научные статьи. Музыка он чувствовал превосходно. По первым тактам музыкальной фразы он мог назвать исполняемое произведение и его автора. Не было случая, чтобы, находясь за границей, Умаров не посетил картинную галерею.

Среди большого количества книг о спорте одна из

самых интересных — книга Умарова «Особенности психологической подготовки стрелка». Написана она сочным, образным языком, с использованием живых примеров, представляющих интерес не только для профессионалов, но и для всех любителей спорта.

В спорах со специалистами Умаровым двигало не чувство противоречия и не желание самоутвердиться. Был он прав или нет — это другой вопрос. Но всякий раз, когда выдвигал какую-то гипотезу, это означало, что вопрос им изучен досконально. Он все делал основательно, не торопясь и серьезно. Он мог работать по двадцать часов в сутки.

В Умарове-стрелке органично сочетались глубокая теоретическая подготовка с умением добиваться значительных практических результатов. Один из его товарищей говорил: «Михаил вначале побеждал в мыслях».

Спортсмен любил стрелять в последней смене, когда были известны результаты главных конкурентов. Это давало ему, по его собственному выражению, чувство рubeжа. Обычно же многие стрелки от такой информации стараются всеми силами уберечься. Такой уж вид спорта стрельба, здесь главный противник каждого спортсмена — он сам. Многие предпочитают стрелять, если можно так выразиться, вслепую, ориентируясь на свой тренировочный результат, а не на реальный, уже показанный конкурентом. Михаил нацеливал себя только на первое место. Но двигало им при этом не только честолюбие, но и трезвый учет всевозможных обстоятельств. В своей книге Умаров писал: «Необходимо подчеркнуть то, что... под словом «победа» подразумевается не только завоевание призового места. Всякий успех спортсмена в том масштабе, на который он способен, является его победой. Например, если перед ним ставилась задача удержаться на состязаниях в числе первых двадцати лучших стрелков, или выполнить какую-либо разрядную норму, или удержаться в пределах «восьмерки», «девятки» на мишенях, или, наконец, обойти того или иного противника, то во всех этих случаях выполнение задачи должно рассматриваться как безусловная победа».

Сейчас по поводу и без повода в спортивной периодике вспоминают психологию. Выиграл один — помогла психология, проиграл другой — виновата психология. Читателю даже не всегда объясняют, как она помогла одному и почему она помешала другому. Умаров же в своей

книге отвечал на эти «как»? и «почему?». Книга называется «Особенности психологической подготовки стрелка». То обстоятельство, что все примеры взяты из жизни стрелков, ни в коей мере не мешает ей быть полезной, скажем, легкоатлетам, гимнастам, боксерам...

Во время работы над книгой Умаров по просьбе одного из своих друзей прочел кое-какие выдержки. Был там, в частности, тезис о том, что в спортивной стрельбе действуют законы, общие для всех видов спорта. Приятель — человек весьма эрудированный и умелый спорщик — начал возражать. Умаров от дискуссии ушел и, несмотря на просьбы, о будущей книге больше не говорил. Всякий раз он переводил разговор на другую тему. Книга Умаровым уже, по существу, была написана. Все было обдуманно и передумано. Умаров опасался, что опытный полемист посеет в нем какие-то ненужные сомнения, лишит его необходимой уверенности, и он отказался от уже ненужной, запоздалой помощи.

Он умел создавать у себя нужное настроение и умел сохранять его. Не только на стрельбищах.

На шестом курсе академии Умаров увлекся психиатрией. Хотя он был одним из лучших слушателей, предложение остаться в адъюнктуре застало его врасплох. Все же желание серьезно заняться наукой взяло верх. Так он приступил к работе над кандидатской диссертацией.

Научный труд Умарова «Невроз навязчивых состояний и психастения» получил высокую оценку ученого совета Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, единодушно присудившего ему ученую степень кандидата медицинских наук. На многочисленных примерах Умаров доказал существование невроза навязчивых состояний как самостоятельного заболевания, существующего наряду с психастенией. Были исследованы причины его возникновения, в частности, воздействие чрезвычайно раздражителя — сильной психической травмы. За этими выводами стояли судьбы многих людей. В связи с тем, что психастения является стойким патологическим состоянием, а невроз навязчивых состояний, как удалось доказать Умарову, остро возникающим и кратковременно текущим заболеванием, вопросы трудоустройства, перевода на инвалидность и годности к военной службе больных должны решаться совершенно по-разному.

После Мельбурна семья Умаровых приобрела автомобиль. С семьей и друзьями Умаров объездил чуть ли не пол-России. Он очень любил возиться с машиной.

...Последнее воскресенье 1961 года было довольно морозным. Несколько поворотов ключа зажигания не дали результата. Умаров взял в багажнике заводную ручку и стал проворачивать тяжелый двигатель. Эту операцию он всегда проделывал с удовольствием. На этот раз он почувствовал какую-то неизвестную доселе боль и присел на деревянный ящик.

...Врач «скорой помощи» зафиксировал внезапную смерть Махмуда Умарова от острого сердечного приступа. Ему было 37 лет.

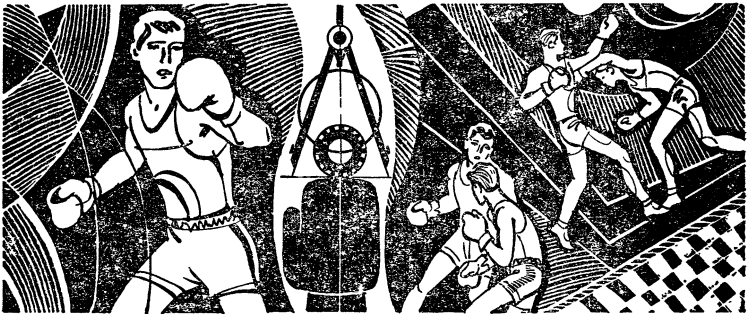
Тридцатисемилетним он и остался в памяти друзей, коллег, поклонников — врач, ученый, спортсмен...

М. ЧУПРОВ

В Ташкент мать, Руфина Васильевна, привезла Валерия, чтобы определить в суворовское училище.

Долго ехали, семь дней. Руфина Васильевна коржей напекла, круг колбасы завернула, но их припасы быстро кончились, и на станции выбегали за

ВАЛЕРИЙ ПОПЕНЧЕНКО

картошкой с грибами, которую на листах из ученических тетрадей раскладывали приземистые старушки, за простоквашей, за семечками и квасом. Как-то мать принесла в вагон копченую рыбину, потом — дыню невиданную, похожую на пудовую зеленобокюю рыбу.

Однажды проснулись, а в окне до горизонта пески, белесовато-желтые увалы с крутым сгибом подветрия. И несколько суток пути тянулись сплошные пески. Все это время, чуя конец утомительной дороги, чем бы они ни занимались: в окошко ли глядели, чай пили, в «дурачка» играли с соседями, они мысленно прощались друг с другом. И верно, больше жить им вместе в крохотной комнате на Трубной со скрипучей половицей не пришлось — Валерий приезжал туда только в отпуск.

...И вот он стоит, вымытый и наголо остриженный, одетый в новенький мундирчик с надраенными пуговицами и пряжкой, на плацу, где поротно вытянулось все училище на торжественном построении по случаю начала нового учебного года. Скоро Валерий узнает, что все они, шестьсот стриженных голов, — сироты войны, безотцов-

щина, и это очень сблизит его со всеми, на ком синяя шинелька с алыми погонами, и особенно с товарищами по третьей роте, куда он был зачислен.

Начальник училища произнес краткую речь. Обращаясь к новеньким, посоветовал скорее привыкнуть к распорядку дня. Валерию показалось, что начальник прямо указывает на него. Егоза, он и в строю не мог сдержать себя, все вертелся. И он знал, что ему ох как нелегко будет приучить себя все делать по часам. А привыкать придется надолго: он с армией будет связан почти всю жизнь. А через несколько месяцев Валерия захватит спорт, и тут уж без распорядка, дисциплины, режима никуда...

В семь тридцать — подъем. В трусах и майке во двор на физзарядку. Трусой по плацу и восемь солдатских упражнений. После завтрака на занятия. Развод на обед поротно, под оркестр. В училище любили духовую музыку, и трубачи старались вовсю. Послеобеденный отдых. Два часа личного времени, потом самоподготовка. Ужин. Отбой. Потянулись дни, похожие один на другой.

Два часа личного времени — кто же мог удержаться и не побежать на воздух? Офицеры, мало сказать, поощряли все роды занятий, способствующие укреплению здоровья и мускульной сноровки ребят, — в училище спорт превозносили! Никого не надо было уговаривать заниматься. Мальчишки слишком навидались истощенных лиц, печальных глаз, худосочных тел. Минуло всего четыре года, как закончилась Великая Отечественная. Имена довоенных кумиров, которые, вернувшись с фронтов, надевали вновь гетры или перчатки и выходили на публику, становились легендарными. Они как бы воплощали наше возрождение. Мы победили!

И первыми среди первых героев войны и спорта называли, конечно, Николая Королева, Сергея Щербакова. Абсолютный чемпион страны по боксу Королев партизанил в Брянских лесах и однажды, как повторялось во всех очерках о нем, чтобы взять «языка», нокаутировал немецкого часового. Щербаков впервые после войны появился на ринге с перебинтованной ногой. Это была не спортивная травма: голень прошила пуля... Фотографии улыбающихся спортсменов печатались в газетах: они сходят на тренировку с фибровыми чемоданчиками в руках...

Еще в Москве Валерка прочел книгу Константина

Градополова о профессиональных боксерах, и кое-что уже знал о непробиваемом Джеке Демпси, о Бобе Фитцсимонсе, средневесе, сокрушавшем тяжеловесов, который добился звания абсолютного чемпиона мира. С той поры у Валерия укрепилось уважительное отношение к современным гладиаторам. Через несколько лет, когда он впервые попадет за рубеж, то накупит их рекламные изображения и будет хранить у себя дома. Профессиональные боксеры, бывает, что и лукавят на ринге, а бывает — умирают; зарабатывают миллионы, но хлеб их горек...

Валерий пока не знает, что в нескольких кварталах от него живет один из них — бывшая знаменитость, видевший своими глазами великий бой Джонсона с Джеффрисом в 1910 году. Тогда впервые черный боксер отнял звание чемпиона мира у белого — и от него потянулась цепочка выдающихся негритянских боксеров, среди них прославленный Джо Луис и многие другие. Но тому, червому, было трудно: в него стреляли, когда он появился на ринге... Джек Лондон, приехавший специально на этот матч, подошел пожать ему руку... Пройдет совсем немного времени, и Попенченко узнает имя очевидца этих событий и познакомится с ним: Сидней Лео Джексон.

...В пять часов пополудни ребята с визгом высыпали во двор училища. Кто спешил на футбольное поле, кто на волейбольную площадку, кто накачивал бицепсы на турнике, поднимал штангу, прыгал в яму с опилками. Третья рота — младшие, носилась без цели и всякого порядка. Это тоже не возбранялось. Так продолжалось до тех пор, пока не появился молодежавый капитан, Юрий Бориславович Матулевич. «Я буду преподавать в училище бокс, — сказал он. — Кто хочет заниматься у меня в секции — шаг вперед!» И вся рота сделала шаг вперед, хотя далеко не все ясно себе представляли, что это такое — бокс.

Первое занятие состоялось в широком коридоре на третьем этаже. Мальчишек поставили парами друг против друга. Юрий Бориславович показал простейший выпад: прямой левой, защита — подставка правой. «Сначала один атакует, другой защищается, по команде меняемся ролями. Начали!»

Леньке Стародворову и Валерке выпало стоять в паре друг против друга. Они были из одного взвода, но Ста-

родворов только теперь внимательно разглядел противника. Пацан неуклюжий. Ленька прицелился и не в лад, а в передых, чтобы не успел перехватить удар, врезал по сопатке.

Нельзя сказать, что Валерку не били раньше. Ой-ой как доставалось: мальчишки на Трубной дрались часто. Размазывая юшку, захлебываясь от злости, бросался под кулаки. Валерка не был увертлив в драке, и его колотили здорово. Такое бывает, и нередко: знаменитые силачи в детстве страдают рахитом, прыгуны не умеют влезть на стул...

Но там были хоть ненавистные, но теплые, живые кулачки! А тут шершавая, холодная, чужеродная перчатка — в ее ударе было что-то унижающее. Валерка покраснел от обиды, набычился и очертя голову ринулся вперед...

— Эй, кто там!.. — прикрикнул тренер. — Не драться!

2

Как ни странно, Валерий довольно быстро привык к тому простому, суровому и однообразно-правильному укладу жизни училища, которого, видимо, ему не хватало дома. И хоть оставался он суматошлив и вспыльчив и мог известить учителя вьедливыми вопросами, подчас с ехидным вывертом, на что был мастак, норов его постепенно выравнивался, сглаживался. Учился отлично, но без того блеска, в котором угадывается дерзость состязания с учителем, а плавно и полно выполняя программу.

Юрий Бориславович получил квартиру при училище. Ученики его скоро привыкли заходить к нему запросто, в любое время. Тренер в закрытом учебном заведении, да к тому же живущий рядом, скоро становится по-родственному близок ребятам. Вместе со всеми и Попенченко ходил. И быстро привязался к семье Юрия Бориславовича — стал прибегать и один. Дочка тренера, немного старше Валерия, дразнила его: «Попеня. Пап, опять твой Попеня пришел!.. Ну чего стоишь, Попеня, в холодильнике арбуз... А может, есть хочешь?» Он и ел, и арбуз на всю семью резал, и скоро стал совершенно своим человеком в доме Матулевича. И оттого с еще большей охотой посещал тренировочный зал и встречал там Юрия Бори-

славовича уже не просто как преподавателя, а как близкого человека.

О Матулевиче, открывшем Попенченко, писали в свое время немало: наставник, воспитатель, педагог. Слова эти лишь в малой степени передают то, чем стал тренер для новичка курсанта. В училище он обрел друзей, которые делили с ним кров, работу, хлеб. Он видел в них почти братьев, и все же тоска по семье не оставляла его. По семье, где был бы отец: глава, мужчина, старший друг. Вот почему он бегал к Юрию Бориславовичу. Переписывал заявки, обедал, рассказывал о ребятах из взвода. Но их связывали еще и особые, не всем понятные отношения. Учитель всегда немножко отец — хороший учитель для доброго ученика. Тренер и подопечный связаны общим делом. Серьезным, которому оба отдают много труда и нервов. И это общее дело, которое их неразрывно друг с другом связывает, они делают как бы на равных началах (что для мальчика имеет огромное значение). Потому что, как бы ни был велик авторитет тренера, что значат его знания и опыт, если они не воплощены в ученике? Один без другого не существует. Чем серьезнее становились успехи Валерия, тем сильнее укреплялось между ним и Юрием Бориславовичем то труднообъяснимое взаимное понимание, которое всегда устанавливается в спорте между учителем и его учеником, когда их совместная работа приносит удачу. Наставник чувствует настроение подопечного, угадывает даже, отчего образовалось такое настроение (письмо, ссора, свидание, нездоровье), и, душевно откликаясь, сочувствуя, меняет нагрузку или план боя, находит слова одобрения. И ученик привыкает понимать тренера с полуслова, с одной фразы, которая чужому уху останется чужда и непонятна; да ведь больше-то за минуту перерыва между раундами и не успеешь сказать: «Прибавь!.. Не трись!.. С ума сошел?.. Не ввязывайся!.. Попал — добавь!..» — и так далее.

Юрий Бориславович, когда ехал в Ташкент, много размышлял о том, как ему воспитывать будущих боксеров. Предстояло самому создать секцию и повести ребят, что называется, с нуля. Общеизвестная система подготовки юного бойца во многом не удовлетворяла тренера. Она казалась ему далекой от жизни, потому что рассчитана была на создание некоего идеального типа боксера. Но такого быть не может, думал Матулевич. И он решил с самого начала обучать ребят такой технике бокса, кото-

рая значительно отличалась бы от общепризнанной. В классической модели принято распределять вес тела равномерно на обе ноги. Матулевич стал приучать ребят к небольшому отклонению туловища назад, так что оно своим весом давило на отставленную правую ногу (если боксер правша). В таком случае работа левой руки напоминает помахивание хлыстом перед носом противника. Боксер наносит джебы, а не полновесные удары прямой левой. Надо сказать, что техника нанесения джебов была освоена Попенченко в совершенстве. Движение почти все время наступательное, а корпус и голова отклоняются в это время назад или покачиваются из стороны в сторону. Правая рука несколько освобождается от оборонительных функций и в любой момент готова к нанесению удара. Причем поскольку удар сопровождается резким переносом тела на левую ногу и разворотом корпуса, то те несколько сантиметров, на которые корпус отклонен от центра тяжести, удлиняют дистанцию и придают удару дополнительную мощь.

Матулевич был до войны чемпионом Ленинграда, но спортивная карьера, о которой он мечтал, не состоялась; неутоленное спортивное честолюбие — превосходная основа для тренерского поприща! Юрий Бориславович был аккуратен, на работу азартен и зол, привязывался к своим воспитанникам.

В начале 50-х годов даже в хоккее играли спокойно, так что и неискушенному зрителю, впервые заглянувшему в популярный учебник, было ясно: это дриблинг, это пас, это удар. С тех пор скорости возросли неимоверно. Голы забиваются молниеносно; чтобы разглядеть, как это произошло, приходится по несколько раз просматривать замедленную видеозапись. В боксе тоже все шло к ускорению, а потом и к сверхускорению действий. Но это не сразу поняли.

Три раунда по три минуты. Боксеры 50-х годов не слишком торопились. Можно было «побегать» — поманеврировать, чтобы запутать противника, финтовать, обманывать ложными выпадами, подгадывая момент для нанесения решающего удара. Опробовать разные варианты атак, чтобы остановиться на одном. Комбинации состояли из трех-четырех ударов. Зрелищно бои между большими мастерами были очень красивы. Специалисты выделяли две стилистические разновидности: «игровой» бокс и «силовой». Сторонники «игрового» говорили: защититься

можно от любого удара. Лучше нанести один удар и не получить ни одного, чем нанести десять, а в ответ получить семь. «Силовики» утверждали, что нужно деморализовать противника с первых секунд боя и держать его постоянно в страхе перед нокаутом.

Появлялись на ринге и темповики. Тактика их чаще всего была незамысловатой, они осыпали соперника градом ударов. О качестве их не очень заботились. Разумеется, классные бойцы, как и во все времена, не укладывались в рамки направлений и школ. Они умели вести маневренную игру, бить сильно и точно и взвинчивать или сбавлять темп в зависимости от выбранной тактики.

Матулевич хотел исключение сделать правилом. Его ребята должны были всегда держать темп. Но есть темп — и есть ложный темп, как говорят боксеры. Видимость активности. Воспитанники Матулевича должны были уметь проводить слитные, массированные атаки. Термин «уплотнение боя» появился позже. Как и другие, рожденные в профессиональной среде, он образно точен. Бокс в дальнейшем развивался под знаком уплотнения боя. Можно спорить, хорошо это или плохо. Думается, что однозначного ответа не существует. Кое-что современный бокс потерял по сравнению со старым. Но как бы то ни было, его реальное совершенствование приняло такую форму. Юрий Бориславович предугадал это одним из первых. Здесь он проявил себя, конечно, тренером-новатором. Возможно, не он один тогда думал об усилении темпа боя, раз эта тенденция реализовалась. Но он один из первых начал осуществлять ее в жизни. Ему нужен был подходящий «материал».

В суворовском мальчишки сыты-кормлены, обуты-одеты и спортивным инвентарем не обделены. Словом, «материал» превосходный, решил Матулевич. Надо только работать.

В коридоре на третьем этаже повесили мешки. Тренировались четыре раза в неделю. Бегали. Разучивали приемы. Шлифовали удары на снарядах. Матулевич «таскал на лапах», есть такой род боксерских упражнений, способствующий выработке точного и кратчайшего удара. Кроме того, посещали тренировки в других секциях — гимнастики, баскетбола, легкой атлетики. Валерию Матулевич посоветовал толкать ядро. Движения при этом похожи на удар прямой справа. Работают те же группы мышц.

«Система» Матулевича начинала приносить свои плоды. Мускулатура у ребят заметно окрепла, они научились от раунда к раунду наращивать темп и боксировали как-то непохоже на других. Про них говорили: «корявые». Но эта «корявость» доставляла много хлопот их соперникам на ринге. Она обескураживала, потому что нельзя было предугадать, какой удар за каким последует. Да и сами удары были ни на что не похожие: прямой не прямой, апперкот не апперкот.

Валерий выигрывал один бой за другим. Теперь в его боевом списке было больше двадцати побед. Чем успешнее выступали он и его друзья по команде, чем чаще их приглашали на соревнования, проводимые в городе. И скоро они поняли, что своими победами зарабатывают право гораздо чаще бывать в городе, чем их одноклассники. Теперь они могли иногда и послоняться по улицам, разглядывая витрины магазинов и выпивая у каждой стойки по паре-тройке стаканов газировки. Они бывали и в отдаленных районах города, в Ходре, например, где находился стадион «Спартак». Там нередко устраивались соревнования. Ехать надо было нескончаемой улицей Навои, где по одной стороне тянулись трех-четырёхэтажные, вполне современного городского вида здания, а по другой — мазанки-кибитки, в просветах между которыми открывались узенькие, в локоть шириной закоулки, где, продирая бока, с тонким бляением бегали бородатые козлы и лежали, зарывшись в пыли, угрюмые вислозадые бараны. На плоских глиняных крышах кибиток всходила трава, весной атели тюльпаны, осенью на разостланных газетах сушился урюк...

Бывали они и на Асакинской, где высился заброшенный костел с почерневшими запалами окон, страшноватый, беззвучный. Под ним текла грязная река Салар, на противоположном берегу которой давно построен был уютный стадион, и в одном из уголков его тоже частенько натягивали канаты... Был еще летний театр в парке Горького — как можно забыть? На сцене его бои проводились по вечерам. Днем на солнце зрители не выдержали бы и пары коротких раундов. Судьям тоже пришлось бы несладко. Боксеры, годами тренировок приученные ко всему, наверное, продолжали бы молотить друг друга, не обращая внимания на палящие лучи, — успевай только

увертываться от ударов, — однако боязно было, что число взаимных покаутов резко бы подскочило... Чаще же всего они заходили на Коммунистическую улицу. Она хоть и недалеко от центра, но была неширокой, одноэтажной, на ней стояли особняки, окруженные палисадами; на скамеечках сидели важные старухи в линялых сарафанах. Они с подозрением оглядывали вечно спешащих прохожих. А большую часть их и составляли спортсмены. Они шли в зал «Динамо».

Там был своего рода боксерский клуб. Приходили ребята из других обществ поразмяться, постучать на снарядах, узнать новости.

К крылечку, ведущему в зал, подъезжал на своем стареньком велосипеде Сидней Львович Джаксон. Он терпеть не мог праздно сидящих людей, а уж тем более спортсменов! Все свободное от работы и домашних забот время боксер должен уделять тренировкам. Прямо он этого никогда не говорил и как будто бы склонен был снисходительно относиться и к отдыху и к развлечениям, но все это было, по его мнению, недостойным времяпрепровождением для истинного атлета. «В строй, в строй! — командовал он. — На первый-второй рассчитайсь!» Он любил церемонию построения и расчета.

Сам вставал впереди и вел группу. Бег, подскоки, наклоны... Трудно было поверить, что тренировку проводит семидесятилетний старик. Валерию и его друзьям из училища не раз приходилось участвовать в этом и выслушивать (с неизменным восторгом) по ходу дела рассказы Джаксона — бесконечно занимательные, надо сказать! — о тренировках великих профессиональных боксеров прошлого, их излюбленных приемах и всяких штучках, не всегда дозволенных правилами, которые они применяли в боях... Сам старик Джаксон сохранил изумительную юношескую сноровку. Однажды Валерию пришлось наблюдать такую сцену.

Какой-то боксер лениво тюкал пневматическую грушу. Сидней Львович долго ходил вокруг, с явным неудовольствием посматривая на ленивца. Вдруг не стерпел, подбежал, отпихнул.

— Смотри!

И продемонстрировал тридцатисекундную феерию. Чуть покачиваясь на крепких ногах, старик выбрасывал с легким верхним напуском ставшие шаровидными кулачки. Груша вдруг перестала быть видна. Платформа

над ней дрожала, взвизгивала, редела... вдруг, не перебивая дробь, он послал грушу вбок, она мелькнула прозрачным силуэтом, забилась, взмолилась... Плечи его неторопливо поднимались, опускались, седая голова покачивалась, лицо оставалось безучастным.

— Вот... понимаешь...

И сердито отошел.

Невысокий старик с нежной сединой и перебитым носом; на самом горбыле его выступали две крохотные косточки, словно обнажился сустав... Охотно рассказывая о людях, с которыми сводила его судьба, он о себе помалкивал, и Валерий долгое время думал, что его знание подробностей жизни знаменитых в прошлом зарубежных спортсменов вычитано из книжек и газет. Каково же было его удивление, когда ему рассказали, что Сидней Львович сам в молодости был профессиональным боксером, одним из лучших «мухачей» Соединенных Штатов Америки, отличным техником, «файтером», темповиком, противостоять напору которого на ринге удавалось немногим... В 1914 году Джаксон гастролировал в Европе, выступал на аренах Ливерпуля, Глазго, Марселя. А когда контракт был выполнен, ему захотелось попутешествовать, воспользовавшись пребыванием в Старом Свете, и он отправился на север Европы, останавливался в городах Норвегии, Швеции, приплыл на пароходе в Петербург. Отсюда на поезде покатил в Москву: как же побывать в России и не повидать ее древнюю столицу? Здесь его застала весть о войне.

Западная граница оказалась закрыта. Плыть морем из Мурманска ему в консульстве рассоветовали: опасно, германские подводные лодки топят пассажирские суда. Оставался один путь: через Афганистан. Но денег у боксера хватило, только чтобы добраться до Ташкента. Здесь ему пришлось остановиться в ожидании перевода из Америки.

Ташкент в те времена был местом ссылки. Многие из ссыльных революционеров знали английский язык, и боксер подружился с ними. Он немало изумлялся тому, что эти честные, образованные и благородные люди оказались в немилости у своего правительства. Вечерами подолгу беседовал с ними, сидя под виноградником и привыкая глотать чай из низкой широкой чашки. Они учили его читать и писать по-русски. Разговаривали, конечно, о вой-

не, о ее жертвах, о газовых атаках. О бедности и богатстве, о рабочем люде, которому везде трудно.

Перевод все не приходил (позже он узнал, что тяжело заболел брат и все деньги ушли на его лечение), война продолжалась. Однажды он прочитал в газетах: царь отрекся от престола. В Петербурге революция. Вскоре ею охвачены были города и села Средней Азии. Его друзья стали собираться в дорогу. Они спешили присоединиться к восставшим. «Я с вами», — сказал он.

Так американский боксер стал участником русской революции. Его зачислили в Казанский полк. Состав его был интернациональным: чехи и венгры из числа бывших военнопленных, татары, русские, украинцы, немцы.

Полк воевал в пустыне. Наступал. Штурмовал форты. Бойцы нередко страдали от жажды. Отражали атаки в наскоро вырытых окопчиках. Снова шли вперед...

...Валерий слушал восторженно, будто ему пересказывали приключенческую книгу.

Сиднея Львовича Джаксона он встречал в тренировочном зале, видел сидящим в центре стола судейской коллегии на соревнованиях или в белоснежной форме рефери с галстуком-бабочкой на ринге. К семидесятилетию юбилею Джаксона молодежная газета напечатала очерк «О человеке судьбы необычной...».

...Кончилась гражданская война, и Джаксон вернулся в Ташкент.

Княжеский дворец в центре города, которым Сидней Лео любовался в первый день своего приезда в Ташкент, после революции был отдан детям. И стал Дворцом пионеров. Джаксон организовал здесь одну из первых в стране детских секций бокса. Десятки выпускников ее воевали на фронтах Отечественной войны; четверо были удостоены звания Героя Советского Союза (среди них известный писатель Владимир Карпов). 37 присуждены звания кандидатов и докторов наук. На юбилейном вечере, посвященном 70-летию Сиднея Львовича, кто-то пошутил, что таким количеством «остепененных» учеников может похвастать разве что академик. А он на это ответил, что его не это волновало, «а лишь бы все его ученики были здоровенькие».

Валерий добивается успехов и в других видах спорта. Юрий Бориславович посоветовал ему толкать ядро — и вот, пожалуйста, выполнены нормативы третьего разряда. Знай наших. Бегаёт на 400 метров с барьерами — и

результаты подбираются к нормативам второго разряда. Плавает брассом неплохо. И по гимнастике разряд. А по шахматам так даже первый.

Он благодарен боксу. Прежде всего за физическое развитие. Вон какой вымахал! Рост — 180 сантиметров. Весит 75 килограммов. По боксерской градации это второй средний (отныне это его боевой вес, и он будет, как говорят боксеры, его «держат»). У него сильная и равномерно развитая мускулатура. Бокс не дает преимущественного развития какой-либо группе мышц, в схватке все участвуют. Но больше всего он благодарен боксу за то, что познакомился с интересными людьми и близко узнал многих из них.

4

Весна и начало лета 1955 года были у Валерия трудными. Шли выпускные экзамены в училище. Но нельзя было пропускать и тренировки: его включили в сборную юношескую команду республики, она готовилась выступить на первенстве СССР в Грозном. Сколько раз потом в его жизни повторялась подобная ситуация: ответственные экзамены (или работа) и ответственные соревнования совпадали по времени. Можно было бы позволить себе некоторые послабления в тренировочных нагрузках — кто бы упрекнул? Но он и помышлять о том не может. Ему впервые доверили защищать честь республики.

С экзаменами было покончено. В аттестате одни пятерки. Ему вручили золотую медаль. При распределении он выбрал для дальнейшей учебы Ленинградское высшее военно-морское пограничное училище.

В августе он выехал в Грозный. Тренером сборной команды был назначен Матулевич.

Дебют оказался удачным. Предварительные бои Валерий выиграл легко.

Выход в финал всесоюзных соревнований всегда считается успехом для молодого спортсмена. Для многих этот успех Валерия был неожиданным. Его манера боксирования производила даже на специалистов странное впечатление. Атаки были внушительными, и нередко он валил противников на помост, но стиль... Движения резкие. Грубовато-порывистые, корпус слишком откинут назад... Наступает прямолинейно, азартно и тяжеломерно одновременно. Голова дергается взад-вперед, сам он часто припа-

дает на правую ногу... Словом, манера его производила смешанное впечатление и далеко не всем нравилась.

В финале ему противостоял москвич Ковригин, чемпион прошлого года, боец хорошо тренированный, опытный и владеющий поставленным ударом (то есть умеющий наносить удары технически грамотно). Драматически сложившийся поединок этот имел впоследствии большое значение для Валерия. Это был его тридцатый по счету бой. Он еще не знал горечи поражения!

Первый раунд. Оба нервно кружат по рингу и сходятся в коротких схватках. В довольно сумбурном обмене ударами, который при этом происходит, похоже, Валерий действует сноровистей. Матулевич считает, что первый раунд за ним.

Второй раунд. Ковригин, будто что-то про себя решив, осмотрительнее вступает в короткие схватки и не старается выглядеть в них расторопнее соперника, хотя очков ему это не добавляет. Попенченко, естественно, игры не меняет, она приносит ему пусть малощутимый, но все же перевес. Зал «болеет» за чемпиона. Попенченко никто тут не знает. А Ковригину аплодируют за каждый выпад. И вдруг...

Как передать ощущение полученного тобою сильного удара? Иногда его вовсе не видно (но сразу лихорадочно начинаешь прикидывать, откуда же он, и почему ты его не увидел и не перехватил?), иногда видишь, но какие-то силы мешают защититься... а мешает вот это осознание, то есть если уж увидел, значит, опоздал, пропустил; удар, от которого успеваешь уйти, — его не видишь, его угадываешь, предугадываешь, проводируешь. Онемение в подбородке и сотни стальных проволоочек пронзают мозг... Понимаешь это, к сожалению, только на полу.

Попенченко вскочил сразу. Судья счета не остановил, тогда уже действовало правило, что до «восьми» счет обязательен, на ногах спортсмен или нет. И Ковригин, как говорят, пошел на добивание... Валерий, вероятно, соображал, откуда этот удар прошел, а может, и видел, что это был хук слева и надо посматривать теперь за левой. Удары между тем сыпались на него, и ему было худо... Он поднял обе руки, прикрывая лицо... самого его мотало по канатам — и вдруг... Опять вдруг, как это и бывает всегда в бою...

Ковригин пригнулся, его правая рука мелькнула в воздухе. Валерий почувствовал, что не может дышать.

Хватает ртом воздух, а он не идет, будто уплотнился у рта и его надо кусать. Он лежал на боку и слушал, как судья ведет счет. Слышен ему был также, но как сквозь вату, рев на трибунах...

Он получил страшный апперкот в солнечное сплетение. Он заставил себя все-таки встать и продержаться до конца раунда. Гонг! Наконец-то... Матулевич торопливо подсовывает под канаты табурет; Валерий плюхнулся на него и открыл рот. Матулевич вынул назубник и оттянул резинку трусов. «Дыши глубже, дыши! — сказал он. — Сейчас для тебя главное — дышалка!»

Теперь, для того чтобы было понятно дальнейшее течение событий, нужно объяснить, какой удар в боксе называется «кроссом».

Общеизвестно другое значение этого слова: бег по пересеченной местности. Кулак при таком ударе как бы тоже взбирается на холм и спускается с него — его траектория не прямая, а параболическая. Но общее движение фронтальное, а не с фланга, то есть как при прямом ударе. Удачно посланный кросс огибает сверху перчатку и плечо, прикрывающее подбородок противника. Еще более мастерское, если можно так выразиться, его применение: через бьющую руку соперника поверх ее, навстречу. Тогда он приобретает чудовищную силу! Однажды на тренировке несколько лет назад Юрий Бориславович, прищурившись, бросил Валерию: «Ну-ка, ну-ка... У тебя пойдет кросс...» И через некоторое время в училище заговорили: «У Попенченко пошел кросс!» Матулевич подолгу на лапах отработывал все нюансы этого сложного движения и в конце концов поставил удар!

...Гонг. Третий раунд.

— Осторожней, он сейчас бросится — смотри! — крикнул вдогонку Матулевич и убрал табурет.

Так и вышло.

Можно было попытаться вести тяжелый вязкий бой, а в мелких и острых стычках, как в первом раунде, набирать очки. Что-то удержало Валерию от этого. Он отклонился, Ковригин промазал и раскрылся. Попенченко ответил кроссом...

Правда, у него и кросс был не «классическим», напоминал и боковой удар, и даункот (крюк сверху); Попенченко все делал чуточку «не по правилам»; «правильных» ударов у него было куда меньше, чем «неправильных». Но тогда еще не понимали, что в нестан-

дартности и непохожести и кроется громадное его преимущество.

Все было кончено. Ковригин лежал на помосте.

5

Валерий вскочил на верхнюю ступеньку пьедестала почета и принял из рук главного судьи соревнований золотую медаль. Это была его первая золотая медаль за спортивные достижения.

Ковригин первым поздравил его; видеть его сейчас на ступеньке ниже себя было и странно, и даже как будто немножко стыдно. Четверть часа назад он казался таким недоступно-грозным, высокомерным — сейчас был растерянным, поникшим... Но к победе над Ковригиным Валерий не мог отнестись так же беззаботно, как к предыдущим своим двадцати девяти победам. Он дважды побывал в нокдауне — такого с ним никогда не случилось! — и во втором раунде сам был на волосок от поражения.

Сколько раз тренер внушал ему, что не надо бояться поражения (Юрий Бориславович понимал, что для честолюбивого юноши, которому успехи даются пока легко, поражение может обернуться душевной травмой). Немало одаренных ребят бросали бокс после первого поражения! Но только теперь Валерий осознал его правоту. Есть благотворный смысл в поражении. «Силен тот, который валит, но сильнее тот, который поднимается», — любил повторять Матулевич. Сегодня его дважды свалили — он поднимался. Может случиться, что не поднимется. Ну что ж. Если ты все отдал победе, проиграть не стыдно. Характер воспитывается нелегкими победами. Сегодня он многое понял.

Валерий спрыгнул с пьедестала и попал в объятия друзей. Только сейчас он по-настоящему ощутил радость победы...

Но к радости победы в этом самом трудном, тридцатом бою примешивалась грусть расставания. Предстояло расстаться с Юрием Бориславовичем и его семьей, к которой Валерий так привязался. Оба сильно переживали близкую разлуку. И оба старались скрыть это. Они пожали друг другу руки в Москве. Юрию Бориславовичу предстоял путь на юг, Валерию — на север. В Ленинграде его уже ждали друзья Игорь Демух и Эдик Балашов.

Без всяких проволочек всех троих медалистов зачислили, как они и хотели, в Высшее пограничное. Однако полюбоваться городом, о котором столько читали и слышали, в тот раз не удалось. Новобранцев, не задерживая, отправили на учебную базу на берег Финского залива. В одно прекрасное утро они проснулись раньше, чем дежурный прокричал: «Подъем!» — от легкого сноровистого переплеска волн и с отчетливостью, какая и возможна только на рассвете, поняли, что Азия далеко — тут совсем другая сторона и что началась новая жизнь...

Чаек здесь было великое множество. Крики их напоминали когда тьяканье щенят, когда поросятчий визг, а когда и рык взрослой собаки... Людей они вовсе не боялись. Кок выносил им остатки обеда, подбрасывал куски вверх, они хватали их на лету и гонялись друг за другом. Море иногда гремело ровно и тяжело, как горный водопад, иногда журчало как лесной ручей. Задувал пронзительный ветер и сутки мог гудеть на одной ноте, и тогда вспоминались герои Диккенса, которые жаловались, что норд-ост изматывает им нервы. Вот он какой, оказывается, норд-ост...

Составлялись шлюпочные команды. Эдика Балашова посадили рулевым, Валерия — грести. Ему нравилось налегать на гладко обструганную ручку, ощущая спиной и ногами податливую твердь воды, в которую падало с размаху перо весла, улавливать такт этих падений, усилий и отдыха и подгадывать так, чтобы твои рывки точно совпали бы с рывками соседей... Проводились гонки, соревновались ребята с большим азартом. Месяц минул быстро, их перевезли в училище, начались занятия. В расписании значились лекции по высшей математике, начертательной геометрии, сопромату, физике...

И с тем чувством долга, которое было у него уже выработано, подобно кроссу, до автоматизма, Валерий взялся конспектировать лекции, обдумывать формулы, наблюдать осаждение раствора в пробирке и строить диаграммы на чертежной доске. Он должен быть и в высшем училище отличником.

Спорт? Что ж, спортивные занятия командование поощряет. Рядом с расписанием лекций висит расписание тренировок. Работают разные секции. Баскетбол, легкая и тяжелая атлетика, плавание. Валерий приходил в зал, брал баскетбольный мяч, разминался, бросал по кольцу. Качал мышцы па гимнастических снарядах. Вместе с

Игорем Демухом вставали еще до подъема, выходили на улицу Герцена, по-утреннему еще безлюдную, бегали. Игорь уговаривал всерьез заняться легкой атлетикой. Сам он был неплохим «средневиком». Бегал на полторы и три тысячи метров. Но у Валерия, уверял он, лучше пойдет барьерный бег. Валерий послушался. Пошел к завхозу, выпросил шиповки. Приходил на стадион рядом с училищем. Учился перепрыгивать (говорили: переходить) барьеры.

По воскресеньям друзья брали увольнительные, шли в город. У них появились знакомые девушки. Одной из них Валерий даже посвящал стихи. Ведь среди прочих своих достоинств он числил и дар стихотворца. Конечно, в шутку. Но пытался над строфами всерьез. Выходило не совсем складно, хотя размер соблюдался и рифма какая-никакая была. Тут крылся какой-то секрет, и очень хотелось его разгадать. Отчего это у него количество ударных и безударных слогов какое нужно, а музыки нет? Он полюбил поэзию. Брал в библиотеке книги. Наизусть выучил «Мцыри», поэмы и стихи Пушкина, Блока, много стихов Петефи и Маяковского.

Друзья продолжали знакомиться с Ленинградом. По-прежнему в воскресные утра, получив увольнительные, они выходили из училища, шли по улице Герцена к Исаакиевской площади, оттуда к Неве. Ждали, когда ударит пушка в Петропавловской крепости. Садились на скамейку. Подолгу любовались панорамой правого берега. Ростральные колопны... Академия наук... Университет... Попенченко позже рассказывал, выступая перед любителями спорта, что Ленинград произвел на него ошеломляющее впечатление. Долго не верилось, что он здесь живет и учится и много-много раз еще будет гулять по его улицам.

6

И еще Валерий признавался в том, что не оставляло его в это время искушение оставить бокс. И потом оно время от времени возвращалось.

Одарен он был разносторонне, знал, что если лениться не будет, то добьется успехов в науке, которая привлекала его куда больше, чем бокс. Живо интересовали его политические новости и книжные новинки, он до хрипоты спорил о них с сокурсниками. Не опасался ли Валерий, что спорт, поглощая слишком много времени и энер-

гии, ограничит его, не оставит времени для углубленного чтения и обыкновенного, нормального отдыха, которым, не задумываясь, пользовались все курсанты, когда появлялась возможность. Занятия продолжались (вместе с самоподготовкой) восемь-девять часов в день. Отдых бывал ой как нужен! Что же ему должно быть тяжелее всех?

В училище работала секция бокса. Валерий раз-другой заглянул в зал во время тренировок, даже перчатки натягивал, но с тренером у него как-то не заладилось. В представлении Валерия тренер должен был быть не холодным советчиком, а почти родным человеком. Позднее, осенью 1955 года, в Ленинграде разыгрывалось первенство ЦС общества «Динамо». Тренер предложил Валерию выступить. Отказаться было неудобно. Его включили в состав команды училища. И Валерий потерпел первое в своей жизни поражение. И довольно жестокое. Его побил москвич Соснин. Немудрено было Попенченко проиграть: он был совсем не в форме. Как недолго пришлось ждать первого испытания поражением! И трудно сказать, что Валерий его выдержал безукоризненно. Дав себе слово не выступать не подготовившись, он перестал и выступать и... готовиться!

...Григорий Филиппович Кусикьянц до тонкости знал гимнастику, легкую атлетику, бокс. Между прочим, первый вопрос, с которым он обратился к Попенченко, когда высмотрел его на стадионе, был такой: «Может, показать тебе, как бить барьер?» Только что закончился забег на 400 метров, во время которого наш незадачливый, но очень старательный барьерист оцарапал шипом руку, когда перемахивал через препятствие. И, заметив растерянность на лице парня, Кусикьянц добавил: «Вот я и думаю... Не твое это дело. Ты для другого рожден!» Валерий неожиданно для себя послушно отправился за незнакомым человеком, они под трибунами подошли к помосту, над которым были натянуты канаты. Так состоялось возвращение Попенченко к боксу.

У Григория Филипповича были прекрасные ученики, но для спортивной судьбы Валерия важнее было не то, что он умел неотесанных новичков превращать в первоклассных мастеров, а то, что Кусикьянц, как редко кто другой, умел работать с «чужими» боксерами.

Опыт у Кусикьянца был огромный; то, что ему приходилось на протяжении тренерской своей жизни работать

и с легкоатлетами и с гимнастами, сослужило в конце концов добрую службу. Он научился тонко понимать душевные переживания своих подопечных, их психофизиологические особенности. Одна деталь из его практики пояснит это. Вскоре после начала совместной работы с Попенченко он заметил, что длительная разминка перед боем только вредит ему. И перестал его «нагружать», чтобы не перегорал. «Для возбудимых, как Валерий, — говорил он, — достаточно несколько упражнений. На лапах гонять ни к чему!»

Работу с Валерием Григорий Филиппович начал не в спортзале, а у себя на кухне, где они расположились попить чайку. Кусикьянц был сторонником сверхвысоких тренировочных нагрузок. «Без них, — уверял он, — нынче в большом спорте делать нечего». Валерий попытался было сослаться на свою природную выносливость. «Этого теперь мало!» — отрезал Кусикьянц. Заспорили. Убедил. Схватил карандаш, набросал на полях газеты распорядок дня.

Утром до завтрака Валерий преодолевал пятикилометровый кросс (на сей раз слово применено в его первом значении: бег по пересеченной местности), который заканчивался близ больницы, неподалеку от училища. Кусикьянц договорился с завхозом, и для Попенченко с вечера оставляли топор и ключ от дровяного склада. Двадцать минут он бухал топором по поленьям. В полдень в училище приходил сам Григорий Филиппович. Час тренировки па снарядах. Мешок. Груша. Лапы. Скакалка. В шесть часов вечера тренировка на стадионе «Динамо». Работа с партнером. Спарринг. Вольный тренировочный бой. Бой с тенью.

Три раза в день. Шесть раз в неделю.

Но ведь ежедневно по восемь-девять часов продолжают лекции, семинарские и практические занятия в училище! Начальство вовсе не собирается кому-то делать поблажки. Да и сам Валерий во всем, что касается учебы, никаких поблажек себе не делает. Его будущее — наука. Он помнит об этом. Он должен успевать по всем предметам. Когда же отдыхать? На лекциях отдыхать от тренировок, на тренировках — от лекций. Необходимо освоить еще одну науку — науку отдыхать.

Нужно было убедить Валерия ввести в свой рацион питания разного рода ограничения, резко сократить потребление жидкости и так далее. Без этого, считал Григо-

рий Филиппович, наилучшей формы не достичь, даже повышая тренировочные нагрузки. Он нашел воспоминания старого жокея и принес Валерию показать место, где говорится, чем кормят скаковую лошадь, готовя ее к забегам: «В день: 2 килограмма свеклы, 200 граммов овса, гоголь-моголь из пяти яиц и 5 бутылок боржоми».

— Лошади! — Он поднимал к виску трясущуюся щесть пальцев. — Пять! Бутылок! Боржоми! А ты выхлестываешь сколько? А суп? А чай? А кисель?

И вот, «посадив» Валерия на строжайший режим, Кусикьянец стал хитрить и ловчить, незаметно понуждая его время от времени нарушать этот режим, самим же им введенный. Дело в том, что «режимщики» — это замечено — в какой-то момент начинают сбавлять в своем мастерстве, реакция притупляется. И вот Кусикьянец, встретив Валерию у дверей зала, вдруг объявлял ему, что сегодня тренировка по укороченной программе, ссылаясь на срочный визит или нездоровье и вел его в кафе-мороженое или в баню попариться. И смотришь, на следующей тренировке Валерий легко исполняет то, чего не мог добиться в предыдущем спарринге.

Разумеется, подобные отклонения от программы допускались чрезвычайно редко. Тренировочный режим был жестким. Кусикьянец проявил практическую сметку и верное понимание особенностей психики своего ученика. Но ему не терпелось посмотреть его в деле. Как раз проводились соревнования в программе Ленинградской спартакиады. Кусикьянец выставил Попенченко. До финала он дошел легко. В борьбе же за первое место против него выступал неоднократный чемпион страны Борис Назаренко. Валерий проиграл по всем статьям. Хотя и в равном бою. Это было его второе поражение.

Интересно, что перед выходом на ринг Валерий не получил от Кусикьянца никаких рекомендаций. «Ты работай, а я посмотрю. Я тебя еще мало знаю». Он хотел присмотреться к нему, увидеть его поведение в трудной схватке, чтобы определить, какую стратегию тренировки выбрать, обучая тонкостям высшего мастерства.

Он принял Попенченко целиком, таким, каков он есть, понял, что ничего исправлять не нужно, а только шлифовать, отделявать, улучшать движения; понял, что и корявость и странность могут составить основу нового стиля боксирования — и это будет невиданный и грозный бокс!

Летом 1956 года Попенченко пригласили на сборы в Выборг. Там тренировалась команда северо-западной зоны — Федерация бокса в тот год решила отборочные состязания проводить по зонам. Система проведения соревнований тогда менялась довольно часто. Съехалось немало именитых боксеров — и один из них привлек к себе особое, пристальное, ревностное внимание Валерия. Это был Геннадий Шатков. Они были почти ровесники, но он казался Валерию гораздо старше. Шатков был молчалив от природы, тверд и нетороплив в суждениях; крепкий подбородок свой — то ли стесняясь его крупных размеров, то ли по боксерской привычке — пригибал к груди, отчего глядел исподлобья, и казался от этого еще внушительней. Много читал. В чемодане с собой привез книги по юриспруденции, по истории.

Парк, в котором любили гулять боксеры, назывался привлекательно — Монрено, был большой, запущенный и спускался к морю. В этом же парке бегали по утрам, огибая кусты боярышника и ивняка, прыгивая в ложбины и взбираясь на крутые берега оврагов. А по пляжу гуляли после завтрака и тренировки, слушали, как плещутся волны и ссорятся чайки. Время летело незаметно. Когда сборы закончились, Валерий уехал в Заполярье, где в небольшом городке ему предписано было проходить морскую практику. А Шатков отправился на противоположный конец планеты. В Австралию. В Мельбурне должны были состояться Олимпийские игры.

В Заполярье было уже холодно, и море здесь было другое. По нему гуляли волны, ветер сдувал с изогнутых вершин пену. На сторожевом катере уходили далеко от берега. Сильно качало. Валерий стоял на вахте, работал с приборами. Попросил у командира разрешения спускаться с мотористами в машинное отделение. Двигатели на катере мощные. Записывал, в каких режимах работают. А вечером шел в радиорубку. Около нее собирались все свободные от вахты. Натягивали капюшоны. Засовывали руки в карманы. Радист ловил Москву. Спортивные новости. Когда комментатор произносил: «Бокс. Как общаются наши корреспонденты, советские боксеры встречались...», у Валерия замирало сердце.

Команда приставала к нему: как считаешь, наш выигрывает? И о Шаткове спрашивали: победит? Валерий уверенно отвечал:

— Тут золотая медаль.

Потом передали, что он вышел в финал и встретится с чилийцем Тапиа.

Прошел еще один день, и снова все столпились у радиорубки.

Победа!.. Геннадий Шатков чемпион Олимпийских игр!

7

Шатков был великолепным, мужественным, изобретательным и жестким бойцом. Его крадущаяся манера передвижения по рингу была восхитительна. Он широко расставлял ноги, пригибался и левой рукой непрерывно подбивал, подталкивал, исправлял движение противника, словно указывая ему, как он должен встать, чтобы его удобнее было ударить правой! Забавнее всего, что противник действительно вставал так, как того требовал Геннадий. На самом деле, разумеется, своими обходными маневрами он заставлял того принимать невыгодную для себя позицию. Если же противник бросался в этот момент на Шаткова — это наиболее часто предпринимавшаяся попытка выбраться из неудобного положения, — то Шатков мягко отпрыгивал — не назад, а чуточку разворачиваясь правым боком, — и в какой-то момент полета выбрасывал, как ядро из катапульты, правую перчатку. Резко, коротко и страшно.

Таков один из приемов Шаткова, с его помощью он добился немало досрочных побед. А как он проводил ближний бой, как ловким и мощным креном корпуса уходил нырком от удара соперника! Попенченко с Кусикьянцем проделывали эти приемы многократно, разбирали его технику по косточкам, репетировали контрприемы, обсуждали, какую тактику предпочесть.

Шатков был гармонически развитым человеком, тем живым воплощением античного идеала, к которому Попенченко сам стремился. Таким он ему, во всяком случае, представлялся. Валерий преклонялся перед начитанностью Геннадия, знанием театра и кино, его умением держать себя с разными людьми, сохраняя достоинство и проявляя уважение к собеседнику.

Забегая вперед, скажем, что, даже свергнув Шаткова с высшей ступени пьедестала почета, Валерий сохранил к нему самое уважительное отношение. Геннадий Иванович, закончив университет, защитил кандидатскую диссертацию и вскоре занял должность проректора Ленин-

градского университета. Не вызывает сомнения, что пример Шаткова сыграл свою роль в становлении характера Валерия и в выборе им жизненного пути.

Кусикьянец прекрасно видел, каким ореолом окружено для Валерия имя Шаткова, и это его несколько беспокоило. Григорий Филиппович боялся, что Валерию трудно будет психологически настроиться на бой с Геннадием, что он морально будет подавлен авторитетом Шаткова. И он не упускал случая как бы невзначай поговорить с ним о некоторых слабостях в тактическом рисунке боя Шаткова, о его темповых особенностях, напоминая воспитаннику, что можно подобрать ключик к победе, можно выиграть! Неожиданно ему помог сам Шатков, разумеется, не подозревая о том. После превосходной победы на Олимпиаде, тренируясь без должной тщательности, как это часто бывает, он проиграл посредственному боксеру. «Видишь! — торжествовал Кусикьянец. — И боги смертны!»

Валерий с Кусикьянцем продолжали держать на прицеле именно Шаткова, разрабатывали подробнейший план будущего боя именно с ним. Они тонко разобрали недостатки, присущие Шаткову, решив воспользоваться ими при разработке плана предстоящего боя. Обладая блестящей техникой и мощным нокаутирующим ударом, Шатков, как считал Кусикьянец, не отличался особой физической выносливостью и поэтому вел бой предпочтительно на длинной и средней дистанциях. Была у него еще одна специфическая особенность: замедленная манера боя. Она как бы завораживала противника, усыпляла бдительность, создавая иллюзию, будто Шаткова легко поймать на резкий удар. Но как раз на одиночный удар его поймать было невозможно — он обладал молниеносной реакцией и великолепно отрепетированными приемами защиты. Надо было что-то противопоставить медлительной манере, не поддаваться ее усыпляющему воздействию, втянуть Шаткова в обмен ударами на ближней дистанции и проводить слитные затяжные серии.

Исходя из этого, Валерий с Кусикьянцем разработали основные тактические задачи. Во-первых, нужно было найти способы удачного выхода из ближнего боя. Во-вторых, следовало позаботиться о более емких, чем у Шаткова, запасах физических сил и темповых возможностей.

Шатков был ярким представителем уходящей эпохи бокса, когда действия на ринге еще не были «уплотне-

ны». Массированные атаки Попенченко предвещали появление на ринге нового стиля боксирования. Боксер будет делать все «то же самое», но гораздо быстрее и «слитнее».

8

Самое любопытное и поучительное в этой истории с разработкой детального плана то, что он — когда Попенченко все-таки «добрался» до Шаткова — основательно провалился. Олимпийский чемпион совсем не хотел подчиняться чужим планам. Попытки прорыва в ближний бой он парировал, атак избегал уклонами корпуса, от сильных ударов защищался своими красивыми и мощными нырками. Более того, к третьему раунду он сохранил силы и выглядел совсем свежим. Победа Шаткова была бесспорной.

И тогда-то Валерий понял, что любые планы, как бы основательны и продуманны они ни были, останутся грубой схемой, если не расцвечены импровизацией. На ринге надо уметь играть, надо уметь меняться, искать, отказываться от привычного. Бой — особое состояние человеческого духа, которое с полным правом можно назвать творческим, и, наверное, поэтому он смотрится с таким интересом. Действия подчиняются интуиции, послушное тело — неосознанным импульсам. Вместе с тем настоящий мастер все-таки действительно «мыслит», то есть как бы видит себя со стороны, умеет контролировать свои эмоции и управлять течением событий. Можно неосознанно ударить, нельзя неосознанно увеличить или сбавить темп. Но это приходит только с опытом.

И, осознав это, Валерий сделал еще один шаг в освоении высшего мастерства. Он понял, что ему придется преодолеть период, в котором огорчений будет больше, чем радостей, а плоды утомительного труда не сразу станут видны. Вчерашний вундеркинд, которому выступления с малолетства приносили одни аплодисменты, решается, стиснув зубы, претерпеть невзгоды и уныние — неизменных спутников поражений, — потому что понимает их неизбежность. Это уже очень много — понять и примириться с необходимостью поражений. Здесь виден сильный характер. И дальновидность. Валерий владел набором технических приемов и тактических навыков, описанных в учебнике. Но есть высшее мастерство. Его состав-

ляющие не изложишь в параграфах. В нем есть что-то от искусства. Вот к овладению высшим мастерством и надо стремиться, решает он. На это уйдет несколько лет упорного труда. Что же, он готов.

Возможно, нелегкий период освоения высшего мастерства у Валерия несколько затянулся из-за того, что совпал с периодом трудоемких занятий в училище. Небольшой пример, характеризующий его отношение к учебе. В 1963 году должна была состояться в Москве на первенстве Европы его встреча с замечательным польским боксером Тадеушем Валасеком. Но тот не приехал: сдавал экзамены в институте. Когда Валерию сказали об этом, он со свойственной ему непосредственностью буркнул переводчику: «Чепуха какая! Я тоже сдаю экзамены!» (Он не добавил только, что сдавал в это время не «текущие» экзамены, как его партнер из Варшавы, а кандидатский минимум по философии и механике.) За все время учебы Попенченко ни разу не обратился к начальству с просьбой перенести зачет или экзамен по той причине, что ему, видите ли, необходимо защитить звание чемпиона страны или континента! Зачет есть зачет... Но и к тренерам никогда не обращался с просьбой освободить его от соревнований, потому что сессия... Надо совмещать, приказывал он себе.

На третьем курсе определились, как ему тогда показалось, его научные пристрастия: двигатели. В училище превосходно оснащенные лаборатории и мастерские, все свободное время он теперь пропадает там. Свинчивает цилиндры, разбирает клапаны, нарезает гайки... Когда приходит Кусикьянц — о чем Попенченко извещает дневальный, выростая в дверях: «На выход! К родственнику!» — он выходит в робе, перемазанный мазутом, вытирает паклей руки, на подбородке у него пятно сажи... Торопливо протягивает руку, так, чтобы Кусикьянц пожал не ладонь, а рукав — вроде бы почище. Ему нравится чувствовать себя мастеровым человеком, который только на минутку оторвался от своих маховиков и поршней. Григорий Филиппович передает то, что не терпит отлагательства: где и во сколько тренировка, утвердили или нет сборную, кто в каком весе боксирует, будет ли поездка и куда...

Нередко Кусикьянц приносил с собой шахматы. Он был страстным любителем этой игры, и, когда в один прекрасный день ученик и тренер узнали, что подвержены

одной страсти и оба поклонники Михаила Таля, они почувствовали еще большую симпатию друг к другу. Играли в гостиничных номерах, в купе поездов, в раздевалке перед боем...

9

В начале 60-х годов своеобразный стиль Попепченко обретает свою законченность. Каждое движение на ринге, каждый прием становятся осмысленными, неторопливыми и, можно даже сказать, одухотворенными. Однажды один из специалистов бокса, желая коротко охарактеризовать особенности мастерства знаменитого тяжеловеса Шоцикаса, выразился так: «Он умеет делать шаг назад!» То есть в необходимый для Шоцикаса момент он может разорвать дистанцию. Изменить ритм. Стихия боя не властна над ним, он подчиняет ее себе. Этому нельзя научить. Глядя на такого ученика, тренер восхищенно шепчет про себя: «И откуда это? Я не показывал, не объяснял!..» Да еще и добавит честно: «Я и сам этого никогда не умел...»

Признание к боксеру обычно приходит после победы на первенстве СССР. У Попенченко было не так. В 1959 году он наконец выигрывает звание чемпиона страны (через четыре года после победы на юношеском первенстве). Шла Спартакиада народов СССР. Его включили в сборную Ленинграда, Шатков прихворнул и не мог выступать.

В первом же бою Попенченко по жребию достался худой, стройный Джанерян, недавний участник первенства Европы. Стиль Джанеряна был полной противоположностью стилю Попенченко. Его можно определить двумя словами: хитрость и изящество.

Едва прозвучал гонг, Попенченко (позволим себе употребить два словечка из профессионального арго, они выразительны) понес своего партнера и нес его, как хотел, до последнего удара гонга. Это был камнепад, который смел на своем пути все заслоны и дамбы. Джанерян пытался наладить защиту и своим поставленным ударом левой остановить лавину, но тщетно. Джанерян держался достойно, в какие-то моменты ему удавалось избегать ближнего боя, и тогда у его болельщиков вспыхивала надежда. Однако Попенченко вываливал на него очередной вал гроыхающих булыжников, и его соперник

сразу становился ниже ростом — каждый знает это впечатление, которое зрительно складывается при полном преимуществе одного из противников. Победитель тут был ясен с самого начала. Зато рефери на ринге пришлось попотеть. Удары Попенченко не всегда были чисты по исполнению, что давало Джанеряну возможность апеллировать к судьям и зрителям, он разводил руками: Попенченко, мол, «грязно» работает... В заключение у него оказалась рассечена бровь, и секундант потребовал расследования, ему привиделось, что Попенченко нанес удар головой (за что ему полагалась бы дисквалификация и поражение). Рефери усмотрел взаимное столкновение.

Валерий устремился к финалу. С не меньшим успехом выступал и Феофанов. Схватка между ними во Дворце спорта в Лужниках должна была многое определить. Феофанов был коренастым, мощным, хорошо выученным и прекрасно тренированным бойцом жгучего и злого темперамента. Он уже побеждал Попенченко. У Феофанова была особенность, о которой, впрочем, его соперники были осведомлены. Он был скрытый левша. То есть левша от природы, он с детства был приучен все делать правой рукой, как большинство людей, и в боксе, когда он начал им заниматься, принял левостороннюю стойку, так что незнающий человек мог подумать, что удар справа у него сильнее, чем слева. На самом же деле все обстояло наоборот. Левый боковой у него был такой жуткой силы, что про него говорили: «Как лошадь лягнет!» На такой-то удар и нарвался Валерий в первом раунде. Он рухнул как сноп. Удар был страшный. Валерий поднялся до счета «восемь», но судье, прежде чем подать команду «бокс!», пришлось заглянуть ему в глаза, чтобы убедиться, что он окончательно пришел в себя. Нокдаун был тяжелый.

Так начался бой, который принес Попенченко звание чемпиона страны. Что же произошло дальше? А потом все увидели словно бы другого боксера. Этот другой умел делать «шаг назад». Попенченко стал рвать дистанции и делать мгновенные паузы. Он перестал «ввязываться», кружа на расстоянии дальнего боя, иногда клинчуя. Все это время продолжался плотный бой. Видно было, что оба соперника выносливы. Бой принял затяжной характер, что было выгодно Валерию. Его преимущество незаметно нарастало. Оно оставалось небольшим, но Попенченко и

не стремился его с риском для себя наращивать. И судьи отдали ему предпочтение. Он победил.

Предстояли уже в этом году соревнования на первенство Европы в Лозанне, и полным ходом во всех странах велась подготовка к XVII Олимпийским играм в Риме, которые должны были состояться в следующем, 1960 году. Григорий Филиппович требовал, чтобы в Швейцарию поехал его ученик. Были назначены дополнительные отборочные встречи. Валерий опять приехал в Москву и снова поднялся на ринг в Лужниках. В первом же бою ему довелось встретиться с Шатковым. Он проиграл.

Некоторым утешением могло служить то, что бой он провел на равных, к тому же на следующий день Шатков разгромил Феофанова. В отличие от боя с Попенченко Шатков буквально разнес противника. Видя, что первые три минуты боя им чисто проиграны, Феофанов начал второй раунд бурными силовыми атаками, но все они разбились о виртуозную защиту и точные встречные удары олимпийского чемпиона... Этот финальный бой еще раз убедительно подтвердил блистательное боксерское мастерство Геннадия Шаткова. Следовательно, Шатков сильнейший, а Попенченко второй после него.

Шатков отправляется в Лозанну и там вновь берет золотой пояс чемпиона континента.

В следующем году ожесточенная борьба в среднем весе продолжается. Проводятся зональные, потом межзональные встречи: конкуренция очень высока. Шатков, Феофанов, Коромыслов, Позняк, Попенченко... Валерий побеждает всех (даже Шаткова!) и в последнем бою сходится вновь с Феофановым. Оба не могут забыть поражения, полученных друг от друга, и очертя голову бросаются врукопашную. Судье приходится то и дело их останавливать. В конце концов он начинает отсчитывать им предупреждения. Первое Попенченко... Первое Феофанову... Второе Попенченко... Второе Феофанову... Третье предупреждение раньше получил Валерий и был дисквалифицирован. Победа присуждена Феофанову.

В это время своеобразный стиль Попенченко, его своеобразная манера боксирования привлекают внимание специалистов. Зарубежные тренеры пытаются разгадать его тактику. Вот, например, как высказался наставник команды ГДР Рольф Штейнбрехер: «В боксе бывает, что в неказистых и вроде бы неправильных движениях бойца кроется яркая индивидуальность. Пример — Валерий По-

пенченко. Как долго его талапт не находил должного признания, и все потому, что по внешнему впечатлению его действия на ринге совсем несхожи с классическими образцами. Как-то упустились из виду стремительность его мощных ударов, острое чувство дистанции, облеченное, правда, в очень самобытную форму: в передвижениях, в подготовке к атаке он казался каким-то неумелым...» Рольф Штейнбрехер называет Попенченко самородком: «Эти самородки всегда поражали соперников своей неудобностью, судей — способностью неумолимо в любых ситуациях копить преимущество...»

Специалисты начинают понимать, какая грозная сила кроется в корявом и неуклюжем стиле Попенченко. Все же некоторый оттенок недоверия сохранился. В 1961 и 1962 годах Попенченко был первым на чемпионатах страны, однако понадобился еще один год и целый ряд убедительных побед, чтобы ему безоговорочно сказали: ты и только ты будешь представлять нашу страну на следующем чемпионате Европы.

К чести Валерия, надо заметить, что критика несколько не расслабляла его — напротив, подстегивала самолюбие (хотя он вовсе не оставался к ней равнодушен — бывало, что и тяжело переживал...). Он не позволял себе останавливаться и все время прибавлял в мастерстве. Опыт подсказывал ему: для того чтобы оптимально боксировать в свойственной ему манере, необходимо постоянно заботиться об отменной физической форме. Теперь по утрам спортсмен бегал не привычные кроссы, а с добавочной нагрузкой. Он просил тренера отмерять по секундомеру трехминутные отрезки и преодолевал их с наивысшей скоростью, производя руками бой с тенью. Не просто бежал по холмам и впадинам, перепрыгивая через стволы упавших деревьев, через ручьи и канавы как можно быстрее, но при этом наносил по воздуху удары снизу, прямые, хуки, уклоняясь от воображаемых ударов противника.

Боксер жил в это время ожиданием близких перемен в своей жизни. Скоро он получит назначение на корабль. Начнет свою офицерскую службу. И экипажу корабля — так он думал — будет абсолютно безразлично, кто он — чемпион или не чемпион, а вот как работают дизели, это многих очень даже будет интересовать! И тут, браток, поблажек тебе не будет, не жди...

По странному совпадению репортажи с Римской олим-

риады ему опять довелось слушать из радиорубки. Разница, правда, в том была, что корабль стояла у причала — не вышел еще в море, поскольку команда только комплектовалась. Попенченко щеголял в новенькой форме с погонами капитан-лейтенанта. Вместе с двумя другими новоиспеченными морскими офицерами его направили для прохождения службы на сторожевой катер. К нему опять подходили ребята, свободные от вахты. «Как там Сивко? Потянет? А Григорьев?» В этом Валерий не сомневался: потянет. И на золотую потянет (так потом и вышло: Олег Григорьев стал чемпионом в легчайшем весе). «А Шатков?» — спрашивали. «Да отстаньте, черти... Откуда я знаю?» — «Шатков все же... Как же... Небось выиграет». — «Восемьдесят не его вес, — объяснял Попенченко. — Понимаете? Семьдесят пять его вес...»

Потом пришло сообщение — Шатков выбыл. Его победил какой-то Кассиус Клей. «Интересно, как это все там происходит? — пытался представить Валерий. — В какой манере боксируют? Какая обстановка в олимпийской деревне?»

«Будет ли моя Олимпиада?» — вздыхал он про себя украдкой.

10

Полупризнание, которым пользовался Попенченко и которое вызывало прямо-таки неистовое возмущение среди его поклонников, таило в себе, как скоро выяснилось, одно неожиданное для него преимущество. Для широкой публики он все-таки оставался малоизвестным бойцом, к состязаниям, о которых много писали и показывали по телевизору, его еще не допускали. И поэтому, когда Валерий появился на европейском ринге — уже в полном расцвете сил и мастерства, опытный, отважный, спокойный, насмешливый, — это произвело впечатление разорвавшейся бомбы. В один вечер о нем заговорили все!

Первенство Европы 1963 года проходило в Москве. Впервые соревнования по боксу подобного масштаба проводились в нашей столице, и организаторы постарались придать им особо торжественный и праздничный характер. Из Ташкента приехал Сидней Львович Джаксол. Ему было уже под восемьдесят, и здоровье сильно пошаливало, но не утерпел, прибыл. Его посадили среди почетных гостей. Спортсмены и тренеры с любопытством рас-

смастривали — тогда он был еще внове — значок «Заслуженный тренер СССР», прикрепленный к лацкану его пиджака. Это звание ветеран гражданской войны получил одним из первых. Незадолго до этого вышла книжка о Сиднее Львовиче. В один из вечеров чемпионата он подарил ее с автографом Попенченко.

Для участия в европейском чемпионате советская делегация представила необыкновенную команду. Ричардас Тамулис, Станислав Степашкин, Борис Лагутин, Олег Григорьев, Дан Позняк — мастера самобытные, неповторимые, виртуозы и всяк на свой лад, никто друг на друга на ринге непохож... Отличную дружину привезли и поляки, ее возглавлял знаменитый тренер Феликс Штамм. В команде выделялись Ежи Кулей и Збигнев Петшиковский. Хорош был венгр Кайди, которого ожидала впереди большая слава...

И вот на этом-то фоне, среди таких звезд суждено было заблестать таланту Попенченко! Потому что, как ни восхищались зрители одухотворенной точностью манеры Лагутина, контратаками Тамулиса, дробными сериями Кулея — все они демонстрировали блистательное исполнение! — сердца их были отданы Попенченко! И не только зрительские сердца — и специалистов, и искушенных ценителей: всех! Без всякого сомнения, Попенченко был лучшим боксером первенства.

Но, прежде чем перейти к описанию его побед, необходимо, вероятно, ответить на вопрос: а как же Шатков? Решающая схватка между ними ожидалась с таким нетерпением... А Феофанов, давний конкурент? К великому разочарованию любителей бокса, захватывающих поединков и решающих схваток не получилось: возмужавший, ставший уже «настоящим» Попенченко легко отодвинул своих соперников в сторону. Шатков, правда, к тому времени занятый учебой в аспирантуре, несколько охладел к боксу и утратил былую мощь, а Феофанову не по силам стало оппонировать в этом жестоком споре...

Первым испытал на себе сокрушительную силу ударов Попенченко итальянец Мурру. Итальянцы на Олимпиаде в Риме добились немалых успехов, и это внушило им огромную уверенность в себе. Все они отличались повышенной агрессивностью и в пекло лезли с первых секунд. Мурру не был исключением — он сразу бросился на Валерия. Сделав два-три маневра, тот ловко и незаметно перехватил инициативу. Шла середина первого ра-

унда. Резкий отклон корпусом, итальянец как замороженный повторяет это движение, только в симметрично противоположном направлении: дергается вперед. Попенченко почти незаметно отступает, прямой справа, хук слева. Судья бросается к боксерам, Мурру продолжает валиться вперед, все заметнее оседая, и в это мгновение Валерий успевает «дослать» еще один прямой правой...

Секундант Мурру что-то кричит судьбе. Тот не слушает — да и не имеет права! — сечет кулаком воздух:

— Раз!.. Два!..

Секундант что-то ищет под канатами.

— Семь!.. Восемь!..

Итальянец на ногах, но его шатает. Судья, прервав счет, приближается к нему, пристально вглядываясь в лицо, и в этот момент над рингом, размахивая крыльями, повисает и медленно садится трехметровая белая птица... Проходит еще некоторое время при гробовой тишине — и зал разражается хохотом. Оказывается, не найдя полотенца, секундант выбросил халат Мурру в знак отказа своего подопечного от боя, а халат возьми да вздуйся парашютом. Мурру с плачем бежит в свой угол — впрочем, ноги его заплетаются, несмотря на усилия держаться прямо. Похоже, он умоляет секунданта позволить ему продолжать бой, однако судья уже принял свое решение.

Через день Валерий встречался с югославом Яковлевичем, в боевом списке которого значилось почти 400 поединков. Свой бой с этим опытейшим мастером Валерий построил совсем не так, как с итальянцем. Подавить, оглушить противника в первых сближениях было бы очень рискованно — можно нарваться на крупные неприятности. Но держать его в постоянной тревоге, заставить почувствовать висящую над ним неотступную опасность было необходимо — стареющему ветерану с каждым раундом все труднее должно было справляться с непрерывной сменой ситуаций. Попенченко малозаметными движениями менял направления беспрестанных атак, в любой момент он готов был отправить противника в нокдаун. Предчувствие того, что это может произойти, что это должно произойти, что это непременно произойдет, охватило зал и самого Яковлевича. Ему уже было не до очков, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

В перерыве Кусикьянц посоветовал Валерию не злоупотреблять отклонами назад. Дело в том, что Яковлевич

тоже пользовался отклонами, размашистыми и крупными по амплитуде и некрасивыми, следует добавить. Когда отклоны у обоих совпадали, дистанция боя разрывалась, и происходило это довольно часто. Валерий тут же ее восстанавливал, но зачем тратить дополнительные усилия и время? Увеличение дистанции выгодно югославу. Это, между прочим, очень тонкий совет, который мог дать вздумчивый тренер, притом тренер-практик.

Бой сразу же обострился. Преимущество Валерия нарастало. Яковлевич промахивался и запутывался, как новичок. Впечатление было такое, что опыта больше у Попенченко, а не у него. И все же Валерий не форсировал событий, атаковал жестко, но без излишней горячности. К нему пришла боксерская мудрость! Когда судья поднял его руку, югослав сказал: «Я не мог в тебя попасть!» Кажется, это лучший комплимент, который можно получить после плотного темпового боя.

Впереди финал...

По утрам в номер к Валерию поднимался Эдуард Балашов, старый друг. Неожиданно для приятелей у него открылся поэтический дар. Жил он теперь в Москве и мог навещать Валерия ежедневно. Валерий в этом нуждался и не скрывал этого. Садились за шахматную доску. Потом Эдуард спускался в вестибюль, чтобы забрать у администратора письма, приходившие на имя Валерия. Их всегда было много — от знакомых и незнакомых. Часто писал Игорь Демух, он служил офицером далеко от Москвы. Он рассказывал о себе, вспоминал годы учения в Ташкенте и Ленинграде... Потом Эдуард и Валерий шли гулять. Было самое начало июня. Цвели каштаны. Неподалеку от гостиницы Новодевичий монастырь. Свернув за ограду, шли к кладбищу. Оба заметили, что вид могил, надгробных плит, крестов, памятников, рябинок, растущих над холмиками, успокаивает Валерия. Здесь было так тихо. Здесь ничто не напоминало о ревущих трибунах, о страстях, о славе...

Кусикьянц, узнав об их прогулках, одобрил: «Раз отвлекает, очень хорошо. Надо отвлекаться, понимаешь?»

Перед тем как отправляться в Лужники, команда собиралась в холле гостиницы. Главный тренер Виктор Иванович Огуренков коротко разбирал проведенные схватки и давал установки на следующие. Массивный, неулыбчивый, строгий, первое собрание он провел ворчливо, больше распекал за недостатки, чем хвалил. Но раз от разу лицо

его светлело, ворчал реже, а перед последним днем так даже не мог скрыть радости. Как бы финальные бои ни закончились, подобного успеха не добивалась еще ни одна команда. Десять боксеров в финале. Выходило, что в финале сборная Советского Союза выступала против сборной Европы!

Валерию в последнем бою выпало боксировать с румыном Ионом Монеи. Бил Моня немного разлаписто, но с чудовищной силой и с обеих рук. В румынской, да и в нашей прессе о нем писали как о боксере техничном — это преувеличение. Набор приемов у него не был богат, да и те, какими он владел, не отличались изяществом и точностью исполнения. Однако он был чрезвычайно опасен из-за страшной силы своих ударов.

...Соперники пожали друг другу руки. Бой начался. Не прошло и тридцати секунд, как Моня очутился на полу. Он встал и, наклонив голову, снова ринулся в схватку. Попенченко незаметными подставками локтей и перчаток, разворотами корпуса гасит атаку. Удар! Моня опять на полу. Видно, что нокдаун тяжелый. Моня едва ли оправится. Но при счете «восемь» раздается спасительный удар гонга. В перерыве секунданты стараются привести Моню в чувство. Кажется, им это удастся. Во всяком случае, вскакивает румынский боксер бодро и, как будто не было пропущенных ударов, идет вперед. Тут Валерий сначала «вытянул» его на себя и тут же «встретил». Моня медленно стал опускаться, и Попенченко, которого по инерции влекло вперед, чтобы не наступить, пришлось перешагнуть через него. Спортсмены избегают подобных жестов, которые могут выглядеть как пренебрежительные по отношению к противнику, но здесь получилось невольно, и поэтому, никого не унижая, это последнее движение по рингу, которое довелось Попенченко сделать на чемпионате Европы, можно истолковать как символическое: он перешагнул через соперников и взшел на пьедестал почета.

В этот вечер и его друзья по команде: Степашкин, Лагутин, Тамулис, Григорьев и другие — завоевали шесть золотых и четыре серебряные медали. Радость победы Валерий ощущал особенно остро, потому что эта радость сливалась с ликованием всей команды, с ликованием тысяч зрителей, заполнивших Лужники. Никогда он не был так счастлив. Еще бы. Стать чемпионом континента здесь, в Москве!

Между тем служебное положение Валерия изменилось. На корабль пришел приказ перевести его в распоряжение управления, он вернулся в Ленинград. Работал. Стоял вопрос о поступлении в адъюнктуру. Продолжал усердно тренироваться.

Однажды на улице встретил знакомого тренера по плаванию. Разговорились. Посетовал, что приходится тратить много времени на дорогу до стадиона «Динамо». «Позволь, — спросил тот, — ты ж неподалеку от ВИТКУ живешь, а я там работаю. Приходи к нам. Зал приличный, разминайся сколько нужно!» — «А что, правда!» И пришел.

Валерий всегда отличался общительностью, и очень скоро он перезнакомился со многими курсантами и преподавателями ВИТКУ — Высшего инженерно-технического Краснознаменного училища (ныне Высшее военное инженерное строительное училище имени А. Н. Комаровского). Имя Попенченко было в эти месяцы на языке у каждого мальчишки в Ленинграде, и неудивительно, что курсанты во множестве приходили в зал, чтобы посмотреть тренировку чемпиона. Через некоторое время он в этом же зале вынужден был прочесть лекцию, тему которой можно было бы определить так: «Как сочетать учебу и спорт». И здорово прочел — курсантскую жизнь он знал до мелочей. Рассказывал, как организовать свое время, чтобы выделить часок-другой в день для тренировки, и что эти тренировки дают для самочувствия и учебы. Ему задали множество вопросов. Хорошо ли вечером тренироваться, крепко ли потом спишь? Что делать, когда болят мышцы? Штанга закрепощает, а баскетбол раскрепощает — правильно? И все в таком роде. А также, конечно, о его боях и заграничных впечатлениях (он успел побывать в ФРГ).

Знакомство Валерия с коллективом ВИТКУ день ото дня становилось все более близким, и однажды утром полковник Евгений Васильевич Стефанов зазвал его к себе в лабораторию. Он был начальником кафедры, а в лаборатории ставил эксперименты, связанные с очисткой воздуха в специальных аппаратах. С Валерием он познакомился как бы между прочим, но, разговорившись, почувал в нем неподдельный интерес к технике. В лаборатории они рассматривали различные гидроустановки, и

Стефанов показывал, где крепится форсунка, каким образом подается струя воды и что получается при изменении давления. Оба сели за поцарапанный стол, на котором лежали шланги, и на клочке бумаги набросали кое-какие формулы, чтобы понятней было, о чем идет речь.

Всю ночь Валерий ворочался, обдумывая параметры, подсказанные Стефановым, и не мог заснуть, несмотря на то, что в недавней лекции подробнейшим образом растолковал, что нужно предпринимать в таких случаях. Что делать, он был увлекающимся человеком! К утру Валерий убедился, что ореол вокруг двигателей внутреннего сгорания, которые до сих пор владели его технической мыслью, несколько померк, зато кондиционеры, как он понял, открылись для него с чрезвычайно привлекательной стороны. И потому после завтрака сам пришел в лабораторию к Стефанову.

А спустя некоторое время Валерий Владимирович сдал необходимые экзамены и был зачислен в адъюнкты ВИТКУ. И со всем жаром, на какой способно было его увлекающееся сердце, он погрузился в расчеты, замеры, которые ежедневно, как оказалось, падо было производить десятками.

...При соприкосновении воздуха с водой происходят сложные физические явления, связанные с теплообменом. Обсуждая с Валерием условия эксперимента, Стефанов порекомендовал ему изучить по этому вопросу данные, полученные английскими и американскими учеными, и, заметив смущение на лице адъюнкта, поинтересовался: «Как у тебя с языком?» — «Средне», — признался Валерий. «Немедленно!.. Слышишь? С сегодняшнего дня! И через два месяца эксперимент будем обсуждать по-английски». Рассказал, как однажды к Вернадскому обратился аспирант с просьбой растолковать неясные моменты в теории номогенеза. «Знаете, — посоветовал Владимир Иванович, — это очень хорошо разработано у испанца...» И назвал фамилию. «Но я не владею испанским!» — чуть ли не возмутился аспирант. «Овладейте! — спокойно ответил Владимир Иванович. — Даю вам две недели». Вернадский в своих лекциях много раз подчеркивал, что не представляет себе ученого, не знающего основных европейских языков. «Так что, дружок, — закончил Стефанов, — две недели, понимаю, нереально, а через два месяца изволь...»

Валерий пошел в библиотеку, выписал словари, учебники.

Итак, направлением его научной работы на несколько лет вперед должно было стать изучение аэрогидродинамических режимов, а результатом — создание аппарата с так называемым орошаемым слоем. Пройдя через него, загрязненный воздух должен очиститься и приобрести необходимую температуру и влажность. Считалось, что существуют определенные режимы движения воды и воздуха в таком аппарате, их надо было изучить при помощи многочисленных экспериментов, другого пути не было. А для этого необходимо создать экспериментальную модель с подключенными к ней измерительными приборами и мерными сосудами. Стефанов и Попенченко сконструировали такую. Получился внушительных размеров параллелепипед с прозрачной стенкой, снизу к нему примыкал воздуховод, сверху поступала вода.

Валерий по утрам садился около аппарата, открывал краны. Раздавался мерный сдавленный свист, он перерастал в гул, на винилпастовой сетке появлялась белесоватая кромка. Вода в тысячу раз тяжелее воздуха, но, если воздушный поток увеличить, пленку воды легко сорвать, она придет, как говорят, в возмущенное состояние, начнет турбулецировать — это явление тоже было интересным... Валерий проделал уже около пятисот опытов, когда им с Евгением Васильевичем пришла в голову мысль крепить сетки не горизонтально, а наклонно. Стали отрабатывать новую схему. Она оказалась эффективной. Можно ли на ее основе создать промышленный агрегат? Существует математическая теория подобия, с ее помощью можно лабораторные данные использовать для освоения аппарата в промышленности. Требуется произвести определенные расчеты... Валерий подготовил доклад, выступил на научной конференции. Ученым понравилась методика, по которой они со Стефановым работают.

Время от времени он исчезал недели на две из училища. Все знали — уехал на соревнования, и с нетерпением ожидали, когда его покажут по телевидению. В 1963 году был учрежден Кубок Европы, который вручался лучшей команде. Нашим боксерам довелось встретиться с польскими спортсменами в Лодзи. Валерий был выбран капитаном советской сборной, с польской стороны в этом качестве выступал Збигнев Петшиковский, и на церемонии представления участников они обменялись

вымпелами. Но боксировать предстояло не с ним, а с Тадеушем Валасеком.

И тут у Валерия случилась досадная и неожиданная осечка. Он столкнулся с такой системой защиты, преодолеть которую в полной мере не смог. Это была так называемая «глухая» защита. Сама по себе пассивная оборона, заключающаяся в неподвижном перекрытии всех уязвимых точек локтями, предплечьями и перчатками, известна с давних времен и описана в старинных учебниках, ею пользовались бойцы XVIII века. Она всегда считалась несколько унизительным приемом, и принято было прибегать к ней лишь в случаях крайней необходимости, да и то лишь на самый малый срок. Боксер в глухой защите как бы демонстрировал, что ему нечего противопоставить ударам противника, что он исчерпал все свои возможности и отдает себя на милость соперника и судьбы.

Со временем этот прием был реабилитирован, однако всегда оставался производением «низкого штиля». И уж, во всяком случае, никогда не применялся как элемент тактики, никому не приходило в голову основывать на нем целиком боевую задачу. Кажется, первым это сделал Мохамед Али, использовав глухую защиту как своеобразное и действенное тактическое оружие. Это было оригинальное новшество на ринге, еще раз подтверждающее замечательную одаренность негритянского боксера. Особенно показательны в этом отношении его бои с Фрезьером и Форменом. С последним он бился в Уганде на звание абсолютного чемпиона мира — и семь с половиной раундов отсиживался за перекрестием локтей и перчаток, позволяя конкуренту, ярость и мощь ударов которого не ведали границ, попусту растрачивать свои силы. Лишь изредка он переходил в молниеносные контратаки, потрясавшие Формена. А в восьмом раунде, почувствовав, что энергия соперника идет на убыль, незаметно изготовившись, он провел блестящую комбинацию, которую потом бесчисленное количество раз показывали в замедленном изображении все телекомпании мира. Формен был повержен.

Но то на профессиональном ринге! Там бой длится пятнадцать раундов, и есть, следовательно, возможность, проиграв семь раундов (или, выражаясь по-боксерски, отдав семь раундов), взять свое в восьмом. В любительском боксе всего три раунда, и здесь действует пра-

вило наказания за пассивность. Если боксер слишком долго избегает боя, каким бы способом это ни производилось: умелой ли работой ног, или сближением, «клинчеванием», или глухой защитой, — ему объявляют предупреждение, что влечет за собой лишение вспомогательных очков. Казалось бы, нет возможности строить свою тактику на пассивной обороне, но именно это и сделал Тадеуш Валасек.

Его план был прост, и он претворил его в жизнь с редкостным самообладанием. Едва Попенченко в своем стремлении обострить игру открывал скорострельный огонь, Валасек «убегал в бункер» — уходил в глухую защиту, обдуманную, статичную и не лишенную изящества, но пребывал в ней ровно столько, чтобы переждать первый вал разрывов, и, угадав легкое замедление в темпе противника, сам переходил в атаку, которую, правда, Попенченко без труда пресекал. Таким образом, у судьбы не было повода «наказать» Валасека за пассивность.

Это было воистину захватывающее зрелище. Может быть, оно больше говорило глазу знатока, чем чувству неискушенного зрителя. В бою не было громохочущих падений, эффектных шлепков и тому подобных штук. Было напряженное единоборство двух умных больших мастеров, непрерывно изобретающих все новые комбинации, расставляющих друг другу ловушки, непрерывно наблюдающих друг за другом в вихревом поединке. Атакуя, Валасек не столько заботился о точности попаданий, сколько о скорости, и мгновенно прекращал активные действия, как только возникала опасность. Атаки Попенченко были веселее и разнообразнее, но самое острое их, которое должно было бы пронзить Валасека, увязало в глухой защите. Раскрыть ее Валерию не удалось.

Во время одной из схваток Тадеуш шепнул Попенченко: «Что ты бьешь меня так сильно, Валерий, я же не мешок!» Это еще одно свидетельство огромного самообладания Валасека. Он еще находил время шутить! После боя, пожимая друг другу руки, они обменялись следующими репликами: «А все-таки не выиграл!» — сказал Валерий. «Но ведь и ты не выиграл!» — парировал Валасек. Если бы в боксе была ничья, то она была бы самым закономерным судебским решением в этом отличном поединке мастеров мирового класса. Но ничьей в

боксе нет. Подсчитав очки и присовокупив к ним личное зрительное восприятие (судейство в боксе субъективно), судьи отдали предпочтение поляку.

— Теперь в Москве через месяц! — крикнул Валерий, пролезая под канатами.

— Теперь у вас! — ответил Тадеуш.

Соревнования на Кубок Европы проводились в два тура, команды встречались на ринге соперников и на своем. Через месяц польские боксеры должны были нанести ответный визит в Москву, и Валерий беспокоился, придет ли Валасек. Тот обещал и сдержал свое слово. Забегая вперед, скажем, что в Москве Валерий взял реванш. Кусикьянец тревожился, что неудача в Лодзи пошатнет положение Попенченко в сборной, а в преддверии Олимпиады это было крайне нежелательно. Этого не произошло, потому что Валерий быстро и уверенно отыгрался.

Нужно признать, что ему в известной степени повезло. Очень вовремя он познакомился со своеобразной тактикой, примененной Валасеком! Когда на Олимпиаде ее попытался применить Даркей (а потом и сам Валасек еще раз), Валерия она не застала врасплох: он был готов, он знал, как нужно действовать.

12

Во всех странах ринги одинаковы. Валерий немало уже поездил по разным странам, а что запомнилось? Вокзалы? Как бы здания ни разнились по архитектуре, внутри похожи друг на друга. На вокзалах его всегда охватывало чувство тоски и одиночества, которое однажды пронзило его с такой силой... Это было в детстве, когда они с мамой вошли в ташкентский вокзал и им предстояло расстаться... Отели с их стерильной чистотой? Валерий не любил отели. Что еще успеваешь увидеть спортсмен во время короткой поездки? Залы для разминки, пропахшие потом, и комнаты для взвешивания? Ревущие, стонущие, ликующие и удрученно-молчаливые трибуны? Все так везде похоже... Ни один город на другой не похож, но всегда не хватает времени их рассмотреть. Конечно, организуют экскурсии, но или во время соревнований, или за день, за два до них, когда мысли заняты предстоящими боями, а едва они закончатся — тебе вручают обратный билет.

Вот он в Токио — встречи с этим городом он ждал, можно сказать, тринадцать лет. А что он видит? Тренировочный зал с кожаными мешками, свисающими с потолка, матами, сложенными горкой на полу, и тот же ринг...

Разумеется, и здесь для участников организованы экскурсии, и улыбающиеся девушки-экскурсоводы в салонах автобусов одинаковыми голосами рассказывают о достопримечательностях. Поверните головы налево, поверните головы направо... Дворец микадо с большим парком и прилегающими к нему дворцами аристократии. Обратите внимание на... Теперь перед вами великолепные парки Шиба, которые по планировке и роскоши не имеют себе равных в мире. Шесть зданий, которые вы здесь видите, это гробницы шести сёгунов, правителей Японии. Храм Будды. Его архитектура не блещет оригинальностью, но мы сейчас остановимся, выйдем из автобуса, и я попрошу господ обратить внимание на отделку дверей, жертвенников, окон, на эти изумительные творения безвестных народных мастеров...

Валерий записывался на экскурсии, рассматривал украшения на жертвенниках и драконов на дверях, поворачивал голову направо и налево, и через потоки машин, через их сверкающие крыши, пронесившиеся навстречу автобусу, обгонявшие его или отстававшие, через пестроту этих распластанных или горбатых, ужавшихся или разметавшихся автомобильных спин рассматривал дворец или купы деревьев; но больше просто смотрел на уличную толпу или пытался на ходу прочесть мелькающие рекламы. Токио жил Олимпиадой. О ней говорило, пело, кричало все вокруг. Рекламы не гасли и днем. Со стены небоскреба спускалась нога и пинала мяч. По крыше магазина метались страусята. Вдруг на их лапах появлялись перчатки, они принимались тузить друг друга. Опять бокс, о котором так хочется хоть на минуту забыть!

Закончив экскурсию, девушки-экскурсоводы просили Валерия сфотографироваться с ними. С такой же просьбой неоднократно обращались к нему и девушки, обслуживавшие олимпийскую деревню, — он еще до начала игр слыл знаменитостью. «А снимки-то будут?» — спрашивал Валерий по-английски... «О, моментально!» — отвечали ему, и действительно, фотографии выползали из камеры фотоаппарата. Такой способ мгновенного отпе-

чатка изображения был для Валерия внове, он охотно позировал. В его домашнем альбоме сохранилось немало фотографий, привезенных из Токио.

По жеребьевке ему достался № 17. Это означало, что от участия в розыгрыше одной шестнадцатой финала он освобождается и вступит в спор сразу в одной восьмой. Кусикьянцу говорили: «Повезло твоему!» А он озабоченно поджимал губы. С одной-то стороны, на один бой меньше — меньше шансов получить травму, больше возможностей сохранить свежесть и энергию. Но Валерию — он прекрасно это знал — ожидание дается нелегко. Как бы не перегореть... Уже Сорокин выиграл свой первый бой, и Степашкин удачно стартовал... Баранников сломал палец в бою, врачи наложили ему шину. Но он сказал тренерам: «Буду продолжать!» И во второй раз поднялся на ринг. Большую правую руку он берет, бил левой — и выиграл. У боксеров есть такое выражение: «Выиграть одной левой» — это означает на их языке полное преимущество в технике. Его и продемонстрировал Баранников.

Уже всю крутилась махина соревнований, уже появились первые герои и неудачники, сенсации и сплетни, а для Валерия продолжалась канитель тренировок — утренних, дневных, вечерних... И Кусикьянц все больше мрачнел.

Они бегали между строениями олимпийской деревни. Тренировались. Отдыхали в шезлонгах, поставленных под деревьями. Ездили смотреть бои в огромный Айс Палас Каракуен, «ледяной дворец», где установлен был олимпийский ринг. Соревнования боксеров самые продолжительные на Олимпиаде, длятся две недели. Разыграли медали легкоатлеты, закончили свои схватки борцы и превратились в обыкновенных болельщиков. Им не надо с тревогой вставать на весы и считать каждый глоток воды. Можно спать сколько захочется. «Ничего, и мы погуляем!» — успокаивал Кусикьянц. «Погуляешь тут!» — махал рукой Валерий.

Но до последнего боя далеко, Валерий не провел и первого. Пока еще только ездил смотреть на бои соперников. Случались забавные происшествия, малоприятные и вовсе безобразные. Африканский и финский боксеры во взаимном обмене мощными ударами нокаутировали друг друга. Оба рухнули в один момент, судья растерялся, не зная, что делать. Такие случаи описаны в специальной

литературе, однако они чрезвычайно редки. Поскольку ни один из упавших не подавал признаков жизни, судья открыл счет. При счете «семь» негр привстал на колени, но на большее его не хватило. Заключительное «аут» относилось к обоим. Обоюдный нокаут — такого, кажется, еще не было в истории...

Испанец Лорен вел поединок, используя запрещенные приемы. Судья сделал ему три предупреждения, когда же и они не подействовали, удалил с ринга. Лорен бросился на судью, жестоко избил его... Аргентинский спортсмен, боксируя против Лагутина, тоже действовал недостойно и «схватил» три предупреждения. Также бросился на судью! Но тут вмешался Лагутин. Он выбежал наперерез и заслонил собою пожилого человека. Подняв руки и открыв себя для удара, он балансировал ногами и увел аргентинца в сторону, как матадор разъяренного быка. Это было красиво и необычно!

И вот настал для Попенченко день его первого олимпийского боя. Раздевалки в Айс Палас Каракуен разделены перегородками, и Валерий, когда они с Кусикьянцем натянули перчатки и разминались в ожидании вызова, вдруг опустил глаза и увидел огромного размера спортивные туфли своего противника. Его звали Махмуд. Вернее, такая у него была фамилия. Сам он был из Пакистана. Кусикьянц успел посмотреть предыдущие выступления некоторых пакистанских спортсменов и составил впечатление об их технике. Она не отличалась разнообразием, но у всех пакистанцев имелся в запасе крепкий, хрусткий удар, и если на него нарваться, то это могло дорого обойтись. Кусикьянц беспокоился, что Валерий от волнения не сумеет на первых порах сосредоточиться, отрешиться от шума трибун, уйти в себя; реакция его будет не так остра — и этим может воспользоваться Махмуд. Об остальном он не беспокоился, знал, что мастерство Валерия не идет ни в какое сравнение с довольно примитивной подготовкой пакистанца. Он растирал плечи Попенченко, а тот не мог оторвать глаз от ног Махмуда. «Не меньше как сорок пятый размер», — соображал он. Валерий заметил, что ноги эти ни секунды не стояли спокойно, все время двигались, подпрыгивали. «Ага, тоже волнуется!» — подумал он. И почувствовал в себе привычную уверенность.

— Попенченко, Махмуд! — крикнул в коридоре судья. Они вышли, сопровождаемые секундантами.

«У нас какой угол?» — спросил Валерий. «Красный!» — ответил Кусикьянц. Они повернули направо, к углу, помеченному красным цветом, а Махмуд с командой повернули налево. Оба поднимались по лесенке одновременно, и тут Валерий увидел наконец лицо своего противника. Кареглазый. С тонкими усиками. Коротко стриженный.

Начался бой. В первые секунды, как и боялся Кусикьянц, движения Попенченко были скованны, удары вялы. «Лишь бы не торопился!» — шептал Кусикьянц. Махмуд сделал резкий выпад, Валерий отошел. «Хорошо!» — отметил Кусикьянц. Махмуд повторил атаку, его перчатки хлопали по предплечьям и перчаткам Валерия. В зале оживились. Валерий перехватывает атаку. Удар. Клинч. «Нормально!» — сказал Кусикьянц. — Теперь он расслабится».

— Брэк! — крикнул судья.

Боксеры разошлись. Валерий начинает «вытягивать» пакистанца, «щупает» левой, резко отклоняется и посылает правую. Кружит вправо. Махмуд опять бросается вперед. Следуют подряд две его атаки. Попенченко нейтрализует их. Неожиданно он делает ложный замах, будто собирается бить левой в корпус снизу, — и бьет правой в голову. Пакистанец падает. «Молодец!» — не удержавшись, крикнул Кусикьянц.

Он поднял голову, над рингом висели электронные часы. Шла третья минута первого раунда. Судья вел счет. «Семь!» Махмуд поднялся и стоял покачиваясь. Судья развел руками. «По углам!» Бой закончен.

Олимпийский дебют состоялся! Поединок завершился даже раньше, чем можно было ожидать по самым оптимистическим прогнозам. Впереди теперь четвертьфинальный круг. В автобусе Кусикьянц открыл блокнот, где у него была расчерчена турнирная таблица. «Кто же у нас в четвертьфинале? Так... Так... Даркей!»

Следующую встречу Валерий проводил с Даркеем.

Этому бою суждено было стать украшением Олимпиады.

Валерий готовился к нему, как никогда, тщательно. С Кусикьянцем обсудили каждое положение, которое может создаться на ринге, как действовать на ближней, на средней дистанциях, какие предпочесть защитные приемы. Отрабатывали их на лапах. Григорий Филиппович нашел сходство в манере боксировать у Даркея и у

хорошо знакомого Валерию ташкентского средневеса Шерстнева. Имитировал действия Шерстнева и предлагал Попенченко искать наилучшие контрмеры. У Шерстнева Валерий выигрывал, прекрасно помнил его бойцовские особенности и повадки. И аналогия, вовремя найденная Кусикьянцем, помогла ему психологически настроиться на бой с Даркеем.

Даркей — широкоплечий, с выпуклой грудью и длинными мускулистыми руками. По всей видимости, боксер из Ганы прошел выучку в какой-нибудь профессиональной школе либо служил спарринг-партнером у профессионального чемпиона. Во всяком случае, манеры его были явно заимствованы оттуда. Он выскочил на ринг, танцуя, воздевал руки, приветствуя своих поклонников, которых оказалось на удивление много, и они шумно аплодировали, свистели и гремели трещотками. Валерий держался, как всегда, скромно. Когда судья позвал их для рукопожатия, Даркей протанцевал к середине ринга и довольно небрежно и даже высокомерно протянул перчатки...

И бой он с первой секунды повел с тем самоуверенным и грозным давлением, каким славятся профессионалы. Стойка у него была закрытая, но свободная, он неторопливо и с обманчивой мягкостью наступал, не стремясь легкими ударами набирать очки, такая игра была ему не по нутру. Он хотел сразить сразу — а когда это произойдет, в первом раунде или третьем, не все ли равно? Он нанес длинный свистящий апперкот, даже не пытаясь скрыть его начало, и Валерий его без труда, конечно, блокировал. Но и смягченный перчаткой удар был все-таки настолько силен, что у Попенченко пошла носом кровь! Вот какой стоял перед ним противник.

Интуитивно Валерий сразу понял, как построить план боя. Обмениваться ударами было бы слишком опасно — кто кого раньше испепелит, неизвестно. Быстро сближаясь и удаляясь, появляясь перед Даркеем то справа, то слева, он расстреливает его с дальней дистанции, а в ближнем бою сбивает темп и проводит комбинации коротких ударов. Иногда он переходит в жесткие контратаки — Даркей пытается пережить их в глухой защите. Но теперь Валерий знает, как ее раскрывать! Глухой защитой его не удивишь.

Во втором раунде один из апперкотов Даркея попадает в цель. Валерию удается смягчить удар отклонением, и

все же он чертовски болезнен. Опять идет кровь. Попенченко по-прежнему сдержан и верен своей тактике. Красота и огромное внутреннее напряжение боя захватывают зрителей. Даркей атакует настойчиво и теперь уже не ограничивается одиночными ударами. Кусикьянц в одной из его серий насчитал восемь резких ударов, проведенных без малейшей паузы, — любой из них нес с собой нокаут. Но ни один не дошел до цели. По очкам впереди Попенченко.

Чувствуя, что проигрывает, Даркей в третьем раунде резко взвинтил темп. Валерий принимает единственно правильное решение. Он мог бы постараться дотянуть до гонга, сохраняя преимущество, накопленное в предыдущих раундах. Нет, Попенченко идет на обострение, выдерживая прежний тактический рисунок, опережает Даркея в атаках и непрерывно маневрирует. В процессе боя он заметил, что начальная стадия атаки у Даркея чуть-чуть замедлена, и всякий раз, верно угадывая этот момент подготовки к атаке и ее начало, Валерий обрушивает на противника массивные серии ударов. Гонг! Не может быть сомнения, что победа одержана. Все же Кусикьянц и наши спортсмены с напряжением ожидают объявления результата. Да, все пять боковых судей отдают предпочтение советскому боксеру.

Скоро всем станет известно, что судейская коллегия и Федерация бокса не только признали Попенченко лучшим боксером Олимпийских игр, но и отдали ему титул лучшего боксера-любителя в мире. И великолепная победа над Даркеем сыграла в этом немалую, а может, и главную роль.

Но кого же предстояло одолеть в полуфинале? Валасека! Умного, тонкого и лукавого Тадеуша, которому был знаком вкус победы над Попенченко. Как это ни покажется странным, ни Валерий с Григорием Филипповичем, ни другие боксеры и тренеры нашей команды не проявляли особого беспокойства по поводу результата этой встречи. Нет, конечно, на тренерских совещаниях о предстоящем бое говорили немало, советов и пожеланий было высказано тоже достаточно, но внутреннего беспокойства не чувствовалось. Напротив, в польском лагере волнение было большое. Валасек находился в прекрасной форме. Но... Возьмем на себя смелость утверждать, что он был деморализован победой Валерия над Даркеем. Он видел этот бой и понял, что Попенченко сейчас нет

равных. И как ни старался Феликс Штамм вернуть ему былую уверенность в себе, ничего не выходило...

В полуфинальных схватках принимали участие восемь советских боксеров. Это был большой успех. Советская спортивная делегация особенно нуждалась в нем, потому что в неофициальном командном зачете в целом она немного уступала американской делегации. В конечном счете победные очки ей обеспечили именно боксеры. Своих противников в полуфинале одолели Степашкин, Баранников, Фролов, Тамулис, Лагутин, Киселев. Подошла очередь испытать свои силы в полуфинале и Попенченко.

И он сделал это блистательно. Наскоки Валасека в первом раунде имели, кажется, целью не столько испугать Попенченко, сколько самому себе доказать, что он его не боится. Лишь поверхностному наблюдателю могло показаться, что идет равная борьба. Попенченко властвовал на ринге. Однако не стремился форсировать выигрыш. Он понимал, что, стоит допустить хотя бы одну ошибку, Валасек не преминет ею воспользоваться. Опыт у него огромный. Во втором раунде польский боксер как будто бы ужесточает свои атаки... Но... следует почти невидимый встречный удар — Валасек на полу. Он поднимается и идет в бой. Валерий преспокойно отправляет его во второй нокдаун. Впоследствии Попенченко говорил, что у него не было желания нокаутировать своего старого соперника, он ждал, что судья объявит победу «ввиду явного преимущества». Но рефери не решился взять на себя такую ответственность, ведь на ринге сражались действительно дотолы равные противники. Может быть, Валасек оправится и фортуна повернется к нему лицом? Такое случалось не раз. Слышится команда «бокс!» — Попенченко и Валасек сходятся в последний раз...

Валасек был нокаутирован прямым левой — джебом.

В другой полуфинальной паре в этом весе победу оспаривали итальянец Валле и германский боксер Шульц. (ГДР и ФРГ выступали объединенной командой.) Более удачливым был Шульц. Валерий уже встречался с ним однажды в Киеве в матче СССР — ФРГ. Тогда он выиграл. Теперь предстояла еще одна встреча, на этот раз в борьбе за олимпийское золото.

Финальные бои транслировались по советскому теле-

видению, и миллионы поклонников бокса имели возможность их наблюдать.

С особым нетерпением ожидался выход Валерия Попенченко. Имя его уже тогда было окружено необыкновенной любовью. Казалось, это несокрушимый, небывалый боец. В эти дни и начали складываться легенды о его «чистом» боевом списке (будто он никогда не проигрывал) и замечательном умении «держаться» удары. Эти и разного рода иные легенды теперь будут сопровождать его до конца жизни — и даже после конца... И вот он виден на экранах: коротко стриженная круглая голова, он стоит спиной к центру ринга и на мгновение вдруг оборачивается — оператор как бы ждал этого и «укрупняет» его лицо. Видно, что оно исполнено отваги и жажды боя.

По неписаному правилу телевизионные операторы «укрупняют» лица боксеров в перерывах между раундами в порядке очередности, с какой бойцов представляют судьи-информаторы. На этот раз сделать этого не удалось. Через пятьдесят секунд Шульц был повержен — телезрителям так и не была предоставлена возможность разглядеть черты его лица.

На следующий день Кусикьянц узнал, что заседает судейская коллегия совместно с руководством Международной федерации бокса — обсуждаются кандидатуры на титул лучшего боксера. Но обсуждения в подлинном смысле этого слова не было. Назывались фамилии прекрасных боксеров, но все они сразу же отступали перед фамилией, которую можно было и не называть: она и так была на устах у всех. Прошел еще день, и газеты, радио и телевидение передали сообщение о присуждении Валерию Попенченко Кубка Баркера.

Этот приз — наипочетнейший в любительском боксе. Он был учрежден в начале 20-х годов в честь первого президента Международной федерации бокса Уолта Баркера. До Попенченко его вручали всего пятерым мастерам: Лаури, Гюнтеру, Ли, Мактегарту и Бенвенутти. Присуждение Кубка Баркера не приурочивается к определенной дате или определенным событиям в боксерской жизни. Кубок не вручается лучшему боксеру мира за какой-то период времени. Он присуждается спортсмену, чье творчество считается этапным в развитии мирового бокса.

Попенченко и тренеры советской команды получили

пригласительные билеты прибыть в банкетный зал на церемонию вручения. Они пришли в костюмах спортивной делегации СССР и застали полный зал оживленной публики: дам в вечерних туалетах и мужчин в смокингах. Кажется, никто из них не имел отношения к боксу! Но это было только первое впечатление. Тут были представители прессы почти всех стран мира, члены Японского олимпийского комитета, представители Международного олимпийского комитета и Международной федерации бокса. Ее председатель лорд Рассел был окружен журналистами.

Наконец он вышел на середину зала. Рассел коротко рассказал о кубке, его статуте и, обращаясь непосредственно к Валерию, закончил:

— Волею международного жюри вам единогласно присуждается звание лучшего боксера мира! Мне очень приятно вручить этот кубок вам в знак признания вашего выдающегося мастерства. Вы заслужили это право своим мужеством и джентльменским поведением на ринге.

Валерий принял кубок, потрогал его и приподнял над головой. Это было довольно тяжелое изделие из серебра.

— Я счастлив, — произнес он. — Сбылась моя самая дерзкая мечта в боксе.

Он говорил по-английски, и, когда кончил, лорд Рассел, подвинувшись к нему, негромко спросил:

— Вы жили у нас в Англии? Вы хорошо владеете английским!

— Я работаю над диссертацией, — ответил Попенченко. — Английский выучил сравнительно недавно.

Рассел покачал головой:

— Я был бы счастлив иметь такого сына, — сказал он.

13

Таня Вологдипа, невысокая веселая девушка с ладной фигурой, к боксу была равнодушна. Она не любила и спортивных передач по телевизору, и, если так совпадало, что во время вечеринок передавали футбол и ребята усаживались напротив «ящика», она прямо негодовала: «Надо же, для чего мы сюда пришли?» Ей хотелось танцевать.

Как-то, когда собрались на дне рождения подружки, с ребятами творилось что-то неописуемое. Передавали бокс, дрался какой-то Попенченко. Таня, конечно, прекрасно знала, что на этом Попенченко с ума сошел весь Ленинград, но не портить же было вечер! Она подошла и выключила телевизор.

Что тут началось! На нее накинулись, телевизор опять включили, гвалт стоял невыносимый. Ребята размахивали руками: третий раунд, третий раунд, как она не понимает, третий раунд. Подумаешь, третий раунд. И, хлопнув дверью, ушла в другую комнату.

...Однажды в воскресный зимний день Таня с подругой пошли в Эрмитаж. Народу здесь, как всегда в выходные дни, было много. В одном из коридоров в суতোлке нос к носу столкнулись с двумя моряками. «Здравствуй!» — воскликнула подруга. Один из моряков оказался ее приятелем. Другой был высоким статным офицером с короткой стрижкой и удивительно знакомым лицом. Таня никак не могла вспомнить, где она его видела. Представились, как положено. Высокий назвался картавя:

— Валерий!

Они прошли, разговаривая и разглядывая картины, галерею 1812 года, «малых голландцев», испанский зал, и только тут, улучив минутку, подружка шепнула, что это тот самый Валерий, который Попенченко. Таня и виду не подала, что когда-нибудь слышала эту фамилию.

Когда компания вышла на Дворцовую площадь, подруга с пригелем незаметно отделились. Таня с Валерием остались вдвоем. Они бродили по набережной Фонтанки, стояли на мосту и опять куда-то шли. Валерий вспоминал годы учебы в суворовском, первые свои бои. Его словно прорвало, он говорил, говорил и не мог остановиться. Наверное, потому что на него вопрошающе и с ожиданием смотрели голубые глаза и на ресницы их садился снежок... У Апраксина двора, куда неизвестно как вышли, он принялся декламировать стихи. Он читал Есенина, Лермонтова и своего любимого Пушкина.

Прошло три месяца, и молодые сыграли свадьбу. Семья Вологдиных была многоликая, дружная, и Валерия приняла с радостью. Происхождение свое семья вела от крепостного и этим очень гордилась. В первый же свободный вечерок Валерия усадили за стол и раскрыли перед ним семейный кондуит. В нем было нарисова-

но родословное древо. «Вот, — показали ему, — основоположник фамилии». В XVIII столетии управляющий графа Строганова купил у помещика из Вологодской губернии молодого крестьянина «сообразительности и телесной крепости превосходной» и привез в Пермь. На Урале граф развивал металлургическое дело, и нужны были рабочие руки. Здесь парню, чтобы отличать его от других крестьян, вывезенных из разных губерний России, присвоили фамилию Вологдин. Вот и пошли Вологдины.

Скоро Валерий знал всю историю семьи и охотно рассказывал своим друзьям. Когда они приходили к нему, он сам теперь сажал их за стол и раскрывал кондуит. Внук первого Вологодина, Петр Александрович, обосновался в Куве. Крестьянскую реформу он встретил в двадцатилетнем возрасте. Кончил так называемую земледельческую школу, в которой преподавали начатки агрономии и геологии. Работал горным смотрителем, но известность в крае получил как умелец и изобретатель всяких машин и приспособлений. Он сконструировал тележку для откатки руды из шахты, веялку, получившую большое распространение, проводил опытные посадки картофеля и ягодных кустарников, чтобы отобрать высокоурожайные сорта. Самостоятельно выучился играть на разных музыкальных инструментах, рисовать. Собрал обширную библиотеку, попользоваться которой приезжали любители книг издалека. Славу ее дополняла коллекция акварелей, исполненных на сюжеты из жизни пермяков и коми.

В своем городе он разбил парк и построил клуб «для семейных вечеров», а возле него поставил солнечные часы. Они сохранились до сих пор.

У Петра Александровича было шестеро детей. Всем им он дал превосходное образование. Один сын стал профессором металловедения, другой — юристом и деятелем народного образования, третий — выдающимся ученым в области высокочастотной техники. Четвертый, тоже профессор, — Виктор Петрович, Танин дедушка, — создал первую в стране лабораторию электросварки. Виктор Петрович играл на виолончели и скрипке, жена его была профессиональной пианисткой, дети играли в любительском оркестре.

Любовь к технике и музыке унаследовало и младшее поколение Вологдиных. Собирались то у одних, то у

других на квартире, пели, играли на фортепьяно. Валерий быстро со всеми сблизился. Инженерные проблемы он понимал, и, когда при нем затевались разговоры на подобные темы (а в основном об этом и велись разговоры), он живо их подхватывал; когда же он рассказывал о своих кондиционерах, его слушали со вниманием и вникали во все мелочи. Он даже пробовал петь на семейных музыкальных вечерах!

Словом, у него появилась семья, о которой он мечтал всю жизнь. Он был счастлив. Работа над диссертацией продвигалась быстро. Вскоре он успешно ее защитил.

Он продолжал работать в Ленинграде. Было несколько предложений переехать на работу в другие города. Одно из таких предложений поступило из Москвы. Валерий с Таней обсуждали его. Ему хотелось переехать в Москву. Там оставалась мать. Руфина Васильевна вышла на пенсию, жаловалась на одиночество. Валерий скучал по ней. Ему хотелось, чтобы они жили вместе. Тем более что появился на свет еще один член семьи, Максимка. Бабушка помогала бы воспитывать его. Ведь сам он теперь много разъезжает, Тане приходится нелегко: она продолжает учиться в кораблестроительном институте...

14

Поездки эти гораздо реже, чем раньше, были связаны с участием в соревнованиях, хотя приглашения выступить на ринге поступали к нему со всех концов страны и из-за рубежа. Он отказывался, приходилось беречь время, силы. Но гораздо больше предложений выступить приходило от молодежи — всем хотелось увидеть чемпиона. И уже не на ринге, а на сцене, перед ними. На сцене сельского клуба и Дворца культуры, в городке космонавтов, в актовом зале института, в цехе завода... На него обрушилась небывалая слава! Отказывать людям, желающим увидеть и услышать его, он не считал себя вправе. И, поцеловав Таню и Максимку, он сел в поезд и мчал в Сибирь, Калугу, Тбилиси. По приглашению молодежных организаций побывал в Чили, в Италии, во Франции и других странах.

Рассказывал он с юмором, на вопросы отвечал охотно и простодушно. Без преувеличения можно сказать, что он завоевывал любовь всех аудиторий, где ему приходилось

выступать, нисколько между тем не думая подлаживаться к ней. Чаще всего его расспрашивали о тренировках, об усталости, им сопутствующей. И он открывал секреты: какие для себя придумал приемы скорейшего восстановления сил, какими тестами определяет, достигли ли пика формы, много ли играет в баскетбол и занимается штангой и как нужно сочетать эти два для боксера вспомогательных вида спорта, чтобы мышцы, наливаясь силой, не утрачивали реакции. То есть рассказывал о тонкостях специфической подготовки, более уместных на первый взгляд на конференции тренеров и спортивных врачей, а его слушали с огромным интересом.

В 1966 году Валерий Попенченко был избран членом ЦК ВЛКСМ. А это не только почет, а прежде всего новые обязанности, заботы...

Многочисленные выступления и встречи очень много давали ему самому и многое определили в его дальнейшей жизни. Он понял, что работа с механизмами и автоматами, как она ни мила ему, не может его полностью удовлетворить. Ему нужно ежедневное общение с людьми, он почувствовал в себе дар организатора.

В 1965 году Валерию исполнилось 28 лет. Он принял участие в двух крупных турнирах: в пятый раз выиграл звание чемпиона СССР (соревнования проводились в рамках III Спартакиады народов СССР) и защитил титул сильнейшего боксера континента. На внутрисоюзном ринге против него выступала в основном молодежь.

Шутили, что Попенченко «пронесся по второму среднему весу, оставив после себя пустоту». Как и во всякой шутке, здесь была доля правды. Должно было пройти несколько лет, прежде чем появился достойный преемник Попенченко. Сначала им стал Лемешев, успехи которого, к сожалению, продолжались недолго, а затем Рискиев, также воспитанник ташкентской школы бокса, один из «праправнуков» Сиднея Львовича Джаксона. Руфат Рискиев вернул советским средневетсам и олимпийское и мировое золото.

Молодежь наступала азартно, однако всерьез противостоять обладателю Кубка Баркера не могла. Владимир Дубовик из Белоруссии попытался было взвинтить темп, но Валерий быстро охладил его пыл. Продержаться три раунда против Попенченко тоже почетно. В финале против Валерия вышел Игорь Евстигнеев, защищавший цвета «Буревестника». У него был опыт, неплохая техника, но

упорного поединка все же не вышло. Герой Токио превосходил противника на всех стадиях боя.

Советская команда почти полностью сохранила свой состав, и когда Валерий, начав подготовку к первенству Европы, приехал на сборы в Кисловодск, то увидел там своих приятелей: Тамулиса, тяжеловеса Изосимова, Степашкина, Баранникова, Позняка, Агеева... Забегая вперед, скажем, что все они завоевали золотые медали, журналисты, освещавшие чемпионат, опять называли советскую команду «командой звезд, на фоне которой звезда Попенченко всех ярче».

Действительно, берлинский турнир, собравший цвет европейского бокса, он выиграл необычайно легко, как никакое другое соревнование в своей жизни. Знал ли он, что оно будет последним, и поэтому старался всю? Он никому не признавался, что решил оставить бокс, никаких заявлений журналистам не делал. Он хотел сойти непобежденным — этого он не скрывал, да и тренеры его — и Матулевич, который теперь жил в Москве, и Кусикьянц повторяли ему, что уйти надо вовремя. Но в Берлине (да, полагаю, и на Родине) никто не предполагал, что это произойдет так скоро.

Всех своих соперников в предварительных схватках Попенченко нокаутировал. Некоторое опасение тренеру внушал лишь мулат из Англии Робинсон. Про него говорили, что он мастер вводить в заблуждение соперников и зрителей, прикидываясь уставшим, изнемогшим от пропущенных ударов и вообще не заинтересованным в результате боя. Поговаривали, что Робинсон отлично подготовлен, техника у него на высоте, но он желает создать впечатление неумелого и слабо тренированного боксера, чтобы демобилизовать соперника. Такая стратегия не редкость в боксе. Валерий с Кусикьянцем в былые времена тоже ее не чуждались. В 1962 году в Киеве на первенстве СССР Валерию досталось боксировать в предварительном бою с сухопарым «дистанционником» Пешковым. Кусикьянц строго-настрого наказал ученику не стремиться в ближний, а придерживаться дальнего боя. Как будто бы идти на поводу у противника. На другой день против него вышел короткорукий инфайтер «ближневик» Воробец. Кусикьянц приказал не избегать ближнего боя, что в данном случае Валерию было невыгодно. Поэтому оба боя он выиграл с незначительным преимуществом, но цель была достигнута: пошли разговоры, что он не в форме...

— Ах, плуты! — встречал их потом старейший наш тренер заслуженный мастер спорта Никифоров-Денисов. — Ну, хитрецы! Это ж надо, так провести весь свет!..

И вот теперь: не собирается ли провести «весь свет» англичанин? Кусикьянц недоверчиво качал головой...

Финальные бои, как водится, транслировали по телевидению, и многие любители бокса, должно быть, помнят, как выскочил на белое полотнище брезента, ярко освещенное дюжиной прожекторов, жизнерадостный англичанин в красивом халате с капюшоном. Он приплясывал, подпрыгивал, вертелся, кричал и хлопал над головой, выражал бурную радость то ли по поводу того, что он наконец добрался до этого хваленого По-пен-чен-ко и сейчас покажет ему, что такое настоящий бокс, то ли безмерно гордясь тем, что уж серебряная-то медаль у него, во всяком случае, в кармане... Через минуту второе предположение сбудется...

Потому что через минуту он лежал поверженный на сверкающем брезенте, и понять, как это произошло, можно было только после нескольких повторов замедленной видеозаписи. Валерий провел четкую комбинацию в инфайтинге и, чуточку отступив и разорвав дистанцию, прорезал ее молниеносным ударом. Миллионы телезрителей видели, как он недоуменно обернулся к Кусикьянцу и развел руками. Через несколько лет в одном из интервью тренер открыл секрет этого жеста. Прибежав в свой угол, Валерий воскликнул:

— Удара-то не было, чего он упал?

— Был удар, был, Валера! — улыбнулся Григорий Филиппович, мгновенно поняв причину его удивления. — Это был твой лучший прямой в жизни.

И поцеловал его.

Попенченко с такой стремительностью выстрелил прямым справа, что сознание его не успело даже зафиксировать это движение. К тому же удар был произведен настолько чисто («бойком» кулака), что сквозь бинты и слой конского волоса в перчатке был неощутим самому бьющему.

Самое интересное началось потом. Очнувшись (уже после рокового «аута»), Робинсон вскочил на ноги и как ни в чем не бывало продолжил свою пляску! Из чего и можно заключить, что второе место его вполне устраивало. Он ликовал, что так быстро и в известной степени благополучно выполз из-под попенченковского пресса...

«Лучший прямой в жизни» и стал последним ударом, нанесенным Попенченко. Больше он на ринг не выходил...

Боксер хотел остаться в памяти зрителей таким: возвышающимся, как монумент, над поверженным противником. Таким он и останется навсегда в памяти миллионов любителей спорта.

Он по-прежнему ни с кем не делился своим намерением оставить спорт, и как-то так вышло, что ушел он без торжественных проводов, какие в этих случаях обычно устраиваются.

В Ленинград он вернулся, испытывая сложные чувства. Профессор Стефанов советовал ему продолжить работу над развитием технических идей, заложенных в его кандидатской диссертации. Сам Евгений Васильевич трудился тогда над составлением сводной монографии, посвященной воздухоочистительным установкам. Формулы и выводы, сделанные его учеником, вошли в книгу. В науке они остались под названием «формул Попенченко». Ученые пользуются ими при расчетах. Евгений Васильевич не сомневался, что у Валерия Владимировича большое будущее в этой области науки. Но у молодого кандидата наук были другие планы...

Татьяна Игоревна Попенченко вспоминает, что Валерий нередко бывал задумчив в эти месяцы. Может быть, он все-таки сожалел о принятом решении оставить спорт? Его мастерство достигло высшего расцвета, а сил еще хоть отбавляй! Ведь это так больно расстаться с искусством, которому отданы столько лет и столько энергии...

Но нет! С ринга нужно уходить решительно и скромно. Прощай, бокс!..

В Москве, на берегу Яузы, высится группа зданий, обнесенных оградой. Москвичи называют это место коротким словом «Бауманка». Это старейшее в России Высшее техническое училище, основано оно было в 1830 году. Тогда на холме поставили вместительное здание с колоннами и арками. С крыши его, куда студенты любили забираться, открывался великолепный вид на пойму реки, дальние слободки, помещичьи усадьбы, вишневые и яблоневые сады.... Ныне это здание нелегко даже обнаружить, его скрывают пристройки, надстройки, многоэтажные корпуса, связанные переходами. После революции училище было

названо именем Н. Э. Баумана. Его окончили в разные годы крупнейшие конструкторы, известные академики, руководители промышленности. Среди них В. Г. Шухов, А. Н. Туполев, С. П. Королев, Б. С. Стечкин...

На третьем этаже старого здания расположена кафедра физического воспитания и спорта. Спорт бауманцы любили всегда. Уже в 1929 году у них была создана футбольная команда, которая многим противникам в розыгрыше первенства столицы доставляла неприятности. Хороша была и баскетбольная команда, действовали кружки тяжелой атлетики и гимнастики. В начале 30-х годов была организована секция бокса. Ею бессменно руководит заслуженный мастер спорта И. С. Богаев, чемпион I Рабочей спартакиады 1924 года. Он воспитал знаменитого Николая Королева. Сразу после окончания войны в училище был создан первый в стране студенческий спортивный клуб. Инициативу бауманцев в этом деле подхватили другие вузы — теперь спортклубы не редкость.

На двери кафедры физвоспитания висит табличка «Заведующий заслуженный мастер спорта, кандидат технических наук В. В. Попенченко». Не без колебаний и долгих размышлений решил он принять предложение ректората и возглавить эту не только старейшую, но и крупнейшую среди себе подобных кафедру. Но, решившись переехать в Москву, он отдался работе, как говорится, весь, без остатка. Около 200 работников входят в штат кафедры. Одних преподавателей 90, среди них есть известные спортсмены, педагоги, кандидаты наук. Кроме них, преподавательскую работу ведут еще полсотни так называемых «почасовиков». Обслуживающего персонала — инженеров, рабочих, лаборантов — тоже при кафедре числится 50 человек. Коллектив немалый. Да еще 10 тысяч студентов, регулярно занимающихся спортом или повышающих физическую подготовку на занятиях! И у каждого из преподавателей и учащихся свой характер, заботы, тревоги, радости... Молодому заведующему, дотоле не имевшему опыта организационной работы, на первых порах пришлось нелегко.

Осмотревшись и освоившись, он пришел к выводу, что начинать ему нужно... со строительства. МВТУ принадлежало 6 спортивных залов. Кроме них, имелась лыжная база в Измайлове, стрелковые тиры, летние и зимние оздоровительно-спортивные лагеря. Казалось бы, немало! И все же спортивных сооружений не хватало, некоторые устарели, нуждались в переоборудовании и ремонте. По-

пенченко выступил на заседании ректората. Его горячо поддержали — разговоры о строительстве новой спортивной базы велись давно, да все не находился человек, который взялся бы за это трудоемкое дело и взвалил бы на себя связанные с ним хлопоты.

Нужно было оформить соответствующие документы, составить смету, найти участок земли, годный для строительства. Валерий Владимирович отправился в путь. Документы подписали, смету утвердили, участок выделили. В проектных учреждениях и строительном тресте он нашел своих болельщиков. Однажды он обошел извилистые бесконечные коридоры «Бауманки» и развесил объявления: «Завтра субботник». Утром на пустырь неподалеку от института пришли сотни студентов и преподавателей. Попенченко перебегал от группы к группе, раздавал лопаты, носилки, показывал, где копать, куда носить и сваливать. Закладка спортивного комплекса состоялась.

С этого дня Валерий Владимирович частенько приносил с собой на работу морскую робу и брюки. В кабинете переодевался, уходил на стройку. Пропал там до вечера. На участок пригнали технику. Бульдозер расчищал площадку. Урчал экскаватор. Забивались сваи. Комплекс должен был включать в себя плавательный бассейн, легкоатлетический манеж, залы для занятий гимнастикой, борьбой, штангой, боксом. Работы много. Он уставал, но был счастлив. Рассказывал друзьям о перекрытиях, балках, толковал о разнице между марками бетона.

Он учился составлять «сетку» — график занятий преподавателей со студентами. Приходил на факультеты, советовался с деканами. Кафедра к тому времени вела немалую научную работу — и новый заведующий включился в нее с увлечением. Особой его любовью пользовались, конечно, приборы, в которых сочетание электронных и механических блоков позволяет регулировать нагрузку и контролировать состояние спортсмена. Вместе с другими преподавателями, также увлеченными техникой, он совершенствовал схемы приборов, изготавливал детали и монтировал их.

В последние годы у специалистов спорта популярны так называемые тренажеры. Они позволяют спортсмену успешнее осваивать упражнения, увеличивать скорость выполнения, отрабатывать их комбинации и связки. Попенченко признавал за тренажерами большое будущее. В 1967 году при кафедре был создан научно-методический

совет. На его заседаниях, проходивших под председательством завкафедрой, нередко обсуждались разного рода проблемы, связанные с применением технических средств и методов исследования в спорте. Были рассмотрены схемы, а потом созданы и опробованы тренажеры для толкания ядра и подтягивания, пульсатохометр, баллиокардиограф, ритмолидер и другие приборы.

Много пришлось повозиться с тренажером для обучения комбинационным действиям боксера. Его разработкой занимался инженер О. Л. Иванько. Сочетания ударов в боксе всегда трудны для усвоения, потому что требуют координации разнонаправленных движений. Обычно боксеры осваивают комбинации в паре друг с другом под наблюдением тренера. Неужели возможно заменить живого партнера автоматом? Оказалось, в каком-то смысле можно. На кафедре был создан такой вариант прибора. На макете фигуры человека загораются в разных местах (соответствующих так называемым «болевым точкам») лампочки. Боксер наносит удары по этим точкам в том ритме и в той последовательности, в какой загораются лампочки. А ритм и последовательность определяются тренером в зависимости от индивидуальных особенностей ученика. Для этого тренеру достаточно включать определенные тумблеры.

На кафедре были созданы также приборы, позволяющие легкоатлету тренироваться в беге на короткие и средние дистанции, гимнасту осваивать махи на коне и другие. Все они как образцовые и новаторские демонстрировались на ВДНХ в павильоне «Физкультура и спорт». Попенченко вместе с доцентом кафедры Е. Н. Богоявленским написали брошюру «Технические средства в учебном процессе физического воспитания», в которой обобщили опыт работы с приборами.

Постепенно для него все яснее вырисовывалась тема его будущей докторской диссертации. Технические средства, измерительные и контрольные приборы помогают спортсмену совершенствовать свое мастерство. Но ведь спорт не самоцель! Для Попенченко никогда он не был таковым — ни в высоком нравственном, ни даже в житейском, обыденном смысле. Он должен не заслонять, а помочь раскрытию духовных качеств человека. Учащиеся вуза, ПТУ, техникума, школы должны заниматься спортом, чтобы укрепить здоровье и легче усваивать учебный материал. Но каков должен быть процесс физического воспитания в учебных заведениях, как его построить наи-

более эффективно? Тема научной работы Попенченко звучит так: «Пути повышения эффективности учебного процесса по физическому воспитанию студентов».

Юноша или девушка зачислены в вуз, теперь они студенты. Для начала нужно определить физические возможности новичка и степень подготовленности. Попенченко разрабатывает систему тестов, привлекая для этого математические константы. Отбирает контрольные группы первокурсников, проводит с ними эксперименты. Оказывается, комплектование групп по степени подготовленности (или, как он пишет, «по принципу однородности развития определенных физических качеств») помогает быстрее наладить учебно-спортивный процесс.

Разумеется, чтобы паразитить силу и стать выносливым, одних занятий в зале маловато. Нужно заниматься еще и самостоятельно: дома, в общежитии. Валерий по себе мог судить о важности самостоятельных тренировок, но у него были наставники. В любом книжном магазине можно приобрести литературу с рекомендациями, как упражняться с гантелями или бегать трусцой. Но эти книжки рассчитаны на «человека вообще», в этом их недостаток, а к каждому студенту подход нужен особый. Попенченко (в соавторстве с Ф. Я. Верховским) составляет методическое пособие «Самостоятельные занятия студентов физическими упражнениями». Авторы устанавливают, в какое время дня лучше всего студентам проводить физзарядку, как дозировать и чередовать упражнения и как следить за своим самочувствием. В приложении приводятся комплексы упражнений и примерное содержание самостоятельных тренировок. Это пособие также вошло составной частью в текст его диссертации. Описание технических средств, совершенствованию которых он отдал много времени и труда, изложение методики их использования также составляют отдельную главу. Подробно разбираются возможности применения приборов («лидеров») при обучении бегу на 100 метров, прыжкам в длину, толканию ядра. Подробно Попенченко рассматривает вопросы педагогического контроля на занятиях по физвоспитанию, методы массовых обследований состояния здоровья студентов и, наконец, совершенствование организационной структуры учебного процесса с применением вычислительной техники. Как видим, охвачен широкий круг вопросов, связанных и с медициной, и с биологией, и с педагогической наукой.

Нельзя сказать, что эти проблемы не изучались раньше

советскими и зарубежными учеными. Однако сводной работы по совершенствованию учебного процесса не было. Попенченко и попытался восполнить этот пробел в спортивной науке. Ему пришлось углубиться в изучение литературы по спортивной медицине и травматологии, психологии и физиологии юношеского возраста — раньше он не слишком часто брал в руки специальные работы по этим темам...

...Каждое утро широким своим шагом, за которым далеко не каждый может поспеть, пересекает он двор института. Уже здесь его окружают люди. Какой-то студент не сдал зачета, просит перенести. Факультет устраивает вечер, просят его прийти и выступить. Директор спортлагеря в Петушках приехал с отчетом. Студентка жалуется, что никак не удается сдать нормативы ГТО.

Он врывается в свой кабинет — что записано на листке календаря? В 10 совещание у ректора — подготовка к сессии. Позвонить в спортмагазин насчет покупки партии лыж. Съездить на завод металлоконструкций, там заказана решетка для штангистов, в 17 часов совещание у прораба. Ах вот что он, пожалуй, сделает в первую очередь! Он сейчас переоденется и сбегает на стройку, чтобы своими глазами посмотреть, как идут дела, и подготовиться к разговору — это он успеет до совещания у ректора, а потом в лабораторию — и...

Наш рассказ должен оборваться внезапно, как внезапно оборвалась эта жизнь. Сбегая по лестнице с низкими перилами, — он ведь все бегом, бегом... в жизни многое нужно успеть сделать, он до главного еще не добрался, бокс — это праздничный эпизод юности, а теперь наступила зрелость... — сбегая по лестнице, он слишком круто взял на повороте — и на витке (может быть, закружилась голова — это так и осталось невыясненным)... и был страшный пустой полет — и удар... Последний удар, полученный Попенченко. Но ведь он всегда вставал! Всегда вскакивал на ноги, и ни один судья на свете не может похвастать, что произнес над ним слово «аут»! И вот он на ногах, и стоит в своей неуклюже-свободной стойке и будет стоять, доколе не забудется на земле эта захватывающая и суровая мужская игра — бокс...

Я. КУМОК

**ЮЛИЯ
РЯБЧИНСКАЯ**

(Из записок тренера)

О Юлии Рябчинской написано немного — всего несколько заметок и репортажей в газетах. По-настоящему же Рябчинской успел заинтересоваться, «разговорить» ее, записать голос Александр Федорович Бойко — тренер по легкой атлетике и журналист.

Из Мюнхена мы прилетели с ним в одном самолете и на

следующий день поехали в Шереметьево встречать спортсменов. Ждем прибытия, гуляем, перебивая друг друга, вспоминаем мюнхенские баталии. Наконец самолет приземлился.

Юлю я увидела расстроенной. Тихо спрашиваю:

— Ты чего ревешь?

— Пропало весло, которым я выиграла Олимпиаду.

Тогда Бойко серьезно спрашивает:

— А медаль где?

— Как где? — Юля схватилась за свою сумочку, с которой не расставалась даже ночью, торопливо раскрыла ее и облегченно вздохнула. — Вот!

— Ну так слушай меня. — Он даже понизил голос. — Я здесь самый главный. Твое весло не потерялось, его изъяли в Мюнхене, чтобы покрыть золотом, а затем на специальном самолете отвезти в Одессу. А там выставят для осмотра.

Не знаю, поверила Юля или нет, но она вся расцвела, слезы мгновенно высохли.

Перед Юлиным отлетом в Одессу Бойко сказал:

— Вот так, приедешь в Москву, запираемся втроем в комнате, и ты рассказываешь все о себе.

Потом Юля говорила, как, подлетая к Одессе, она выглянула в иллюминатор и удивилась огромному скоплению народа. Еще подумала: «Кто-то важный прилетает». Стала оглядываться, разыскивая этого человека в салоне. И только когда вышла и все бросились к ней, знакомые и незнакомые, — все с цветами, только тогда и поняла...

А весло ее все-таки я отыскала и потом, когда Юля приехала в Москву, уговорила оставить. Так и стоят у меня два весла: мое и Юлино. Обоими веслами завоеваны золотые олимпийские медали.

После того как мы с Юлей получили ордена «Знак Почета», опять собрались у нас.

Юля и Бойко сели друг против друга, между ними — магнитофон, а я примостилась на диванчике, в их разговор не вмешивалась. Говорили они долго, иногда выключая магнитофон. Рассказ о Юлиной жизни уместился на двух кассетах.

Родилась Юля в поселке Песчанка Винницкой области в 1947 году. Детство ее пришлось на нелегкие послевоенные годы. Юля рано узнала, что такое труд, — помогала старшим братьям, сестре, родителям.

Она росла здоровой и крепкой, но спортом не интересовалась.

В школе девочка увлеклась пением и танцами. Поэтому, когда она решила поступать в эстрадно-цирковое училище, это никого не удивило. Но оттуда она расстроенная вернулась домой — не приняли. Поступила на курсы медсестер. Здесь, в Виннице, она впервые увидела греблю на байдарках. Юля загорелась желанием попробовать самой и однажды отправилась на водную станцию. Она даже не сказала, что не умеет плавать, боялась, что отправят обратно. Села в хрупкую лодку, которая угрожающе закачалась, пересиливая страх, начала грести. Было ей тогда 20 лет.

В гребле у Юли с первого раза ничего не получилось. Но она пришла на другой день, записалась в секцию народной гребли. На первых соревнованиях Юля оказалась предпоследней, но ее заметил тренер Анатолий Михайлович Иванов. Он попросил ребят из своей группы позаниматься с новенькой.

Только Юля, человек гордый, напрашиваться на их помощь не стала. Как-то она пришла одна рано утром на гребную станцию, вынесла байдарку и начала грести вверх по реке, стараясь держаться берегом, на тот случай, если бы байдарка перевернулась.

В тот день она прошла около двадцати километров. Вместе с усталостью она ощущала неизведанную дотеле любовь к гребле и непреодолимое желание заниматься этим видом спорта.

С того дня Юля гребла ежедневно, по несколько часов. Зимой, когда выпал снег, она почувствовала себя несчастной. Но как только лед двинулся вниз по реке, первой села в лодку.

Вскоре Юля едет в Киев на контрольные соревнования спортивного общества «Динамо». Здесь, оценивая каждого спортсмена, отбирали команду для участия в розыгрыше Кубка Большого Днепра. Еще многого не умеющая, Юля проиграла старт и вышла последней. Зато на финише многие мастера оказались далеко позади. Взоры присутствующих обратились к никому не известной спортсменке. Но тренеры, которых «не проведешь», заподозрив подвох, попросили ее стартовать еще раз. Юля страшно возмутилась, в желании доказать свою правоту чуть сильнее оттолкнулась от бортика и... перевернулась в холодную воду. Тут же переделась и снова вышла на старт. Но только в этот раз финишировала последней. Удивление прошло. Все успокоились, и неудачливую спортсменку тут же отчислили как не умеющую выступать стабильно. Вот тогда Юля и проявила свой характер, объявив во всеуслышание, что она своего добьется. Все посмеялись и разошлись.

После этого Юля стала ежедневно бывать на гребной станции, чтобы снова и снова проходить свои 20 километров.

В 1968 году Юля закончила курсы медсестер и стала работать по специальности. Тренировалась до и после работы. В том же году в Донецке проводился чемпионат УССР, на который допускались только перворазрядники. А Юля еще ни разу не стартовала в официальных соревнованиях! В финале она заняла второе место, проиграв чемпионке 0,5 секунды и выполнив норматив мастера спорта. Вот тогда-то все вспомнили Юлино выступление на весенних гонках в Киеве. Задавали вопрос: что это?

Одаренность к гребле? Но ведь Юля выросла в поселке, где нет ни озера, ни речки. Повышенная работоспособность? Но так работают все.

Уже через полгода спортсменка занимает третье место на Всесоюзном первенстве общества «Динамо». В то время сильнейшие гребцы готовились к Олимпиаде в Мехико. В Псков на чемпионат СССР Юля приехала запасной в своей команде. Ей ничего не оставалось, как внимательно всматриваться в ряды соперниц.

Всю Олимпиаду она просидела перед телевизором. А после этого с новой энергией продолжила тренировки.

Именно в то время медсестра Юля Бабак познакомилась с фельдшером Рябчинским. Когда они после тренировок выносили лодки на берег, он всегда торопился ей помочь. Занимаясь вместе греблей, они успели до зимы многое выяснить. Об этом Юля вспоминала сама: «Было это зимой. Шли мы, взявшись за руки, а над тихим городом падал снег. — Голос ее в этом месте замер и опустился до шепота. — «Юлька, ты знаешь что?» — сказал Саша. И я, почувствовав важность момента, ответила с вызовом: «Что?!» Рябчинский, набравшись смелости, выкрикнул: «Давай поженимся!» Вскоре мы расписались».

Саша очень хотел ребенка, а мама приободрила: «Давай, дочка, я вынянчу дите, а ты греби дальше». По-крестьянски здоровая, Юля гребла в первые месяцы беременности, тренировалась много и выступала успешно. И все же она оказалась меж двух огней: муж говорил одно: рожай, а тренер — другое: надо готовиться к чемпионату мира, который состоится в следующем году. Однажды тренер вызвал Юлю и предложил ехать на молодежное первенство страны. Она потупилась:

— Я плохо себя чувствую, — и, помолчав, добавила: — Я беременна.

Тренер был вне себя:

— Принеси справку от врача.

— Ах справку! — оскорбилась Юля.

Она принесла справку и больше не появлялась на занятиях.

Рябчинская уехала в Одессу, куда ее пригласили как уже известную в гребном мире спортсменку. Несмотря на то, что в течение ближайшего года Юлиных выступлений не предвиделось, ее приняли тепло. А весной в семье Рябчинских родился Игорь.

И вскоре уже Юля гребла, обновленная и счастливая.

Теперь ее тренировки чередовались с кормлением сына. Она подгребала к берегу, и, пока Игорь «обедал», Саша прикрывал жену и сына от постороннего взгляда.

...Я хорошо помню тот день, когда мы впервые встретились на соревнованиях гребцов. Тогда я еще только присматривалась к тренерской работе, но рядом сидела моя многолетняя наставница, заслуженный тренер СССР Мария Николаевна Фадеева, готовая всегда помочь, посоветовать. Юля догадывалась, что на нее смотрят.

Уже тогда в своем желании обогнать всех Юля полностью раскрыла свой неукротимый характер. Реакция у нее была как у спринтера. Стартер еще не копчил слово «Внимание», а Юля уже рубанула веслом воду. Она была одной из спортсменок, среди которых надо было выделить лучшую, ту единственную, которая способна на многое. Чему-то меня учила Мария Николаевна, кое-что я уже знала сама. Конечно же, мы, тренеры, прежде всего обращаем внимание на внешние данные, хотя самым главным качеством, решающим все, является характер. Сколько я видела гребцов с идеальным телосложением и сколько было среди них совершенно непригодных к гребле! Внимательно наблюдая за Рябчинской, я пыталась как-то систематизировать свои впечатления: сидит в лодке как и все другие. Первый старт — фальстарт! Тут же мысленно отмечаю: «Да она еще и невыдержанная!» Второй старт. Юля рванулась, потеряла равновесие и плюхнулась в воду. «О, да она еще и несобранная!» Третий старт! Юля так хватанула воду веслом, что весло не выдержало и сломалось. Мы с Марией Николаевной глянули друг на друга и расхохотались. Ну и ну! Что бы она еще выкинула, если бы разрешили стартовать еще раз? Но правила это исключают, и потому представление, данное нам Рябчинской, окончилось.

Спортсменка отправилась на берег изучать опыт других, а Мария Николаевна мне подмигнула: «Видать, девчонка с характером».

Специально ли Мария Николаевна, признанный авторитет в гребле, заострила мое внимание на Юлиной настойчивости, не знаю. Но сумму этих первых впечатлений помню хорошо. Позднее я уже специально разыскивала Юлю на трассе эстафетных гонок. Почему она мне запомнилась? Что же было главным? В ее движениях, еще су

етливых, разболтанных, «сырых» движениях новичка, нет-нет да проскальзывали отрывистые, неярко выраженные движения мастера. Мелькнет что-то близкое к идеальному и тут же пропадет. Снова она гребет наравне со всеми. Тогда, будучи еще тренером неопытным, я не совсем ясно понимала, что эти крупницы истинного и надо искать, выявлять, развивать. И главный помощник в этом — характер спортсмена, его стремление сделать лучше, повторить сотни, тысячи раз, но все-таки добиться своего.

С Юлей мы встретились в следующем году в Краснодарске. Шли гонки, я, как всегда, металась на катере вдоль колонны байдарок, растянувшихся по каналу. Все высматривала, высматривала и на контрольных соревнованиях увидела Юлю. Но теперь я уже знала, кто есть кто. На дистанции 1000 метров объявили мастера спорта Юлию Рябчинскую. Рассматриваю ее ближе и вновь оцениваю темперамент, бьющий через край. Был еще март, и члены сборной команды, имеющие в ней, так сказать, постоянную прописку, гребли спокойно — у них все ясно! И на фоне этого спокойствия волны, идущие от лодки Рябчинской, не остались незамеченными. Юля, что называется, «отмолотила» дистанцию на одном дыхании и обошла всех. Опять я стала все суммировать: «Темперамент и пренебрежение к авторитетам». А на тренировках Юли, на которые я специально приехала, приплюсовала: «Трудолюбие и стремление к победе. Только к победе!»

Теперь я старалась постоянно держать Рябчинскую в зоне своего внимания. Через некоторое время мы встретились. Узнав о том, что ее собираются включить в сборную команду страны, Юля очень обрадовалась.

С тех пор мы не раз и подолгу говорили с Юлей. Я привыкла к ее певучему украинскому говору. После переезда в Одессу она осталась без тренера, к выступлениям готовилась самостоятельно. В нашей среде это редкое явление. Естественно, желающих помочь одаренной спортсменке было предостаточно. Тренировочные планы, гарантирующие успех, протягивали ей со всех сторон. Я недоумевала, почему Юля не нашла себе тренера. А потом поняла: она хотела остаться собой.

Мы стали готовиться к Мюнхенской олимпиаде. Сейчас, оглядываясь назад, надо честно признать, что все было не так просто: Юля многого не знала, я тренерским

премудростям училась не по институтским книгам, а в жизни, которая с первых дней взяла меня в крутой оборот. Но Юля во всем проявляла настойчивость, желание понять и разобраться, а это заставляло нас работать еще больше. Не раз меня одолевали сомнения, но Юля верила в успех, она стремилась идти своей дорогой — об этом не раз мы говорили с ней. Вместе с Юлей мы стремились развивать ее лучшие спортивные качества и исправлять недостатки. Лучшее ее качество — умение работать. Как это ни парадоксально, но здесь приходилось с ней бороться, потому что она всегда старалась сделать больше, чем я планировала. Как я ни пыталась ее останавливать, она стояла на своем. Однажды мы вызвали Юлю на тренерский совет и наказали лишением нескольких дней отдыха за превышение нагрузок. Случай уникальный и в моей жизни единственный. Но если смотреть на эти нарушения сквозь призму олимпийских соревнований, к которым готовилась Рябчинская, то следует признать, что в них был залог будущих побед.

«Ах так?!» — это любимое выражение Юли Рябчинской, после которого она начинала доказывать свою правоту. И она доказывала. Мы ее отлучали от гребли, а она тайком наверстывала свое на лыжах, в гопке, проходившей в горах на высоте 2300 метров. Там она опередила многих спортсменов, которые в отличие от Юли с детства ходили на лыжах.

Шел 1972 год. Юля как бы между делом начала у меня выспрашивать про героев Олимпиады. Какие их главные качества? Как они добивались побед? Я ей рассказывала все, что знала, вспоминала свой опыт участия в Олимпийских играх.

А рядом с нами готовилась моя подруга Людмила Пинаева, уже двукратная олимпийская чемпионка, с которой мы в Мехико вместе завоевали бронзовые медали. Теперь она Юлина конкурентка. Что поделаешь, такова спортивная жизнь. И вот Пинаева и Рябчинская встретились на самой короткой и самой почетной дистанции 500 метров.

Тренерский совет распisał для них серию стартов, чтобы рассудить двух претенденток.

Результаты первой половины сезона говорили в пользу Рябчинской. Но тренеры сборной отнеслись к этому скептически. Про Юлю говорили: не выдержит, очень сильно начала, к Олимпиаде скиснет. Поговаривали и о том, что Юля выигрывает с попутным ветром. Чтобы пе-

реубедить скептиков, надо было тренироваться грести против ветра.

Когда я сказала об этом Рябчинской, выяснилось, что она уже самостоятельно начала тренировки. Я осторожно спросила о причинах. Юля ответила коротко: «Чтобы не было разговоров».

В апреле на соревнованиях в Зугресе Рябчинская заняла пятое место. У меня за спиной посмеивались.

Через месяц на соревнованиях в Ереване Рябчинская выиграла у Пинаевой 1,6 секунды.

Через неделю на соревнованиях в Минске разницу их результатов (0,1 секунды) мог зафиксировать только фотографиниш, как у бегунов на 100 метров.

С учетом официальных и контрольных соревнований счет встреч стал 3 : 2, и теперь все решал чемпионат СССР в Житомире. По традиции чемпион страны получает безоговорочное право выступления на Олимпиаде.

...Словно по заказу задул сильный порывистый встречный ветер. Только специалисты в нашем виде спорта знают, что такое грести против ветра. Пинаева, к примеру, делала 108 гребков, а Рябчинская — 128. Чаще поднимаешь лопасть — чаще встретишься с ветром. На финише Рябчинская проиграла 0,1 секунды. Да, все-таки проиграла. Счет 3 : 3. Правда, за Юлей признали право выступать в любую погоду.

Соревнования продолжались в Румынии на озере Снагов. При встречном ветре Рябчинская выигрывает у Пинаевой 0,8 секунды. Но скептики не унимались: «А вдруг Рябчинская перегорит?»

...Есть в украинских селах неписанный закон, в котором заложена народная мудрость. Там отца и мать называют на «вы». Нет, не отдаляюще-казенно, не подчеркнуто подобострастно, а с глубоким уважением к людям, которые дали жизнь и воспитали. Юля и ее послевоенные ровесники начали забывать этот обычай. Хотя нет-нет приедет она домой, заговорит по-украински и, услышав обращение старших, скажет: «Что вы, мама?»

Когда она вернулась с чемпионата СССР, на станции ее встретил отец.

— Ну як там, дочка? Слухали мы тут радио. Ничего про тебя не сказали. Наверное, проиграла?

Юля кивнула.

И тогда самый главный ее болельщик заплакал.

— Чого вы плачете, батьку?

— Та як же, стильки робыла.

Он знал цену труду, знал, как работала дочка — его кровь. Успокоила его Юля. Побыла с родителями дедок, поиграла с сыном — и в дорогу.

Следующие соревнования в Венгрии. Туда ехал второй состав сборной, где и числилась Рябчинская. Она победила, выиграв у сильнейшей гонщицы мира А. Пфёффер 4 секунды.

Через неделю — последняя гонка в Копенгагене. Это уже были третьи соревнования подряд. Что нам делать? Тренироваться? Отдыхать? Я металась в сомнениях, а Юля непрерывно смеялась и распевала песни. К тому времени я заметила, что, когда ей трудно, она веселится. Так и в те дни она гуляла одна по вечерам и тихонько напевала.

В олимпийский сезон Юлю принимали в комсомол. Так уж получилось: в школе у нее было две тройки, одна по физкультуре (!), а школа образцовая, и в приеме ей отказали.

Накануне приема (уже в сборной команде) Юля проигрывает контрольные соревнования. Она тогда крепко задумалась и твердо сказала комсorghу: «Вступать сейчас не имею права. Сборную СССР подводить не могу. Прошу месяц отсрочки». Шло время. Результаты улучшились. После чемпионата страны, когда ее принимали, заверила: «Если попаду в Мюнхен, выиграю обязательно».

На соревнованиях в Дании Юля опять выиграла у Людмилы Пинаевой. Тогда было решено, что в Мюнхене Рябчинская выступает в байдарке-одиночке, Пинаева — в двойке.

И все-таки была еще одна прикидка. И опять Юля выиграла у Пинаевой 1,2 секунды. Их счет стал 6 : 3. Победа в этом споре далась Юле нелегко. Было видно, что она порядком устала. Но расслабляться нельзя — самое главное впереди.

Как передать тот огромный, ни с чем не сравнимый гредолимпийский накал, атмосферу тренировок, волнение спортсменов и их наставников? В те напряженные, изнурительные дни я как-то спросила Юлю:

— Ты что собираешься получать в Мюнхене?

Она удивилась.

— Как что? Золото! — А взгляд ее говорил: вот те на, сколько говорили, готовились — неужели неясно!

Пришла ее первая Олимпиада. 5 сентября Юля попробовала веслом олимпийскую воду. А ровно пять лет назад в этот же день она впервые села в байдарку. Знаменательное совпадение.

Уже в предварительном заезде Рябчинская оставляет далеко позади всех своих соперниц.

Настал день полуфинальных соревнований. До старта пять минут, а корма Юлиной лодки все гуляет по затону. По нашим правилам корму надо подать к плоту, и специальный судья придерживает ее до момента старта. Все выстроились, а Юля спокойненько обтирает лицо.

Она была уверена, что выиграет заезд. Действительно, Юля была первой на финише.

...В день финала Юля проснулась в шесть утра. Давно прошли те времена, когда она вставала с первыми петухами, а тут поднялась ни свет ни заря. Посмотрела на часы и вспомнила дом. Выйти бы сейчас босой навстречу солнцу и уйти, не думая ни о чем. Или оказаться в Виннице на водной станции. Примчаться туда, растолкать сонного сторожа, получить байдарку и поплыть по реке, курящейся ранним туманом.

...Приехали на канал. Я лодку натираю, а Юля сидит в стороночке, мурлычет что-то. Мимо по спокойной воде скользят байдарки. Вдруг Юля увидела ставшего на днях чемпионом Сашу Шапаренко. У него все уже позади, он может вот так спокойно прогуливаться по причалу. И тут с Юлей что-то произошло: ее затрясло, завертелась она на одном месте. Спасибо запасной Нине Гоповой, обняла она Юлю и увела в сторону, заговорила побасенками.

Юля как в бреду шагает и сама себе шепчет: «Ну чего ты волнуешься. Все будет в порядке. Лишь бы не фальш-старт. Да успокойся же!»

Дали старт. Зашипела ракета и разрядила ее думы и сомнения. Как задала она темп, как затараторила — 132 удара в минуту! Только подумать: сплошное колесо рук и лопастей. 250 метров — первая, 300 — первая... Ну, сколько можно держать этот сумасшедший темп? И что-то лопнуло в Юлином круговороте. Заметили это, правда, только специалисты. Позже Юля пыталась вспомнить свои ощущения: «Что-то сжимало меня, сковывало; чувствую, сводит ноги. Я будто засыпаю, засыпаю...»

...Оставалось 50 метров. Каких-то два пролета в канале, размеченном цветными буями. А сзади настигают.

И вдруг она спохватилась: «Господи, та шо ж я!» И как во сне услышала гонг. Еще гонг.

Гонг! Гонг! Гонг! Это финишировали все остальные, а первый гонг ударил в честь Юлии Рябчинской.

То было счастливое мгновение!

Что такое 0,9 секунды перед ближайшей соперницей, от которой оторвалась Юля? Миг, когда и слова не скажешь. На финише это выразилось в четырех метрах преимущества — это был максимальный отрыв в семи финальных заездах XX Олимпиады.

...Юлю обнимали, целовали. Она ходила совсем потерянная — ей не верилось. Всю ночь после финиша мы не сомкнули глаз. Думали о будущем, говорили о новых стартах и новых победах. Юля вспомнила много своих и, конечно же, моих, тренерских ошибок. Торопясь, перебивая друг друга, предлагали, как их исправить.

А уж позже праздновали как положено по русскому обычаю — после труда и праздник. А повод для этого был: наша команда гребцов сделала почти невозможное, выиграв шесть золотых медалей из семи.

...Мои обстоятельства сложились так, что вскоре я должна была временно оставить тренерскую работу — ждала ребенка. Когда Юля узнала об этом, сразу прибежала ко мне, радостная, возбужденная. В этот вечер мы сиделись допоздна, и она все говорила, говорила: «Ой, как я хочу, чтобы у вас была девочка! У меня такие красивые туфельки есть!.. И приданое дитю не покупайте. Я сама все куплю. И насчет тренировок не волнуйтесь! В Москву к вам буду ездить тренироваться».

Вечер 12 января 1973 года мы провели очень весело. Я записала на магнитофон две песни, которые она исполнила на русском и украинском.

Часто вспоминаю тот вечер, потому что в нем сконцентрировалось многое, что мне предстояло запомнить на всю жизнь...

Юля была романтична — только сейчас начинаю это понимать. Бывало, скажет: «Вот ведь дорога на сбор и дорога на соревнования вроде одинаковы, а чувствуешь себя в пути по-разному. Когда возвращаешься с соревнований, время тянется бесконечно, каждый день превращается в неделю, неделя — в месяц. Спишь и видишь встречу в аэропорту со своей семьей. А на сборах дни бегут

вскать, оглянуться не успеваешь, как остаются за спиной города, где была глубокая осень или вечное лето. Правда, ведь мы все время тянемся к лету. Ох, как хочется продлить лето! Это такое удовольствие: ярко светит солнце, зеленеет трава, тихо несут свои воды реки; можно без усталости совершенствовать себя в спорте и своими победами приносить радость людям. Мне больше всего хочется побеждать, чтобы радовать земляков. Как они «болеют» за меня!

...Человек с детства познает солнце, тепло и ласку. А мы, спортсмены, педолюбиваем и недоласкиваем... Правда ведь! Зато нам дано другое. Острота ощущений! Радость победы над соперником, над собой...»

Сейчас вспоминаю все это, а тогда, после Юлиного ухода, я многое записала в свой дневник. Может быть, это было предчувствием расставания?

В тот вечер она все уговаривала меня поехать в Одессу, а потом в село, на родину, — хотела показать свой дом, поля, речку, ручей... «Вы и не поверите, какая у меня мама маленькая, не удалась ростом, но зато очень крепкая, здоровая и, конечно, ласковая. А отец мой — человек суровый...».

Любила она своих родителей. Во время международных соревнований очень беспокоилась: «Ох, не успею купить подарки старикам. Маме что-нибудь на платье, а отцу — шарф. Он любит тепло, ох как любит. Ему часто надо выходить к скотине во двор, а одеваться не хочет. Вот и простуживается. Куплю шарф, его можно быстро накрутить на шею. Все теплей!» Юля никогда без подарков не ездила домой. А навещать своих родных приходилось все реже и реже. Она была сильно загружена тренировками и учебой.

После Олимпиады Юля поступила в Киевский институт физкультуры. Она и в учебе стремилась быть первой.

У нее был прямой, открытый, хотя, может быть, немножко резкий характер. Честная и справедливая с окружающими, она не терпела никаких интриг, и если уж на нее кто-то жаловался, тут же призывала разобраться в открытую. Она любила повторять: «Для меня главное — спорт, а личное — потом, когда я дома».

Юля все делала в полную силу — выступала ли на соревнованиях, копала ли огород, или убиралась в квартире. Иначе она не могла. Своим отношением к делу она умела заражать товарищей.

Однажды тренер Раменской детской спортивной школы Я. Я. Костюченко попросил Рябчинскую приехать в школу на выпускной вечер и рассказать об Олимпийских играх. И она поехала. В городском Доме культуры собралось очень много желающих увидеть и услышать олимпийскую чемпионку. Люди стояли даже в проходах. Юля говорила ярко, страстно. Рассказывала о том, как пришла в спорт, о своих достижениях, делилась зарубежными впечатлениями. В заключение она сказала: «Это первая наша с вами встреча, но не последняя! Я желаю вам, юные коллеги, большого спортивного счастья на грудном пути к Олимпу. Я надеюсь, что на следующих Олимпийских играх кто-то из вас будет защищать наше спортивное знамя». После этого выпускникам школы были вручены значки мастеров спорта. Вручала их олимпийская чемпионка Юлия Рябчинская. Среди тех, кто получил из ее рук значок, были Татьяна Коршунова и Александр Дегтярев. Впоследствии Таня стала серебряным призером, а Саша — чемпионом XXI Олимпийских игр.

Сбылись слова замечательной спортсменки, только ей не пришлось чествовать новых чемпионов...

Со дня гибели Юли прошло немало времени. А я все думаю и думаю: как же это случилось?

...Проходила обычная тренировка на канале в Потю, где мы обычно тренируемся в зимние месяцы, когда у нас в России замерзают водоемы.

Юля, заканчивая тренировку, уплыла далеко вперед.

А через несколько минут мы увидели лишь перевернутую байдарку да шапочку, еще плавающую на водной поверхности.

Оказалось, что байдарка неожиданно перевернулась (как это бывало десятки раз до этого), но у Юли произошел спазм дыхательных путей...

Юлия Рябчинская прожила короткую, но яркую жизнь, содержанием которой были труд и стремление к победе, только к победе!

А. СЕРЕДИНА

СОДЕРЖАНИЕ

АРСЕН МЕКОКИШВИЛИ. В. Ганчук	9
ФЕДОР ТЕРЕНТЬЕВ. О. Ряжский	49
ВСЕВОЛОД БОБРОВ. В. Суханов	72
ВЛАДИМИР КУЦ. В. Кардашов	110
МАХМУД УМАРОВ. М. Чупров	165
ВАЛЕРИЙ ПОПЕНЧЕНКО. Я. Кумок	182
ЮЛИЯ РЯБЧИНСКАЯ. А. Середина	243

ИБ № 2263

СОВЕТСКИЕ ОЛИМПИЙЦЫ. Сборник

Редакторы **А. Неверов, В. Пекшев**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Рисунок на обложке и заставки **Н. Лобанева**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректор **Г. Трибунская**

Сдано в набор 07.12.79. Подписано в печать 28.02.80. А01147.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ.
л. 13,44 + 16 вкл. Учетно-изд. л. 15,9. Тираж 150 000 экз.
(1-й завод 100 000 экз.). Цена 1 р. 30 к. Заказ 2212.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

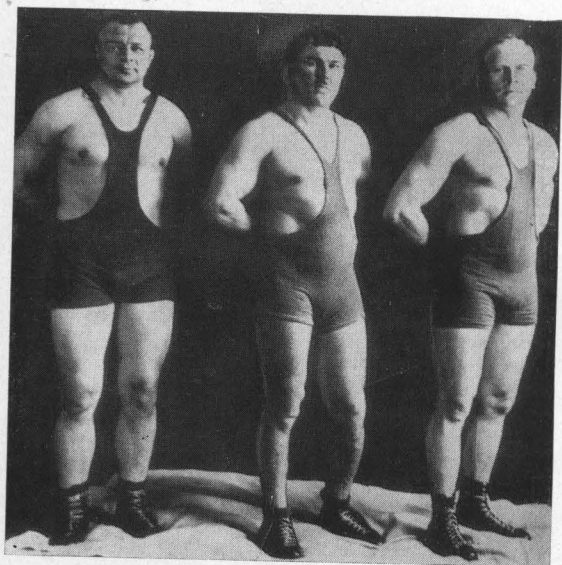
Арсен Мекокишвили с женой Русудан, 1936.

А. Мекокишвили (крайний слева) в колонне динамовцев на празднике, посвященном Дню физкультурника, 1947.

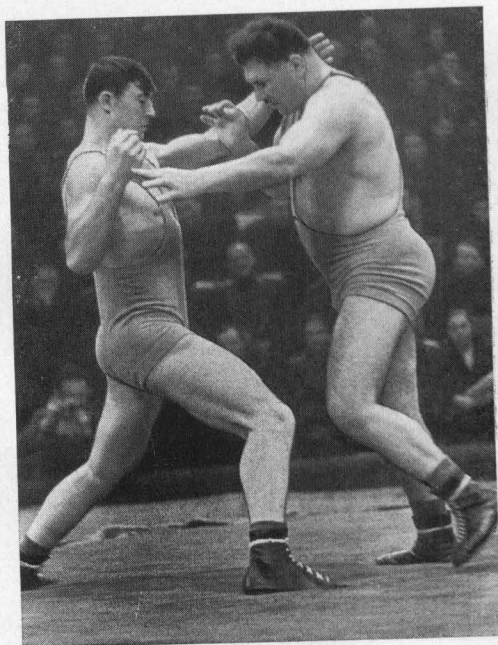

А. Мекокишвили, Тбилиси,
1941.

А. Мазур, А. Мекокиш-
вили, И. Коткас, 1949.

Арсен Мекокишвили,
1952.

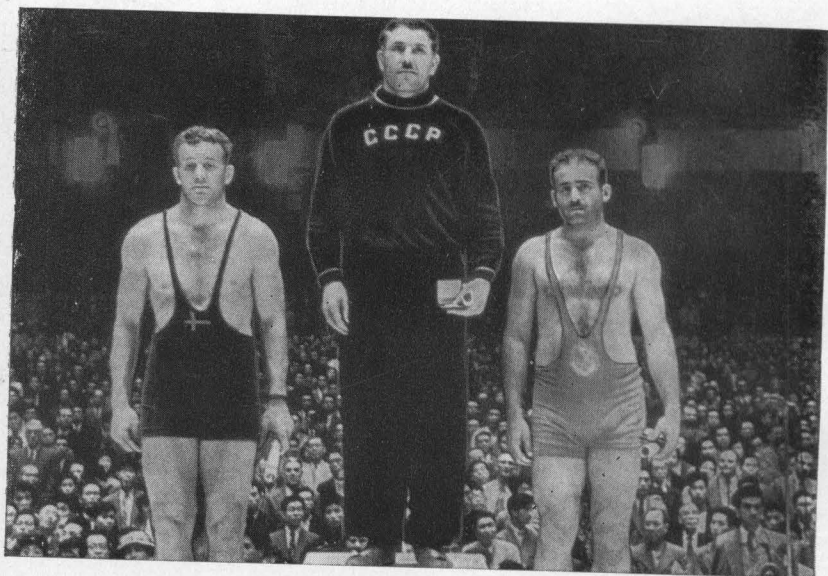

На ковре М. Герасимов
и А. Мекокишвили.
Москва, 1954.

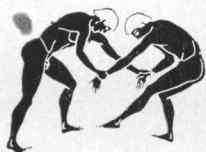

Золотая медаль, полученная А. Мекокишвили на Олимпиаде в Хельсинки.

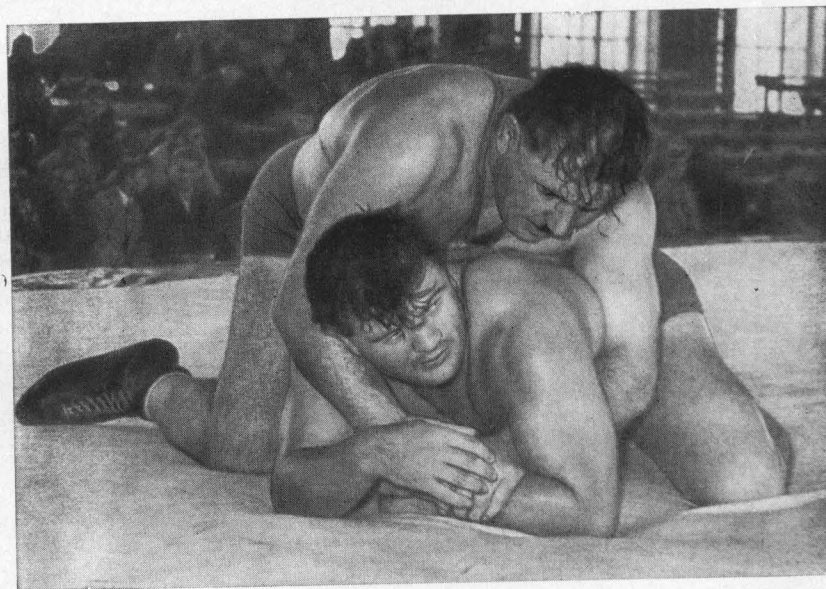
Победители чемпионата мира на пьедестале почета: А. Мекокишвили, Б. Антонссон (слева), И. Атан (справа). Токио, 1954.

В тренировочном зале.
Чемпион СССР Ю. Денников,
чемпион мира
О. Андерберг и А. Мекокишвили,
1954.

Первая Спартакиада на-
родов СССР. Поединок
А. Мекокишвили и
М. Герасимова, 1956.

Арсен Мекокишвили с женой и сыном на сборе винограда в селе Георгицминда, 1965.

На предолимпийских соревнованиях в Кортина-д'Ампеццо, 1955. Слева направо: А. Карпов, П. Колчин, В. Баранов, В. Кузин, Ф. Терентьев, Н. Козлов.

А. Мекокишвили.

Федор Терентьев и его тренер Андрей Карпов.

Перед гонкой патрулей, 1958. Крайний слева — Ф. Терентьев.

Федор Терентьев.

На VII зимней Олимпиаде. Гонка лыжников.

Федор Терентьев.

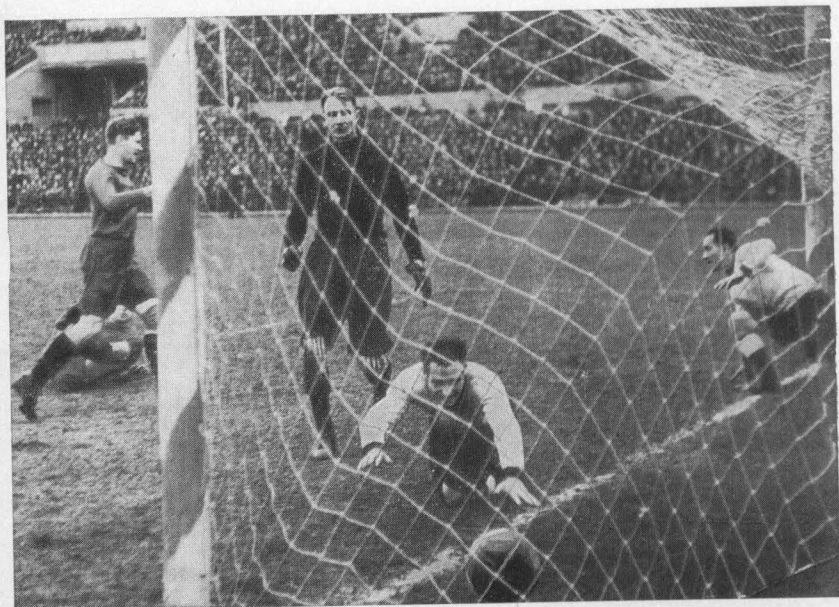

Матч ЦДКА — «Торпедо». Справа — В. Бобров. ▶

После вручения золотых олимпийских медалей. Слева направо: Ф. Терентьев, П. Колчин, Н. Аникин и В. Кузин. Кортина-д'Ампеццо, 1956.

Еще один гол Всеволода Боброва (крайний слева).

В. Бобров забивает гол в ворота сборной Венгрии.

Всеволод Бобров.

Первая игра с чехословацкими хоккеистами. С шайбой
В. Бобров. Москва, 1947.

Матч ВВС—ЦДСА, 1951. В. Бобров (крайний сле-
ва) забивает гол в ворота противника.

Советские хоккеисты возвращаются с победой из Стокгольма, 1954.

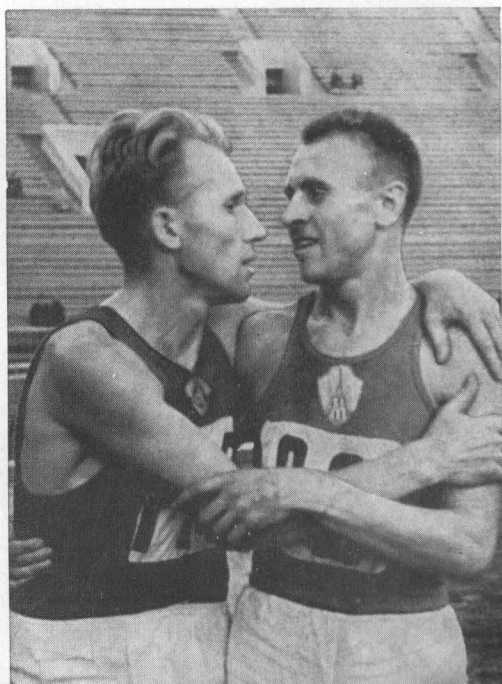

Всеволод Бобров.

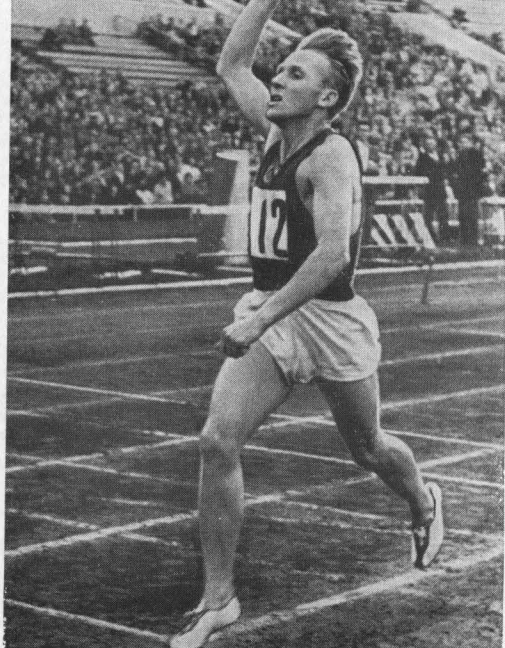

В. Бобров — тренер
команды ЦСКА.

В. Куц и П. Болотников
Москва, 1957.

В. Куц поздравляет
П. Болотникова с побе-
дой.

Финиширует Владимир
Куц.

В. Куц с венгерскими
бегунами.

В. Куц участвует в эстафете.

На пьедестале почета.

Закрытие XVI Олимпийских игр. Флаг СССР несет Владимир Куц.

Махмуд Умаров.

М. Умаров, Г. Волынский и американский стрелок У. Блэнкеншип (в центре).

М. Умаров у Лионского приза, завоеванного советскими стрелками. Каракас, 1954.

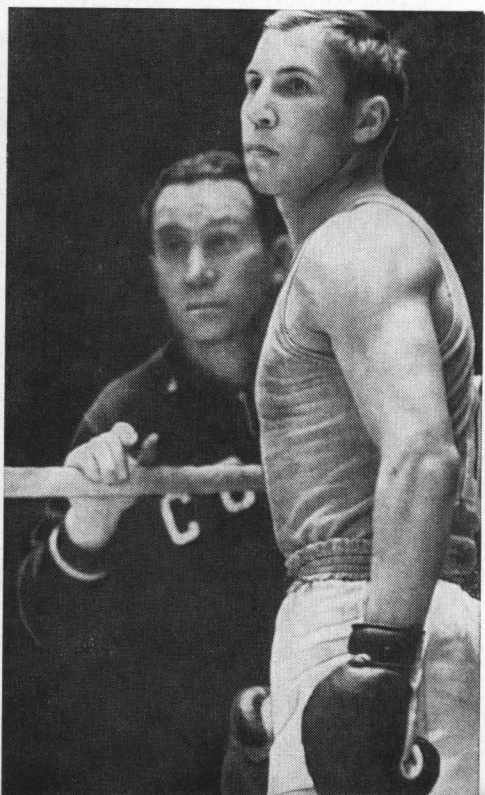
М. Умаров, подполковник медицинской службы.

М. Умаров и А. Ясинский с японскими стрелками. Мельбурн, 1956.

Валерий Попенченко —
курсант военно-морского
пограничного училища.

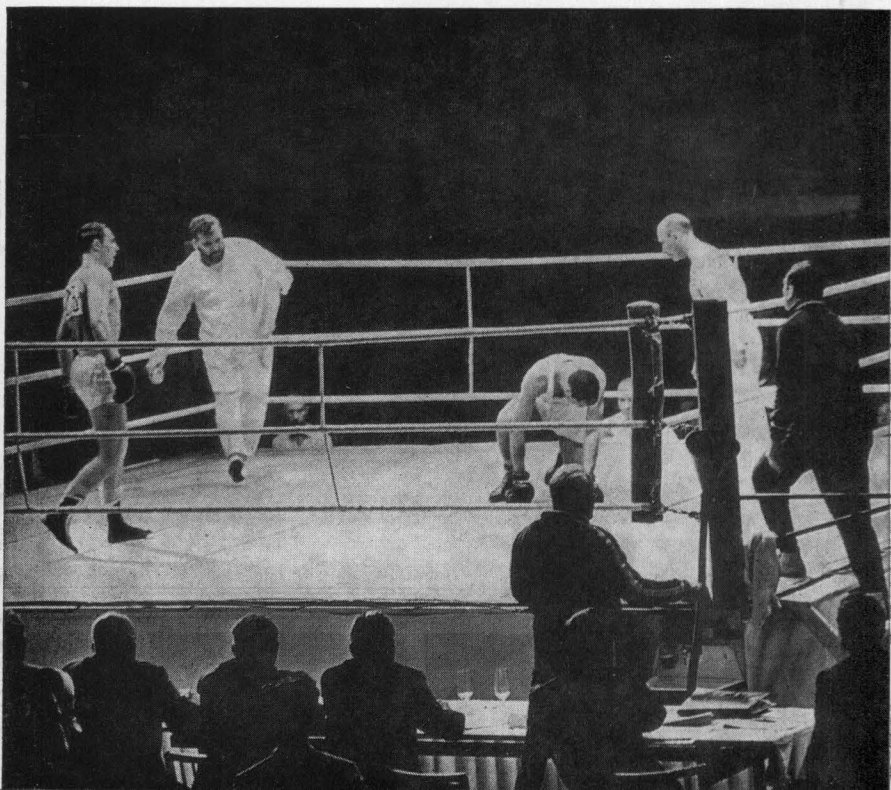
Перед боем. В. Попен-
ченко и его тренер
Г. Кусикьянц.

В. Попенченко — выпускник училища.

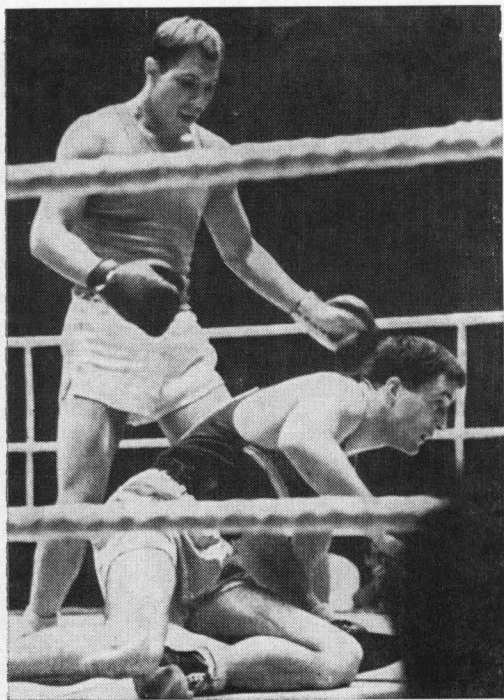

Нокаут. Слева — В. Попенченко.

В библиотеке. В. Попенченко работает над докторской диссертацией.

Победа В. Попенченко над И. Монеи. Первенство Европы. Москва, 1963.

В лаборатории ВИТКУ. Справа — научный руководитель Е. В. Стефанов.

С сыном Максимом.

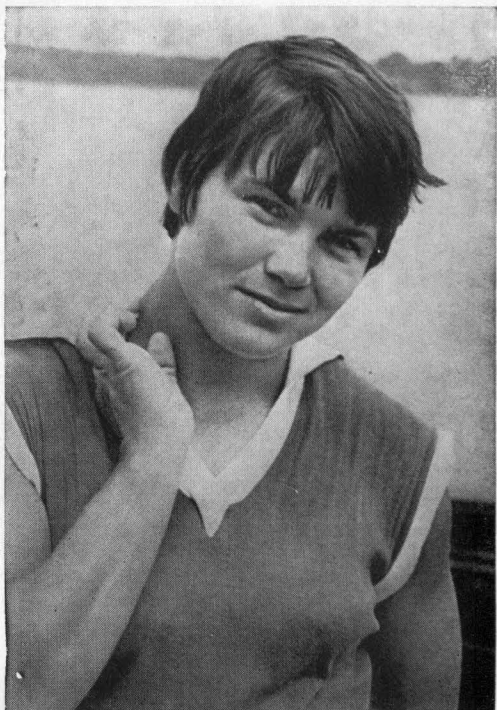
Валерий Попенченко.

Кубок Баркера завоеван.

Юлия Рябчинская.

Чемпионат мира и Европы в Белграде, 1971. На пьедестале почета победительницы соревнований байдарок-четверок (слева направо): Н. Бойко, Л. Пинаева, Е. Курышко, Ю. Рябчинская.

Ю. Рябчинская на тренировке, 1972.

Спартакиада народов СССР, 1971. Е. Курышко и Ю. Рябчинская после соревнований в байдарке-двойке.

XX Олимпийские игры. Ю. Рябчинская перед финальным заездом.

Ю. Рябчинская и ее тренер А. Середина.

Юлия Рябчинская.

Ю. Рябчинская и
Г. Осминина после
заезда.

1 р. 30 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ